

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КАМАРА СИДИ

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В РАЗДЕЛЕННЫХ
ОБЩЕСТВАХ: ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ**

Специальность 5.5.1 История и теория политики

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель
доктор политических наук, доцент
Подшибякина Т.А.

Ростов-на-Дону – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО СЕПАРАТИЗМА В РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ	25
1.1. Концептуализация признака «постколониальный» в теориях постколониального дискурса	25
1.2. Понятие «этнополитический сепаратизм» в семантическом поле концепта разделенных обществ.....	48
1.3. Постколониальный этнополитический сепаратизм: концептуально-дискурсивный анализ.....	65
ГЛАВА 2. ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО КОНЦЕПТА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО СЕПАРАТИЗМА К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕПАРАТИСТСКИХ ПРАКТИК	78
2.1. Деконструкция колониальных стереотипов в постколониальных дискурсивных практиках («Французская библиотека»)	78
2.2. Трансформация постколониальных стратегий Франции («Франсафрик» – «Африк-Франс») в контексте проблем сепаратизма в Африке.....	92
2.3. Диалог как форма политического дискурса и способ урегулирования сепаратистских конфликтов в разделенных обществах: случай Мали.....	106
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	137
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	142
ПРИЛОЖЕНИЕ А	166

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Постколониальность признается одним из самых больших вызовов современности, в этой связи от политической науки ожидают кардинального переосмысления проблем колониализма, деколонизации, неоколониализма. Ставится вопрос о необходимости разработки новой политической теории деколонизации¹, теории освободительной политики², а также о выработке новых инструментов исследования и прогнозирования процессов трансформаций в странах «глобального Юга», в прошлом освободившихся от колониальной зависимости. «Постколониальный поворот» в социальных науках открыл перспективу интеграции постколониальной мысли в социальную теорию³, что позволит взглянуть на ее проблемы в более широком социальном контексте.

Парадигма постколониальных исследований сегодня значительно расширяется за счет перспектив исследования «постколониального сознания»⁴, поскольку ответы на вопрос о причинах проявления колониализма в новых формах в значительной степени лежат в духовной сфере жизни общества. В XXI в. традиционные темы исследования влияния колониализма на судьбу народов, освободившихся от колониальной зависимости, смещаются в область изучения процессов духовной колонизации и деколонизации сознания. Требуется переосмысление проблем «деколонизации знаний и политики», адаптация сложившихся теоретико-

¹ Getachew A., Mantena K. Anticolonialism and the decolonization of political theory. *Critical Times*. 2021. Vol. 4. № 3. P. 359-388.

² Neocosmos M. The domain of traditional society and its politics // *Thinking Freedom in Africa: Toward a Theory of Emancipatory Politics*. Wits University Press, 2016. P. 473-520.

³ Longhofer W., Winchester D. (Eds.) *Social Theory Re-Wired: New Connections to Classical and Contemporary Perspectives* (3rd ed.). London: Routledge, 2023.

⁴ Прохоренко И.Л. Идентичность в постколониальном дискурсе // *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля* / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2023. С. 123.

методологических подходов к новым геополитическим реалиям неокOLONиализма, зачастую существующего в скрытых формах.

Страны Африки в настоящее время осуществляют «постколониальный цивилизационный транзит», предполагающий переход «от роста сепаратизма, ослабления и деградации национальных государств к преобразованию переходных процессов африканской постколониальности в сравнительно устойчивый макрорегиональный цивилизационный транзит, способный преодолеть или ослабить в исторической перспективе тенденции политического и религиозного раскола, этнического сепаратизма»¹. В странах Африки интенсивно развиваются исследования неокOLONиализма, так как без избавления от наследия колониального правления невозможно разобраться в современных социально-политических проблемах африканских стран². Происходит становление национальных научных школ, растет их вклад в обновление постколониальной теории.

В России востребованность изучения проблем этнополитического сепаратизма как феномена постколониальности связана с новым этапом отношений с африканскими странами «глобального Юга» в контексте создания нового многополярного мира. После долгих лет застоя в российско-африканских отношениях наметилась позитивная динамика³, открылись новые перспективы укрепления российско-африканского политического взаимодействия. Сотрудничество российских и африканских ученых придало новый импульс переосмыслению теорий, концептов, дефиниций постколониальных теорий в контексте национальных аспектов проблем идентичности, конфликтов, исторической памяти, нациестроительства.

¹ Следзевский И.В. Цивилизационный транзит постколониальной Африки (постановка проблемы). Африка: международная интеграция и партнерство: Ежегодник-2022 = Africa: International Integration and Partnership: Yearbook-2022: Сборник статей / под ред. Н.С. Кирабаева, Л.В. Пономаренко, В.И. Белова, Е.А. Долгинова. М.: РУДН, 2022. С. 10.

² Mantena K. Political Identity and Postcolonial Democracy. On the Subject of Citizenship / Pillay, Suren – London: Bloomsbury Publishing, 2023.

³ Сидорова Г.М. Россия и Африка: сотрудничество с перспективой // Африка: постколониальный дискурс. 2020. С. 101-103.

Этнополитический сепаратизм является неотъемлемой частью пост-колониального этапа развития стран Африки, Азии и Латинской Америки. Сепаратизм во всех его проявлениях воспринимается обществом как деструктивное политическое явление, угрожающее целостности государства, провоцирующее опасные этнические, социальные и территориальные конфликты. Глобальные сдвиги в мировом политическом процессе, связанные с формированием многополярного мира и повышением роли региональных стран, привели только к усилению сепаратистских тенденций. Современные формы этнополитического сепаратизма приобретают гибридный характер, что свидетельствует об усложнении этого феномена. Проблема влияния этнополитического сепаратизма на политическую стабильность государств в настоящее время далека от своего решения.

Степень разработанности темы исследования.

Тема этнополитического сепаратизма представлена значительным числом научных публикаций в предметном поле конфликтологии, регионалистики и ряда направлений политической науки, таких как этнополитология. При наличии обширной литературы по исследованию проблем этнополитического сепаратизма в политических практиках, мало работ монографического уровня по его концептуальному анализу. Отчасти этим требованиям соответствуют лишь работы, написанные в рамках конфликтологической парадигмы, рассматривающие проблемы теории идентификации конфликтов в контексте геополитических расколов¹, а также проблемы методологии типологизации этнополитической конфликтности².

Еще на начало двухтысячных годов сепаратизм представлял собой малоизученный в политической науке феномен. Отмечалось, что «сложность трактовки этого явления вызвана не только многофакторностью самого

¹ Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000; Глухова А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (К проблеме теоретической идентификации) // Политическая наука. 2020. № 3. С. 13–33.

² Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 69–94.

сепаратизма, но и отсутствием установленных теоретико-методологических подходов к изучению сепаратистских тенденций политической жизни»¹. Метод концептуального анализа Ф. Оппенгейма² и У. Коннолли³ позволяет описать основные признаки и концептную структуру постколониального этнополитического сепаратизма.

Выбор дискурсивного подхода как основного в исследовании проблем постколониального этнополитического сепаратизма значительно ограничил круг теоретических источников. В основу теоретико-методологического конструкта исследования была положена теория постколониального дискурса Эдварда Саида, Гаятри Спивак и Хоми Бабы, уже ставшая классической, но не утратившая своей актуальности. Применительно к пониманию африканской проблематики неокOLONИализма полезными оказались идеи, которые высказали Франц Фанон, Леопольд Седар Сенгор, Шейх Анта Диоп, Кваме Нкрума. Критика стереотипов европоцентризма отражена в работах Кваме Энтони Аппиа, Ахилла Мбембе, Рея Чоу, Вумби Йока Мудимбе, Квази Виреду, Али Мазруи, Тойина Фалола, Абиола Иреле, Саймона Гиканди, Дамбизы Мойо.

Проблемы постколониального дискурса активно разрабатываются представителями российской школы африканистики А.Б. Давидсоном, С.В. Мазовым, А.С. Балезиным, А.Ю. Желтовым, Т.М. Гавристовой⁴, Н.Е. Хохольковой⁵, А.В. Мильто⁶, О.Г. Сидоровой¹, О.В. Воробьевой, В.В.

¹ Нуруллин Р. М. Парадигма конфликта как методологическая основа анализа этнополитического сепаратизма. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 1. С. 154-60.

² Oppenheim F. Political Concepts. A Reconstruction. Oxford: Basil Blackwell, 1981.

³ Connolly W. The terms of political discourse. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.

⁴ Африка: постколониальный дискурс. Колл. монография / отв. ред. Т.М. Гавристова, Н.Е. Хохолькова. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 12.

⁵ Гавристова Т.М., Хохолькова Н.Е. Постколониальная эпистемология: африканские «регистры» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 688-699.

⁶ Мильто А.В. Постколониальный дискурс: термины, образы, сюжеты // Африка: постколониальный дискурс. М.: ИАФр. РАН, 2020. С. 35-49.

Грибановой, Н.В. Гришиной, Т.С. Денисовой, Н.А. Захаровой, С.В. Костелянец, Н.Л. Крыловой, О.А. Моргуновой, В.Г. Шубиным, И.В. Следзевским, А.И. Неклессой, Т.Р. Хайруллиным, С. П. Митраховичем. В центре внимания российских исследователей находятся темы совершенствования понятийного аппарата постколониального дискурса², постколониальной эпистемологии³, деколонизации сознания⁴, дискурсного переосмысления постколониальности⁵ и ее цивилизационного измерения⁶, политики идентичности⁷, становления постколониального нарратива в Африке, разрушения колониальных стереотипов и создание «постколониальной библиотеки»⁸.

Во многом понимание методологии применения теории постколониального дискурса к теме исследования позволили сформировать идеи коллективного труда авторов монографии «Африка: постколониальный

¹ Сидорова О.Г. Понятийно-терминологическое поле постколониального дискурса // Текст в культурно-историческом контексте. 2005. Вып. 1. 2005. С. 120-127.

² Гавристова Т.М. Африка: постколониальный дискурс // Африка: постколониальный дискурс: тезисы докладов участников Всероссийской конференции 25-26 июня 2020 г. / отв. ред. Т.М. Гавристова; Яросл. гос. университет им. П.Г. Демидова; Н.Е. Хохолькова; ИАФР РАН. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 40-42.

³ Гавристова Т.М., Хохолькова Н.Е. Постколониальная эпистемология: африканские «регистры» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 688-699.

⁴ Хохолькова Н.Е. Деколонизация сознания, культурный национализм, афроцентризм, афротриумфализм // Россия – Африка: от устной истории к постколониальному нарративу: Сб. материалов Всероссийской конференции с международным участием 18-20 мая 2022 года. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 216-220.

⁵ Балезин А.С. Некоторые соображения о болевых точках современной отечественной исторической африканистики (приглашение к дискуссии) // Уральское востоковедение. Вып. 13. 2023. № 13. С. 6-11.

⁶ Следзевский И.В., Неклесса А.И., Хайруллин Т.Р. Идея постколониальности в современных цивилизационных представлениях // История и современность. 2023. № 1 (47). С. 22-62.

⁷ Митрахович С.П. Идея постколониальности и противоречия политики идентичности // Идея постколониальности в современных цивилизационных представлениях: материалы конференции. М.: Институт Африки РАН, 2021.

⁸ Гавристова Т.М. Африка: «постколониальная библиотека» // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 80-85.

дискурс»¹, а также работы В.М. Кассае Ныгусие и Н.В. Ивкиной об особенностях политического развития Африки в постколониальный период².

Постструктуралистское понятие деконструкции Ж. Деррида³, используемое в теории постколониального дискурса, выполняет важную методологическую роль в исследовании дискурсивных практик противостояния неокOLONIALИЗМУ. Проблемы деконструкции отражены в работах таких авторов, как М. Сиротински⁴, М. Музаффар, М. Ахсан, А. Навид⁵.

Изучение проблем этнополитических расколов и размежеваний многих исследователей разных стран опирается на фундаментальные теории разделенных обществ С. Роккана и М. Липсета⁶, А. Лейпхарта⁷, концепции ученых-консоциативистов Э. Маккалоха⁸, Г. Лембруха⁹, Дж. Мак-Гарри¹⁰, Б. О'Лири¹¹. Идею институционального взаимодействия как формы

¹ Африка: постколониальный дискурс. Колл. монография. / отв. ред. Т.М. Гавристова, Н.Е. Хохолькова. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 12.

² Кассае Ныгусие В.М., Ивкина Н.В. Особенности политического развития Африки в постколониальный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 22-38.

³ Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.

⁴ Syrotinski M. Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory // Liverpool UP. 1 September 2007.

⁵ Muzaffar M., Ahsan M., Naveed A. Why «Post-colonialism» for Colonized and «Renaissance» for Colonizers? A Comparative Analysis of Deconstruction and Postcolonialism // International Research Journal of Education and Innovation. 2022. Vol. 3. № 1. P. 326-335.

⁶ Lipset S.-M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: an Introduction. Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective, Lipset S.-M., Rokkan S. (eds.). New York: Free Press, 1967. P. 1-61.

⁷ Lijphart A. Consociational democracy // World politics. 1969. Vol. 21. № 2. P. 207-225; Lijphart A. From the politics of accommodation to adversarial politics in the Netherlands: A reassessment // West European Politics. 1989. Vol. 12. № 1. P. 139-153.

⁸ Consociational Settlements in Deeply Divided Societies: The Liberal-Corporate Distinction // Democratization. 2014. Vol. 21. № 3. P. 501.

⁹ Lehmbruch G. Consociational democracy in the international system // European Journal of Political Research. 1975. Vol. 3. № 4. P. 377-391.

¹⁰ McGarry J., O'Leary B. The Northern Ireland Conflict: Consociational Engagements. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 2.

¹¹ McEvoy J., O'Leary B. Power Sharing in Deeply Divided Places. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2013. P. 1-64.

преодоления расколов в обществе развивали А. Цукерман¹, Я. Лустик², Ч. Тилли³, Р. Даль⁴. Значительную роль для теоретико-методологического обоснования понятия «стабильности» играет концепция «сквозных расколов» (Cross-cutting Cleavages), нашедшая отражение в работах таких авторов, как Я. Бадж и К. О'Лири⁵, Т. Даннинг и Л. Харрисон⁶, Р. Гудин⁷, Г. Пауэлл⁸, Дж. Селуэй⁹. Г. Робертсон и Г. Поп-Элехес¹⁰, используют концепцию для объяснения процессов стабилизации, сглаживания этнополитических противостояний в африканских странах, имея в виду под «сквозными расколами» антропологические свойства «родства» и «кузенства».

Следует отметить особую ценность для использования дискурсивной методологии в диссертационном исследовании работ российских ученых. М.В. Ильин, Г.И. Остапенко¹¹, И.В. Кудряшова, Е.Ю. Мелешкина, О.Г. Харитонова, С.М. Хенкин¹², С.П. Артеев¹³ исследовали неформализованные факторы этничности разделенных обществ. В.П. Макаренко провел анализ

¹ Zuckerman A. Political cleavage: A conceptual and theoretical analysis // *British Journal of Political Science*. 1975. Vol. 5. № 2. P. 231-248.

² Lustick I. Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // *World politics*. 1979. Vol. 31. № 3. P. 325-344.

³ Tilly C. Big structures, large processes, huge comparisons, 1984.

⁴ Dahl R. A. Democracy and its Critics. Yale university press, 2008.

⁵ Budge I., Cornelius O'L. Cross-Cutting Cleavages, Agreement and Compromise: An Assessment of Three Leading Hypotheses Against Scottish and Northern Irish Survey Responses", *Midwest Journal of Political Science*. 1971. Vol. 15. № 1 (Feb.). P. 1-30.

⁶ Dunning T., Harrison L. Cross-cutting cleavages and ethnic voting: An experimental study of cousinage in Mali // *American Political Science Review*. 2010. Vol. 104. № 1. P. 21-39.

⁷ Goodin R. E. Cross-Cutting Cleavages and Social Conflict // *British Journal of Political Science*. 1975. № 5 (4). P. 516-519.

⁸ Powell G. Bingham Jr. Political Cleavage Structure, Cross-Pressure Processes, and Partisanship: An Empirical Test of the Theory // *American Journal of Political Science*. 1976. № 20 (1). P. 1-23.

⁹ Selway J. S. The measurement of cross-cutting cleavages and other multidimensional cleavage structures // *Political Analysis*. 2011. Vol. 19. № 1. P. 48-65.

¹⁰ Robertson G., Pop-Eleches G. Cross-cutting Cleavages and Ethnic Conflict: Evidence from Survey Experiments in Kyrgyzstan // *APSA 2011 Annual Meeting Paper*, 2011.

¹¹ Ильин М.В., Остапенко Г.И. Размежевания и идентичности в меняющемся ландшафте мировой политики. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 46-65.

¹² *Метаморфозы разделенных обществ: монография* / И.В. Кудряшова, О.Г. Харитонова, С.М. Хенкин [и др.]; под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. М.: МГИМО-Университет, 2020.

¹³ Артеев С.П. Разделенные общества в российском научном дискурсе // *Власть*. 2021. № 6. С. 123-129.

постструктуралистской теории дискурса Фуко в контексте концепции политической концептологии¹, рассмотрев дискурс как «квазитрансцендентальную процедуру вычленения слоя явлений». Дискурсивные аспекты размежеваний и преодоления их социальных последствий представлены в концепции диалога в многосоставных обществах С.П. Поцелуева, Дж. Тимкука, дискурсивной концепции конструирования идентичности в разделенных обществах И.С. Семененко². Концепции В.И. Пантина, И.С. Семененко, В.В. Лапкина о целенаправленной политизации социальных размежеваний в социальных, культурных, политических разделениях содержат описание их типов и методы исследования соответствующих практик³.

«Французская библиотека» постколониальных исследований позволяет осветить проблемы отражения стереотипов колониального дискурса в установках африканской политики Франции, стратегиях поддержания этнополитического сепаратизма в африканских странах посредством формирования стереотипов своей исключительной роли в обеспечении безопасности и борьбе с терроризмом⁴. В ее «книжный фонд» вошли работы А. Буржо, В. Бодя, Г. Шозаля, Ф.-Ж.Фреланда, М. Раффре, Е. Клодо-Хавада, П. Бойле, которые посвятили свои работы причинам возникновения этнических и этнополитических конфликтов в Африке. Различные аспекты постколониальной политики Франции были представлены в публикациях П. Бланшара, Н. Бансея, С. Лемэр. Автор опирался на литературу, публикации западных и африканских франкоязычных стран при исследовании проблем Франкофонии как инструмента лингво-политического доминирования в

¹ Макаренко В.П. Политический дискурс: между бессмыслицей и порочным кругом // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 2. С. 72-95.

² Семененко И.С. Разделенные общества: концепты и социально-политические реалии // Политология. Новый лексикон. 2023. С. 235-247.

³ Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 56-77.

⁴ Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей / отв. ред. Т.С. Денисова. М.: ИАФР РАН, 2023. С. 5.

бывших франкоязычных колониях¹, а также работы российских ученых А.М. Васильева, Н.И. Высоцкой, Л.В. Гевелинга, Р.Н. Исмагиловой.

Ценный материал для исследования современного вклада национальных научных школ в направление постколониальных исследований дают публикации африканских ученых. В центре их внимания находятся вопросы туарегского сепаратизма в регионе Сахель, урегулирования конфликтов этнического характера, налаживания процессов стабилизации политических систем африканских стран. Для диссертации важными источниками стали работы Ш. К. Майга, И. А. Сингаре, А. Гаукойя, М. Кейта, Н. Кейта, А. Тамбура, К. Сидибе. Источниками по проблемам этнополитического сепаратизма, экстремизма и терроризма являются работы О. Нноли, Э. Сауриоля, А. Двейера, А. К. Саида, А. Тункара, Э. Ньянга, А. Буржо, Ч. К. Майга, П. Буали.

По теме связи проблем наций и национализма с проблемами этнополитического сепаратизма следует особо выделить фундаментальную монографию Д.М. Бондаренко «Постколониальные нации в историко-культурном контексте»², в которой показаны механизмы и способы «сборки наций» с помощью дискурсивных и нарративных практик. Этнополитические конфликты в контексте проблем нациестроительства исследовали российские специалисты в этой области В.А.Тишков, В.Р. Филиппов, Ю.П. Шабает, Ю.И. Шелистов, А.А. Захаров. Вопросы политической стабильности в государстве находят отражение в работах видных российских ученых, таких

¹ Пономаренко Л.В. Франкофония: исторический опыт и тенденции современного развития / Л. В. Пономаренко, Е. В. Лаврова. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2007.

² Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: ЯСК, 2022.

как Н.П. Медведев¹, А.И. Зукова, В.Г. Иванов, Д.Б. Казаринова, А.В. Кутелева, А.О. Ярославцева².

Сепаратизм как политическая практика в отдельных африканских странах получил достаточно широкое освещение³, в том числе в выбранном кейсе государства Мали⁴. Полезной для диссертационного исследования была работа Ч. Томаса и Т. Фалола⁵, анализирующая этапы развития сепаратизма в постколониальной Африке. В исследованиях этнополитического сепаратизма в разделенных обществах преобладают публикации по проблемам политических практик этнополитических конфликтов, сепаратизм рассматривается в контексте проблем идентичности. Российские работы исследователей Института Африки РАН⁶, ИМЭМО РАН¹,

¹ Медведев Н.П. Стабильность политической системы: теория и российская практика // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2007. № 4. С. 63-71; Медведев Н.П. Политическая стабильность // Политические институты и процессы: сравнительные исследования. М., 2006. С. 14-28;

² Ярославцева А.О. Политическая стабильность: современные параметры и коннотации // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М., 2012. С. 11-44; Зукова А.И., Иванов В.Г., Казаринова Д.Б., Кутелева А.В., Ярославцева А.О. Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М., 2012.

³ A self-determination and secession in Africa: the post-colonial state / R. Bereketeab (ed.). London, New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2015; Туров Н.Л. Феномен сепаратизма в современном мире: аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Отд. глоб. проблем. М., 2021.

⁴ Филиппов В.Р. Сепаратизм в Мали: дорога без начала и конца // Сепаратизм в Африке южнее Сахары / ред. Т.С. Денисова. М.: Институт Африки РАН, 2021. С. 59-91; Филиппов В.Р. Азавад – самопровозглашенное государство туарегов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 214-227. Андреева Г.Н. Двойные стандарты в отношении современных государств к сецессии: правовой аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 6-22.

⁵ Thomas Ch., Falola T. Secession and separatist conflicts in postcolonial Africa. Calgary: University of Calgary Press, 2020; Thomas Ch. Secession and separatism in Modern Africa // The Palgrave Handbook of African colonial and postcolonial history / M. Shanguhya, T. Falola (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2018. P. 729-757.

⁶ Африка перед лицом современных вызовов и угроз / отв. ред. Волков С.Н., Дейч Т.Л. М.: Институт Африки РАН, 2021; Африка в условиях формирования полицентричного мира / отв. ред. Волков С.Н., Дейч Т.Л., Ненашев С.В. М.: ИАФР РАН, 2020; Филиппов В.Р. Сепаратизм в Мали: дорога без начала и конца // Сепаратизм в Африке южнее Сахары / ред. Т.С. Денисова. М.: Институт Африки РАН, 2021. С. 59-91.

РУДН², посвященные проблемам этнических конфликтов в Африке, можно рассматривать как базовые для понимания данного феномена. Однако следует констатировать дефицит работ теоретического характера, рассматривающих сепаратизм как политическую модель. В целом анализ освещения проблем постколониального политического сепаратизма выявил ряд дискуссионных тем, требующих углубленного исследования.

Объектом исследования является этнополитический сепаратизм.

Предметом диссертационного исследования выступают отличительные свойства постколониального этнополитического сепаратизма как особого вида сепаратизма и их воплощение в дискурсивных практиках.

Цель и задачи диссертационной исследования

Цель: разработать постколониальный концепт этнополитического сепаратизма в разделенных обществах.

Задачи исследования.

1. Концептуализировать свойство «постколониальный», отражающее основной признак постколониального этнополитического сепаратизма, на основе анализа теорий постколониального дискурса.
2. Рассмотреть понятие «этнополитический сепаратизм» в семантическом поле концепта разделенных обществ.
3. Сформулировать концепт постколониального этнополитического сепаратизма, его отличительные свойства, а также способы применения для анализа политических практик.
4. Показать роль современных теорий постколониального дискурса в конструировании и деконструкции неоколониальных стереотипов сепаратизма на примере произведений «французской библиотеки».

¹ Прохоренко И.Л. Идентичность в постколониальном дискурсе // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2023. С. 123.

² Пономаренко Л.В., Лаврова Е.В. Франкофония: исторический опыт и тенденции современного развития. М., 2007.

5. Выявить роль постколониальных стратегий Франции «Франсафрик» (Françafrique) и «Африк-Франс» (Afrique-France) в сохранении сепаратизма на африканском континенте.
6. Показать роль диалога как формы дискурса для достижения стабильности в разделенных обществах на примере республики Мали.
7. Описать особенности этнополитического сепаратизма в пост-колониальную эпоху на примере республики Мали.

Исследовательский вопрос диссертационной работы.

Какие новые свойства приобретает этнополитический сепаратизм в пост-колониальную эпоху, и какова роль дискурсивных стратегий в его формировании и сохранении?

Хронологические и пространственные рамки исследования.

Хронологическими и пространственными рамками диссертации является пост-колониальный период развития стран Африки.

Теоретико-методологические основания диссертации.

Исследование проведено на основе методологических принципов нескольких теоретических подходов: концептуального, дискурсивного, институционального и метода кейс-стади.

Основу диссертационного исследования составил концептуально-дискурсивный анализ, позволивший предложить концепт постколониального этнополитического сепаратизма в новой интерпретации. *Концептуально-дискурсивный анализ* основан на двух теоретических подходах, дополняющих друг друга: *концептуальном и дискурсивном*. Концептуальный анализ (Ф. Оппенгейм¹, У. Коннолли²) позволил сформулировать концепт: описать концептную структуру, эксплицировать смыслы, описать методологию использования. В соответствии с этим подходом концепт постколониального этнополитического сепаратизма описывается как сущностно оспариваемый политический концепт,

¹ Oppenheim F. Political Concepts. A Reconstruction. Oxford: Basil Blackwell, 1981.

² Connolly W. The terms of political discourse. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1993.

включающий ценностные элементы, наделяемые разными смыслами. В диссертации концепт рассматривается только в семантическом поле разделенных обществ.

Концептуально-дискурсивный анализ (метод концептуального аналитического направления политической лингвистики) позволил проработать дискурсивные аспекты предмета исследования. Дискурсивный подход представлен теориями постколониального дискурса и концептами дискурсивного направления теорий разделенных обществ, которые были использованы для обоснования двух ключевых понятий постколониальной формы этнополитического сепаратизма: «постколониальный» и «этнополитический», определяющих ее отличительные свойства. Понятие «постколониальный» в работе рассматривается прежде всего как дефиниция теории постколониальных исследований¹, критикующих колониализм и предлагающих способы борьбы с неоколониализмом.

Применение теорий постколониальных исследований потребовало учитывать методологические ограничения данного направления, такие как отсутствие общей парадигмы постколониальной теории и множественность трактовок постколониального дискурса², а также дефицит теоретических исследований этнополитического сепаратизма в контексте дискурсивного переосмысления постколониальности³. Сформулировать постколониальный концепт этнополитического сепаратизма помогли теоретические разработки ростовской школы политической концептологии В.П. Макаренко⁴, в частности, трактовка концепта как акта «схватывания смыслов вещи

¹ Африка: постколониальный дискурс: тезисы докладов участников Всероссийской конференции 25-26 июня 2020 г. / отв. ред. Т.М. Гавристова [ЯрГУ им. П.Г. Демидова]; Н.Е. Хохолькова [ИАФР РАН]. Ярославль: Филигрань, 2020.

² Мильто А.В. Постколониальный дискурс: термины, образы, сюжеты // Африка: постколониальный дискурс. М.: ИАФР. РАН, 2020. С. 37.

³ Балезин А.С. Некоторые соображения о болевых точках современной отечественной исторической африканистики (приглашение к дискуссии) // Уральское востоковедение. Вып. 13. 2023. № 13. С. 6-11.

⁴ Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М.: Праксис, 2005; Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии. М.: Праксис, 2002.

(проблемы) в единстве речевого высказывания», рассматриваемая в политическом значении.

Понятием, объединяющим теоретическое и практическое предметные поля, является понятие «деконструкция», обозначающее способ «разоблачения» колониальных стереотипов в постколониальном дискурсе. Прием деконструкции несет важную методологическую нагрузку в диссертации, в его основе лежит постструктуралистская концепция деконструкции Ж. Деррида и ее постклассические трактовки, рассматривающие дискурс как способ противостояния колонизаторам посредством деконструкции западно-ориентированных концептов.

Опыт применения концепта постколониального этнополитического сепаратизма в анализе современных сепаратистских практик дал возможность уточнить свойства амбивалентности и гибридности как двух ключевых признаков постколониального сепаратизма. Анализ практических форм постколониального дискурса позволил выявить способы формирования стереотипов неоклониального сепаратистского дискурса, описать стратегии, поддерживающие сепаратизм, а также оценить идеологические дискурсы лидеров сепаратистских движений.

Институциональный подход был необходим для рассмотрения проблем сепаратизма в системе институциональных политических отношений, поскольку сепаратистские движения направлены на разрушение институтов государства через сецессию, автономизацию, ирредентизм. Для решения этой задачи было использовано дискурсивное направление институционализма (В. Шмидт), на первый план в институциональном анализе ставящее именно дискурсы. Наибольшую ценность для исследования диалога представляют концепции, описывающие закономерности функционирования неформальных институтов теории разделенных обществ¹. Они хорошо зарекомендовали себя в практиках урегулирования разного рода социально-

¹ Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. 2016. № 1. С. 30.

политических конфликтов на принципах консociации¹ (А. Лейпхарт, Г. Лембрух, Дж. Мак-Гарри, Б. О'Лири, С. Вольф) и интеграции² (Д. Горовиц, Б. Рейли, Дж. О'Флинн).

В диссертационном исследовании были использованы концепции достаточно редкого дискурсивного направления в рамках консociативного подхода, которые необходимы для оценки этнополитических расколов (кливажей) по дискурсивному критерию. Особую ценность в этом аспекте представляют работы М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой, Е.Ю. Мелешкиной, О.Г. Харитоновой, в которых проведен анализ разделенных обществ на основе неформализованных факторов – диалога, религии и этничности, ориентированных на практики постконфликтного урегулирования. Концепция политического диалога³ и понятие стереотипов как дискурсивных институтов⁴ С.П. Поцелуева были методологически востребованы при описании дискурсивных неформальных практик диалога. Сквозные расколы (cross-cutting cleavages) рассматриваются как основной фактор стабилизации разделенных обществ.

Method case study был использован для иллюстрации действия наиболее типичного примера по типологии Дж. Герринга. Методологической основой выбора отдельного случая послужили также выводы Д. Горовица, выделившего при анализе этнического сепаратизма и сецессии два основных подхода. Первый требует общего объяснения совокупных тенденций и направлен на сравнение настоящего с определённым периодом в прошлом. Второй требует объяснения, позволяющего различать категории случаев, он

¹ Lijphart A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. Yale University Press, 1977.

² Horowitz D. L. Ethnic groups in conflict, updated edition with a new preface. Univ of California Press, 2000.

³ Поцелуев С. П. Политические парадialogи. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2008.

⁴ Поцелуев С.П. Стереотип как институциональный ресурс политики памяти: случай российского поколения Z // Журнал политических исследований. Т. 7. № 4. С. 62-71.

предполагает сравнение не во времени, а в пространстве¹. Принципы постколониального концепта этнополитического сепаратизма рассмотрены на примере сепаратистских движений в республике Мали.

Эмпирическая база диссертации.

Эмпирическую базу диссертации составили государственные нормативно-правовые акты, декларации и конвенции ООН, документы неправительственных организаций, соглашения между политическими властями и лидерами сепаратистских движений, отчеты различных международных организаций и групп.

Проводился дискурс-анализ политических документов, программ сепаратистских движений, речей, выступлений, заявлений их идейных лидеров, а также символических акций в публичном пространстве.

Аналитические публикации «Афробарометра» (панафриканской исследовательской сети), содержащие материалы опросов общественного мнения, использовались для вторичного социологического анализа.

Опрос экспертов в рамках метода качественного анализа позволил дать оценку наименее исследованных тем постколониального этнополитического сепаратизма.

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем.

1. Этнополитический сепаратизм впервые рассмотрен в контексте теории постколониального дискурса. Теория позволила описать предикат «постколониальный» как ключевое свойство особого вида этнополитического сепаратизма – постколониального.

2. Этнополитический сепаратизм рассмотрен в рамках складывающегося дискурсивного направления теории разделенных обществ С. Роккана – М. Липсета, А. Лейпхарта.

3. Разработан постколониальный концепт этнополитического сепаратизма в разделенных обществах. Его положения выступают основой для понимания

¹ Horowitz D. L. Patterns of ethnic separatism // Comparative Studies in Society and History. 1981. Vol. 23. № 2. P. 165.

двойственной природы (амбивалентности) постколониальной формы этнополитического сепаратизма, сохраняющей признаки влияния колониализма и неоколониализма.

4. Введены в научный оборот работы франкоязычных авторов еще недостаточно изученной «Французской библиотеки» в рамках направления постколониальных исследований.

5. Выявлены неоколониальные стереотипы в дискурсивных стратегиях современной африканской политики Франции и обоснован метод их деконструкции.

6. Описан дискурсивный механизм политизации этнических расколов, а также показана роль диалогических практик в процессе формирования модели консоциативной демократии в разделенных обществах на (примере этнополитического сепаратизма в Мали).

Положения, выносимые на защиту.

1. Проведенный анализ теорий постколониального дискурса позволил сделать вывод о том, что они сохраняют методологическую значимость для изучения современных процессов, посредством которых «Запад» конструировал колониальный «Восток» и продолжает осуществлять свое влияние в пост-колониальный период. Формирование постколониального дискурса происходит не только под давлением, но и в диалоге с западными дискурсами, что придает ему свойство амбивалентности. Причины, характеристики и особенности постколониальной формы сепаратизма редуцируются к таким понятиям теории постколониального дискурса, как раса, нация, этничность, идентичность, гибридность, эссенциализм, инаковость, размежевание.

2. Теории разделенных обществ С. Роккана – М. Липсета, А. Лейпхарта позволяют рассмотреть этнополитический сепаратизм как феномен разделенных обществ. Амбивалентность процесса политизации этнических расколов проявляется в существовании одновременно двух тенденций в их развитии: стабилизации и дестабилизации общественных

отношений. Постколониальный этнополитический сепаратизм встроен в процесс формирования национальных государств, а также становления демократических режимов. В случае, если глубина противоречий и острота конфликта не позволяют перейти на институциональный уровень его разрешения, тогда достичь временной стабилизации можно через институционализацию самого этнополитического раскола, обеспечив площадки для диалога конфликтующих сторон.

3. Постколониальный концепт этнополитического сепаратизма в разделенных обществах включает следующие положения. Понятие «постколониальный» является главным свойством, характеризующим постколониальный этнополитический сепаратизм. Содержание данного понятия характеризуется признаками «амбивалентности» и «гибридности», отражающими его сущность и концептную структуру. Темпоральной особенностью понятия «постколониальный» является единое время, а пространственной особенностью – единое «третье пространство», объединяющее эпохи колониализма и пост-колониализма. Предикат «этнополитический» позволяет включить концепт в широкий понятийный контекст проявлений сепаратизма. Метод применения концепта к анализу сепаратистских движений предполагает выявление амбивалентных характеристик колониального / неоколониального во всех процессах.

4. Отличительной чертой становления постколониальных исследований Франции, приходящихся на начало XXI века, является их более поздняя институционализация по сравнению с британскими исследованиями. Во Франции колониальный дискурс традиционно направлен на провозглашение «цивилизаторской» миссии Франции, а также обоснование утверждения о том, что европейское доминирование оказало позитивное влияние на колонии, их модернизацию и демократизацию. Современные теории постколониальных исследований используются как в качестве теоретического обоснования неоколониальных принципов политики, так и в качестве инструмента их разоблачения. Трактовка стереотипов как

дискурсивного института дает возможность углубить понимание их роли в управлении этнополитическими конфликтами.

5. Метод деконструкции позволяет выявить наличие неоколониальных стереотипов в дискурсивных стратегиях постколониальной политики Франции. Смена идей африканской политики Шарля де Голля «Франс-Африк» (France-Afrique) на «Амбисьон-Африк» (Ambition Afrique) президента Франции Э. Макрона, несмотря на провозглашенную «нейтральность», не прекратила вмешательство Франции во внутреннюю политику ее бывших колоний. Механизм поддержания Францией этнополитического сепаратизма в Африке включает различные институциональные (в том числе дискурсивные) формы. Идея необходимости обеспечения национальной безопасности и борьбы с терроризмом поддерживается с целью внедрения неоколониальных стереотипов «слабости государственности в африканских странах» и «Франция – гарант стабильности».

6. Случай республики Мали является примером глубокого этнического раскола в обществе, проявляющегося в стремлении сепаратистских движений к автономии, сецессии или ирредентизму. Диалог в практиках этнополитического сепаратизма в разделенных обществах выполняет функцию неформального института, замещающего на определенном этапе отсутствие формальных институтов взаимодействия. Стратегии политизации этнических расколов, реализуемые конфликтующими сторонами, приводят к дестабилизации общества, однако институционализация самого раскола на некоторое время может обеспечить стабильность. В перспективе моделью управления может стать консоциативная демократия, позволяющая учитывать разнонаправленные интересы и институционально закрепляющая права различных этнических групп на участие в управлении.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования.

Проведен анализ теоретико-методологических подходов постколониальных исследований как предметной области политической науки. Разработан концепт постколониального этнополитического сепаратизма, предложена дискурсивная типология этнополитических расколов. Теоретическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в области изучения дискурсивных практик постколониализма и стереотипов неоколониализма. Значимость концепта заключается в возможности объяснять политические практики сохранения этнополитического сепаратизма постколониального периода как наследия колониального прошлого и оценивать перспективы преодоления конфликтов такого рода.

Введены в научный оборот публикации постколониальной «французской библиотеки», характеризующие становление теории постколониальных исследований во Франции. Внесен определенный вклад в становление новой политологической теории деколонизации, что способствует развитию теоретических исследований в политической науке по проблематике этнополитического сепаратизма и политической стабильности постколониальных государств.

Практическая значимость исследования.

Результаты и выводы могут быть использованы на практике для разрешения и урегулирования этносепаратистских конфликтов в Мали и в других странах Африки. Данные результаты также служат альтернативными вариантами для политиков и государственных органов для принятия решений. Наконец, практическое значение данного исследования заключается в подготовке ряда рекомендаций для разработки курсов в вузах по направлениям «Этнополитология», «Политология», «Конфликтология» и «Социология».

Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности 5.5.1 История и теория политики по следующим направлениям исследований: 14. Политическая антропология; 15.

Политическая конфликтология: теоретические основания, концепции, идеи; 16. Теории безопасности; 18. Концептуальные основания международных отношений и мировой политики; 24. Этнополитология: концептуальные основания и современные теории; 25. Политическая коммуникативистика, политическая семиотика, политическая риторика; 26. Политическая лингвистика и политическая текстология.

Степень достоверности полученных результатов.

Достоверность положений и полученных выводов подтверждается релевантностью теорий постколониального дискурса и разделенных обществ теме исследования. Соответствием теоретико-методологических подходов поставленным исследовательским задачам. Анализом широкого круга российских и зарубежных источников. Эмпирическим обоснованием полученных результатов.

Апробация результатов исследования.

Основные результаты данного диссертационного исследования были представлены в докладах автора на заседаниях Кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов. Результаты также были апробированы в выступлениях автора на разных конференциях (региональных, всероссийских и международных):

– Московская научная конференция молодых востоковедов «Проблема сецессии в Азии и Африке: исторический контекст и контуры будущего» (9-10 апреля 2018 г.). М., 2018.

– Круглый стол Института Африки РАН, Российского университета дружбы народов, Московского государственного лингвистического университета (Институт международных отношений и социально-политических наук) «Проблемы вмешательства «великих держав» во внутренние дела суверенных государств Африки» (11 мая 2018 г.). М., 2018.

– Всероссийская научная конференция «Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы» (30 ноября 2018 г.). М., 2018.

– Всероссийский конгресс политологов «Политика развития, государство и мировой порядок» (6-8 декабря 2018 г.). М., 2018.

– XII Научно-практическая конференция болгарских аспирантов в России с международным участием «Актуальные проблемы современной науки – 2018» (12 декабря 2018 г.). М., 2018.

– Всероссийская научно-практическая конференция Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки ко Дню политолога в Донецком государственном университете. «Российская политика в условиях современной международно-политической напряженности: институты, тенденции, трансформации» (12 сентября 2024 г.). Донецк, 2024.

– Всероссийская конференция с международным участием «Африка от колониализма к постколониализму (хронотоп перекрестка)» Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Ярославль. 5-6 июня 2025 г.

Основные положения диссертационного исследования были опубликованы в 1 коллективной монографии, 11 научных статьях, из них 8 статей в журналах, входящих в перечень ВАК.

Структура диссертации. Структура работы состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, списка использованной литературы, одного приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО СЕПАРАТИЗМА В РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

В первой главе предполагается на основе критического анализа теорий постколониального дискурса и теорий разделенных обществ обосновать теоретико-методологический конструкт исследования и сформулировать постколониальный концепт этнополитического сепаратизма. Для этого в параграфе 1.1 будет проведен анализ понятия «постколониальный» в теориях постколониального дискурса (ориентализма) для характеристики предиката «постколониальный» как основного признака постколониального этнополитического сепаратизма. В параграфе 1.2. будет рассмотрено понятие «этнополитический сепаратизм» в семантическом поле концепта разделенных обществ. В параграфе 1.3. на основе проведенного теоретико-методологического анализа будет сформулирован концепт постколониального этнополитического сепаратизма.

1.1. Концептуализация признака «постколониальный» в теориях постколониального дискурса.

Теоретическим основанием исследования постколониального этнополитического сепаратизма выбрана теория постколониального дискурса, относящаяся к научному направлению постколониальных исследований. По оценке специалистов, работающих в этой области, постколониальные исследования еще далеки от консенсуса по вопросу базовых понятий, неоднозначны как инструмент анализа политических практик и неоднородны по представленности национальных исследовательских школ, в частности французской. Вместе с тем можно

утверждать, что теории этого научного направления являются релевантными задачам данного исследования, а указанные методологические пробелы дают возможность внести определенный вклад в его развитие.

Понятие «постколониальный» в данной работе рассматривается прежде всего как дефиниция постколониальных исследований¹, а не как особый исторический период, следующий за колониализмом, именуемый также эпохой деколонизации. Второе значение лишь определяет хронологические рамки данного исследования и может быть рассмотрено как исторический контекст практик этнополитического сепаратизма. Для визуализации второго понятия в тексте, обозначающего период после крушения колоний, и в соответствии со сложившейся традицией в научных публикациях будет употребляться написание слова через дефис – «пост-колониальный».

Понятие «постколониальный» является базовым в научном направлении постколониальных исследований – давно известном течении академической мысли на Западе. Для решения задач, поставленных в диссертации, особое значение имеет дефиниция, используемая в теории постколониального дискурса – коммуникативной дискурсивной концепции в рамках направления постколониальных исследований, иногда отождествляемая с постколониальной теорией как таковой. Направление постколониального дискурса представлено работами его основателей американско-палестинского историка английской литературы и музыковеда Эдварда Саида, американского исследователя индийского происхождения Хоми Баба, американки индийского происхождения Гаяти Спивак².

¹ Африка: постколониальный дискурс: тезисы докладов участников Всероссийской конференции 25-26 июня 2020 г. / отв. ред. Т. М. Гавристова [ЯрГУ им. П.Г. Демидова]; Н. Е. Хохолькова [ИАФР РАН]. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 149.

² Гавристова Т.М. Африка: постколониальный дискурс // Африка: постколониальный дискурс: тезисы докладов участников Всероссийской конференции 25-26 июня 2020 г. / отв. ред. Т.М. Гавристова [ЯрГУ им. П.Г. Демидова]; Н.Е. Хохолькова [ИАФР РАН]. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 40.

Постколониальный дискурс как методология испытал сильное влияние идей модернизма¹, французской школы дискурс-анализа (Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида), постфрейдизма (Ж. Делез, Ж. Лакан). Идеи этих научных направлений нашли отражение в трудах Э. Саида, Г. Спивак, Х. Баба. Постколониальный дискурс как самостоятельное научное направление своим становлением обязан также трудам Франца Фанона, Эме Сезэра, Леопольда Седара Сенгора, Кваме Нкрумы, Альбера Мемми. Кваме Энтони Аппиа, Хоми Баба, Ачилла Мбембе, Рея Чоу². Предтечей теории является ранний антиколониальный дискурс мыслителей стран третьего мира второй половины XX века Джорджа Падмора, Кваме Нкрума, Джомо Кеньятта, Амллкара Кабрала, Стива Бико, Амбалаванера Сивананда.

Общепризнано, что создателем постколониальной теории и теории постколониального дискурса является Эдвард Саид, а начало научному направлению положила его книга «Ориентализм», изданная в 1978 году³. В качестве теоретического основания им была использована концепция дискурса Мишеля Фуко. Э. Саид объясняет это так: «Для того чтобы определить ориентализм, мне представляется полезным обратиться здесь к понятию дискурса у Мишеля Фуко, как он развивает его в работах «Археология знания» и «Надзирать и наказывать». Моя позиция заключается в том, что без исследования ориентализма в качестве дискурса невозможно понять исключительно систематичную дисциплину, при помощи которой европейская культура могла управлять Востоком — даже производить его — политически, социологически, идеологически, военным и научным образом и даже имагинативно в период после эпохи Просвещения»⁴. Таким образом, понятие «постколониального дискурса» этимологически связано с понятием

¹ Кравинская Ю.Ю. О дискурсивных связях постколониального нарратива с постмодернизмом // Филология и культура. 2015. №. 4 (42). С. 232.

² Африка: пост колониальный дискурс: тезисы докладов участников Всероссийской конференции 25-26 июня 2020 г. / отв. ред. Т.М. Гавристов [ЯрГУ им. П.Г. Демидова]; Н.Е. Хохолькова [ИАФР РАН]. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 149.

³ Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Эдвард В. Саид; пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. С. 10.

⁴ Там же.

«колониального дискурса», в определенном смысле сконструировано как антитеза ему¹.

Ориентализм – теория постколониального дискурса, позволяющая проводить исследование процессов, посредством которых цивилизованный «Запад» конструировал «Восток» и продолжает оказывать влияние на страны в пост-колониальный период. В значении дискурсивной практики «“ориентализм” чаще всего воспринимали как своего рода голос поработенных (обездоленные всего мира вдруг заговорили), нежели как мультикультуралистский и одновременно критический анализ власти, использующей знание для расширения своего влияния» [6, с. 519]².

Э. Саид рассматривал ориентализм одновременно и как институт, и как форму дискурса: «ориентализм можно считать корпоративным институтом, направленным на общение с Востоком — общение при помощи высказываемых о нем суждениях, определенных санкционируемых взглядах, его описания, освоения и управления им, — короче говоря, ориентализм — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»³. В своей книге «Ориентализм» Э. Саид пишет: «Восток был почти европейским изобретением и оставался таковым с древних времен»⁴. Ориентализм как методология нашел широкое применение в исследовании колониально зависимых африканских народов⁵. Уникальность методологии заключается выходе за рамки бинарной оппозиции «господин – раб». Э. Саид пишет: «В «Ориентализме» я призывал по-новому взглянуть на разделения и конфликты, из поколения в поколение

¹Гавристова Т.М. Африка: постколониальный дискурс // Африка: постколониальный дискурс: тезисы докладов участников Всероссийской конференции 25-26 июня 2020 г. / отв. ред. Т.М. Гавристова [ЯрГУ им. П.Г. Демидова]; Н.Е. Хохолькова [ИАФР РАН]. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 40-42.

² Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Эдвард В. Саид; пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006.

³ Там же.

⁴ Ashcroft B. et al. The Post-Colonial Studies Reader. London: Routledge, 1995. P. 24.

⁵ Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Эдвард В. Саид; пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. С. 525.

порождавшие враждебность, войны и имперский контроль»¹. Другим выдающимся теоретиком постколониального дискурса всеми признается Хоми Баба, предложивший концепцию гибридности и амбивалентности в отношениях между колонизаторами и колонизируемыми народами².

Понятие «постколониальный дискурс», определившее название теории, сложилось в результате влияния на ее зарождение французского постструктурализма: концепции власти-знания Мишеля Фуко³ и концепции деконструкции Жака Деррида. Дискурс – ключевое понятие теории постколониального дискурса, в основу которого были положены следующие идеи концепции дискурса М. Фуко. Дискурс – система утверждений, позволяющая познавать мир, с ее помощью доминирующие группы формируют «поле истины», навязывают определенные знания и ценности. Дискурс объединяет власть и знание. Те, у кого есть власть, контролируют то, что известно, и то, как это известно, а те, у кого есть такие знания, имеют власть над теми, у кого их нет. Именно в этом смысле Э. Саид рассматривает колониальный дискурс как способ сохранения власти над Востоком, «как комплекс знаков и практик, которые организуют социальное существование и социальное воспроизводство в рамках колониальных отношений»⁴, как способ конструирования Другого для реализации господства Запада над Востоком.

Э. Саид опирался также на концепцию культурной гегемонии А. Грамши. Для него формой культурного лидерства является то, что Грамши определил как гегемонию — «важное понятие для понимания культурной жизни индустриального Запада. Именно гегемония, или, скорее, результат культурной гегемонии в действии, придает ориентализму... прочность и

¹ Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Эдвард В. Саид; пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. С. 541.

² Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. Post-colonial studies: The key concepts. London: Routledge, 2013. P. 37.

³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2016.

⁴ Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison. Editions Gallimard, 1975. P. 37.

силу»¹. Использована была им и теория дискурсивной гегемонии Э. Лакло и Ш. Муфф как способа формирования и организации социальной жизни, совокупности социальных практик.

Постколониальный дискурс в «Ориентализме» рассматривается и как часть востоковедения. «Востоковедение следует понимать не столько как научную деятельность, но в большей степени как инструмент национальной политики в отношении недавно получивших независимость и, возможно, весьма несговорчивых наций постколониального мира»². С точки зрения понимания связи политическими практиками важен тезис Э. Саида о том, что «тексты могут порождать не только знание, но и саму описываемую ими реальность. Со временем такое знание и такая реальность создают традицию, или то, что Мишель Фуко называл дискурсом»³. В этом значении дискурсивные стратегии находят свое отражение в постколониальной политике бывших метрополий. Ориентализм, по мнению Э. Саида, должен служить проводником для разработчиков политики, бизнесменов и нового поколения ученых.

Понятие постколониального дискурса в настоящее время имеет несколько значений. Постколониальный дискурс в глобальном контексте рассматривается во взаимосвязи с историей сообществ Африки и африканской диаспоры пост-колониального периода. Идейным содержанием постколониального дискурса является пересмотр и переоценка колониальной истории и ее наследия с позиций бывших покоренных народов. В этом значении он является частью процесса деколонизации социального и гуманитарного знания⁴. Как методология постколониальный дискурс – это «дискурс-анализ трудов основоположников постколониальной теории и

¹ Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Эдвард В. Саид; пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. С. 15.

² Там же. С. 425.

³ Там же. С. 147.

⁴ Следзевский И.В., Неклесса А.И., Хайруллин Т.Р. Идея постколониальности в современных цивилизационных представлениях // История и современность. 2023. № 1 (47). С. 22.

вклада в ее развитие ученых индийского и африканского происхождения»¹. Как дискурсивную практику «"ориентализм" чаще всего воспринимали как своего рода голос поработанных (обездоленные всего мира вдруг заговорили), нежели как мультикультуралистский и одновременно критический анализ власти, использующей знание для расширения своего влияния»².

Для формирования теоретико-методологического конструкта исследования на основе обобщения теорий постколониального дискурса представляется целесообразным использование следующих концептов: дискурс и власть, деконструкции, культурной гегемонии, дискурсивной гегемонии. Этнополитический сепаратизм как концепт и практика не является непосредственно предметом теории постколониального дискурса. Однако определение основных принципов постколониального концепта этнополитического сепаратизма возможно на основе теории постколониального дискурса через редуцирование ее ключевых понятий репрезентации, идентичности, национального дискурса.

В постколониальных исследованиях есть концепции, дающие возможность «бинарного» видения постколониальной политической реальности. Таковой является концепция культурных репрезентаций Саида, порожденных бинарными отношениями «мы-и-они», своего рода социальными конструктами, которые являются взаимоконституирующими и не могут существовать независимо друг от друга, потому что каждый существует за счет другого и для него³. В нарративах Э. Саид видел основу репрезентации и «метод», с помощью которого субалтерны выражают свою идентичность и доказывают «наличие собственной истории»⁴.

¹ Африка: постколониальный дискурс. Колл. монография. / отв. ред. Т.М. Гавристова, Н.Е. Хохолькова. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 9.

² Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Эдвард В. Саид; пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. С. 520.

³ Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. Post-colonial studies: The key concepts. London: Routledge, 2013. P. 153-154.

⁴ Саид Э. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2012.

Также к этому ряду может быть отнесена концепция третьего пространства Хоми Баба и его идеи, изложенные в работе «Нация и наррация»¹. Хоми Баба предлагает концепцию культурного «третьего пространства», в котором колонизатор и колонизируемые взаимодействуют в диалоге и представляют некий гибрид культуры и идентичности. По мнению Н. Бхандари, бывшие колонизаторы до сих пор манипулируют переговорами в межкультурном третьем пространстве, созданном Всемирной торговой организацией и социальными сетями².

Концепты презентации и репрезентации достаточно давно используются в европейской исследовательской традиции дискурс-анализа. Репрезентация содержательно вторична по отношению к презентации и указывает на несамостоятельность выражения взглядов или мнения субъектов. Высказывание К. Маркса, выбранное Э. Саидом в качестве одного из эпиграфов к работе «Ориентализм», очень точно отражает проблему репрезентации в колониальном дискурсе Запада по отношению к Востоку: «Они не могут представлять себя, их должны представлять другие». Э. Саид критикует исходные установки ориентализма, «согласно которым Восток все равно не в состоянии говорить (презентировать) сам за себя, и он нуждается в том, чтобы за него говорили (репрезентировали его) другие — прежде всего европейская наука»³. Средством репрезентации Э. Саид называл язык как высокоорганизованную кодированную систему, «закрывающую в себе множество способов выразить, показать, обменяться сообщениями и информацией, представить, т.е. репрезентировать, нечто»⁴. Репрезентация у Саида альтернативна презентации, поскольку содержит сконструированные субъектом образы.

¹ Bhabha H. K. *Nation and narration*. London: Routledge, 2013.

² Bhandari N. B. Homi K. Bhabha's third space theory and cultural identity today: A critical review // *Prithvi Academic Journal*, 2022. P. 171-181.

³ Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Эдвард В. Саид; пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006.

⁴ Там же. С. 38.

Он писал: «Относительно культурного дискурса и обмена внутри культуры следует ясно сказать: то, что обычно передается из уст в уста, это вовсе не «истина», а репрезентации»¹. Э. Саид так раскрывает ее смысл: «Если вы чувствуете, что вам не дали возможности высказаться за себя самого, вы будете изо всех сил бороться, чтобы получить такую возможность. И в самом деле, даже порабощенные (subaltern) могут заговорить, как об этом красноречиво показывает история освободительных движений в XX веке»². Суть концепции постколониального дискурса можно выразить кратко так: порабощенные должны сами заговорить о себе. Движение по этому пути как в классических, так и в современных, постклассических, концепциях предусматривает этап деконструкции европейского колониального содержания презентации.

Умозрительная концептуальная схема соотношения понятий презентации – репрезентации находит свое выражение в дискурсах идентичности в политических практиках ее конструирования. Э. Саид подчеркивает, что идентичность и Запада, и Востока именно конструируется, «предполагает нахождение противоположного, «Другого», чья действительность является предметом постоянной интерпретации и переинтерпретации с точки зрения его отличия от «нас». Каждая эпоха и каждое общество воссоздают своих «Других»³. Выстраивание идентичности в пост-колониальный период в Африке разделяется на два этапа. На первом этапе необходимо было деконструировать европоцентризм, и только затем интеллектуальные элиты и научно-экспертное сообщество бывших колоний приступали к переосмыслению своей национальной и цивилизационной модели. В политических практиках это нашло воплощение в разработке политики идентичности. Парадигма постколониального дискурса

¹ Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Эдвард В. Саид; пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. С. 38.

² Там же. С. 519.

³ Там же. С. 514.

расширяется за счет появления нового понятия постколониального сознания¹. Дискуссионными аспектами идентичности выступают этническая принадлежность, национализм, культура.

Нация и национализм в постколониальном дискурсе. Концептуализация расы, этнической принадлежности, этнической идентичности является одной из центральных проблем постколониальных исследований². Дискуссия по этой проблеме велась уже с учетом того обстоятельства, что к 80-м годам XX в., когда возникла теория постколониального дискурса, «великая эра антиколониального национализма в странах третьего мира подошла к концу». Г. Спивак назвала национализм «обратной, или вытесненной, легитимацией колониализма», обреченной повторять «эпистемическое насилие» колониализма, который он отверг³. Как следствие, в постколониальных исследованиях национализм рассматривался преимущественно как эссенциалистский и деструктивный. Новый импульс исследованиям придал культурологический поворот в концептуализации нации и национализма, побудивший рассматривать национализм, прежде всего, как «культурную и эпистемологическую, а не социально-политическую формацию»⁴. Г. Спивак предложила одну из основных концепций постколониальной теории в этой проблематике – стратегический эссенциализм. Концепция используется для объяснения политической тактики, в которой этнические группы меньшинств мобилизуются на основе общей гендерной, культурной или политической идентичности, преодолевая разногласия, формируют свою групповую идентичность для достижения определенных целей. Г. Спивак, применяя идеи структурализма, находит ряд

¹ Прохоренко И.Л. Идентичность в постколониальном дискурсе? // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2023. С. 123.

² Chrisman L. Nationalism and postcolonial studies // Lazarus N. (ed.). *The Cambridge Companion to Postcolonial Literary Studies*. Cambridge Companions to Literature. Cambridge University Press, 2004. P. 183-198.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

концептуальных пересечений в колониальных и постколониальных исследованиях и выражает их через понятие амбивалентности.

Х. Баба в работе «Нация и наррация»¹ рассматривает нацию, используя термин «амбивалентность» для отражения неоднозначности явления. В контексте теории колониального дискурса этот подход помогает описать отношения колонизаторов и подчиненных ими народов как «сложную смесь притяжения и отталкивания». Х. Баба оценивает такую двойственность как подрывающую господство колонизаторов, поскольку двойственный колониальный дискурс «порождает амбивалентных субъектов, чья мимикрия всегда близка к насмешке»². Амбивалентность понятия нации Х. Баба связывает с двойственностью, присущей ее языку и идеологии. Нация как «форма повествования (наррации)» у него представлена текстовыми стратегиями, метафорами, подтекстами, имеющими свою историю³. Он использовал постструктуралистские теории нарративного знания для описания дискурсивных стратегий: «текстуальность, дискурс, высказывание, архитектура, «бессознательное как язык» – вот лишь несколько стратегий, призванных выявить эту амбивалентную границу национального пространства. Выявить такую разницу – значит, в первую очередь, оспорить претензии на культурное превосходство, независимо от того, исходят ли они от «старых» постимпериалистических метрополий или от имени «новых» независимых государств периферии»⁴.

Х. Баба рассматривает формирование нации как процесс становления системы культурных символов, соотносит национализм не с политическими идеологиями, а с «большими культурными системами, которые ему предшествовали, из которых, а также против которых он возник»⁵. Он ссылается при этом на Э. Саида: «нация, как форма культурного развития (в

¹ Bhabha H. K. Nation and narration. London: Routledge, 2013. P. 4.

² Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. Post-colonial studies: The key concepts. London: Routledge, 2013. P. 10.

³ Bhabha H. K. Nation and narration. London: Routledge, 2013. P. 2.

⁴ Ibid. P. 4.

⁵ Ibid. P. 2.

грамшианском смысле), является средством амбивалентного повествования, которое удерживает культуру в ее наиболее продуктивном положении, как силу "подчинения, дробления, распространения, воспроизводства, а также производства, созидания, принуждения, руководства"»¹.

Изучение нации через нарратив позволяет оценить ее как объект национальной культуры, конструирующий поле значений и символов национальной жизни. Он объясняет «Янусоликую» (двойственную) природу нации тем, что в культурном времени нация представляет «переходную социальную реальность», репрезентацию социальной жизни. Обращает внимание на концептуальную неопределенность нации, сопоставляя ее с «воображаемыми сообществами» Бенедикта Андерсона². Его привлекает взгляд Б. Андерсона на национализм «как Янусоликий, парадоксальный в своей культурной, временной современности и одновременной опоре на прошлое, чтобы определить и легитимировать себя»³. Нация в трактовке Б. Андерсона «выступает как новый, характерный для современного общества способ связывать воедино, в целостном восприятии, пространство, время и человеческую солидарность»⁴. Таким образом, другой причиной амбивалентности можно назвать опору и на современность, и на прошлое.

Одним из проявлений амбивалентности национальной идентичности в постколониальных исследованиях являются такие проявления идентичности, как нативизм / национализм. Проблема нативизма представлена в постколониальных исследованиях в двух основных формах «вера в подлинную этническую идентичность и желание вернуться после катастрофы колониализма к незапятнанной местной культурной традиции». Нативизм

¹ Said E. *The World, The Text and The Critic*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. P. 171.

² Bhabha H. K. *Nation and narration*. London: Routledge, 2013. P. 1.

³ Chrisman L. *Nationalism and postcolonial studies* // Lazarus N. (ed.). *The Cambridge Companion to Postcolonial Literary Studies*. Cambridge Companions to Literature. Cambridge University Press, 2004. P. 183-198.

⁴ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. С. 17.

является одним из теоретических постулатов антиколониального дискурса конца XIX – начала XX века. С исторической точки зрения возникающий анти- и постколониальный культурный и теоретический дискурс формировался как посредством транснационального диалога с другими дискурсами и движениями третьего мира, так и посредством диалога с Западом¹.

В заключение можно сделать вывод о сохранении значимости теории и методологии постколониального дискурса для анализа современных постколониальных политических процессов. Новое прочтение основных постулатов теории требуется в связи с тем, что колониализм приобрел новые формы, сохраняя свое антигуманистическое ядро. Методология постколониальной теории является тем инструментом, который позволяет исследовать механизм сохранения господства «Запада» над «Востоком». Однако требуется адаптация имеющегося концептуального аппарата для анализа и прогнозирования различных процессов, которые можно обозначить общим понятием как «постколониальные».

Проблемное поле теории охватывает всю систему воспроизводства колониализма в пост-колониальный период, включая его отражение в социальных и культурных практиках, закрепление через систему политических институтов, внедрения в общественное и групповое сознание. К основным положениям теории постколониального дискурса, не утратившим своей актуальности, можно отнести следующие. Постколониальные процессы необходимо рассматривать с учетом европейского происхождения таких понятий, как «демократия», «нация», «политическая партия», продолжающих сохранять потенциал дискурсивного влияния европейских стран-метрополий на внутривнутриполитические процессы бывших колоний на этапе их деколонизации. Важно учитывать, что культурные и иные особенности стран, где искусственно конструируются

¹ Chrisman L. Nationalism and postcolonial studies // Lazarus N. (ed.). The Cambridge Companion to Postcolonial Literary Studies. Cambridge Companions to Literature. Cambridge University Press, 2004. P. 183-198.

западные модели политического управления, будут способствовать появлению их гибридных форм.

Однако следует признать, что формирование постколониального дискурса происходит не только под давлением, но и в диалоге с западными дискурсами, что придает ему такую характерную черту, как амбивалентность. Наиболее информативным индикатором оценки влияния являются понятия презентации и репрезентации. Другими словами, важно понимать, имеют ли возможность национальные субъекты самостоятельно выражать свои убеждения и защищать выбранную позицию. Э. Саид рассматривал презентацию как «метод», с помощью которого субалтерны (зависимые) выражают свою идентичность и доказывают «наличие собственной истории». Также к этому ряду может быть отнесена концепция культурного «третьего пространства» Хоми Баба и его идеи, изложенные в работе «Нация и наррация». Согласно его концепции, в «третьем пространстве» колонизатор и колонизируемые взаимодействуют в диалоге и представляют некий гибрид культуры и идентичности.

Деконструкция в диссертационном исследовании рассматривается как понятие, концепт и метод в теориях постколониального дискурса. Влияние, оказанное представителями французского постструктурализма на становление теории постколониального дискурса, признается не всеми¹. Особо дискуссионной является оценка вклада в ее развитие французского теоретика Жака Деррида, которое по сравнению с другими постструктуралистами «имело гораздо более неопределенный статус»². А. Дерек утверждает: «Саид представляет версию постколониальных исследований, которая в меньшей степени зависит от трудов Деррида, а иногда и активно им противостоит; столичный французский теоретик, имеющий наибольшее значение для этой школы постколониализма, –

¹ Parry B. Problems in Current Theories of Colonial Discourse // Oxford Literary Review. 1987. № 1-2. P. 27-58.

² Syrotinski M. Introduction: a few liminal remarks. In Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory. Liverpool University Press, 2007. P. 1-8.

Фуко»¹. Существует и прямо противоположная оценка С. Руни: «деконструкция Жака Деррида представляет собой саморефлективную практику чтения, которая возникает из контекста французского колониализма и алжирской деколонизации. Ориентализм Эдварда Саида можно понимать как работу деконструкции»². Действительно, Э. Саид в своем труде «Ориентализм»³ лишь упоминает в широком контексте концепты *supplementarity* (восполнительность), *supply* (восполнять) и *supplication* (просьба, прошение), предложенные Деррида в работе «О грамматологии» в концепции деконструкции⁴.

Конкретного определения деконструкции в своих работах, по общему признанию, Ж. Деррида не дает. В первом издании работы «О грамматологии» Ж. Деррида еще использует хайдеггеровский термин «деструкция», который впоследствии был заменен им на «деконструкцию». Ж. Деррида утверждал, что «деконструкция не состоит из набора теорий, аксиом, инструментов, правил, приемов, методов..., у деконструкции нет конкретного объекта»⁵, «деконструкция не является даже действием или операцией»⁶. Впоследствии в широком значении деконструкция стала рассматриваться как метод интерпретации текстов, который отрицает приоритет отдельного прочтения текста⁷. По сути, речь идет о деконструкции «установленного единства... слова»⁸. *Supplement*, «след», «различание» и «прото-письмо» являются основными понятиями концепции деконструкции

¹ Attridge D. *Deconstruction Today // Études anglaises*. 2005. Vol. 58. № 1. P. 48.

² Rooney C. *Derrida and Said: Ships that Pass in the Night // Edward Said and the Literary, Social, and Political World*. London: Routledge, 2009. P. 17.

³ Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Эдвард В. Саид; пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. С. 201.

⁴ Derrida, Jacques. *De la grammatologie*. Paris: Editions de Minuit, 1967. P. 203.

⁵ Derrida J. *As if I were Dead: an interview with Jacques Derrida*. In: *Applying: To Derrida* (eds Brannigan J., Robbins R. & Wolfreys J.). London: Macmillan, 1996. P. 218.

⁶ Derrida J. *Letter to a Japanese friend // A Derrida Reader* (ed. Kamuf P.). New York: Harvester, 1991. P. 273.

⁷ Derrida J. *Deconstruction in a nutshell: A conversation with Jacques Derrida, with a new introduction*. Fordham University Press, 2020.

⁸ Деррида Ж. *О грамматологии* / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. С. 137.

Ж. Деррида. Supplement – восполнение отсутствия смысла в знаковых образованиях, дающее возможность быть деконструированными. Supplement – это «различАние в действии», это способ осуществления постижения отсроченного, то, из-за чего «следы и их сочетания складываются в те или иные осмысленные конфигурации», из-за чего «работа психики на уровне архе-письма наполняется конкретным содержанием»¹. Différance (различание) – аналог понятия Supplement, а «смысл» есть отстраненный-отсроченный эффект текста, эффект игры².

Наиболее последовательно понятие деконструкции использовали Г. Спивак и Х. Баба – двое других наиболее известных представителей направления постколониального дискурса. Г. Спивак, являясь переводчиком на английский язык работы Ж. Деррида «О грамматологии»³, в которой впервые было предложено понятие деконструкции, в своих комментариях к книге отразила его методологическую значимость и в последующем стала активным сторонником самой концепции. В ее работе «Критика постколониального разума»⁴ концепции деконструкции Ж. Деррида было посвящено специальное приложение под названием «Настройка работы деконструкции», а в работе «Деконструкция и культурные исследования: аргументы в пользу деконструктивных культурных исследований» описывался методологический вклад концепции деконструкции в исследовании проблемы «Другого» с указанием на непосредственную связь в этом значении с «Ориентализмом» Эдварда Саида⁵.

¹ Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.

² Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вст. ст. Наталии Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. С. 7-110.

³ Spivak G. C. Translator's preface // Of Grammatology (ed. J. Derrida). P. IX-IXXXVII. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, MD, 1976. P. 90.

⁴ Spivak G. C. A critique of postcolonial reason: Toward a history of the vanishing present. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.

⁵ Spivak G. C. Deconstruction and Cultural Studies: Arguments for a Deconstructive Cultural Studies // Royle N. (eds) Deconstructions. London: Palgrave, 2000. P. 15.

Х. Баба в работе «Локация культуры»¹, призывая к более тонкому пониманию отношений между колонизатором и колонизированным, чем традиционно предлагалось, аргументирует свою позицию, используя понятия концепции деконструкции Ж. Деррида: *supplement*, *différance*. Х. Баба, применяя идеи Ж. Деррида, утверждал, что европейские попытки воссоздать социальные и культурные структуры и стереотипы в колониях не могут быть успешными в силу своей изменчивости.

Деконструкция в настоящее время утвердилась как признанная критическая школа². Понятие деконструкции Ж. Деррида в работах его последователей получило множество интерпретаций, и в разных научных направлениях ему приписывается собственное значение³. В лингвистике деконструкция подразумевает независимость интерпретации от текста и автора, «метод критического анализа, применяемый, в частности, к литературным текстам, который подвергает сомнению способность языка адекватно представлять реальность»⁴. В массовой культуре деконструкция понимается как переосмысление традиционных или устоявшихся сюжетов и тропов. В философии деконструкция – это свободно определяемый набор подходов к пониманию взаимосвязи между текстом и значением.

В политическом анализе сложился свой деконструктивный подход к политике, в частности в критике идеологии, основанный на анализе противоречий текстов и дискурсов (С. Жижек, Р. Рорти, Э. Лакло, Д. Батлер)⁵. Дискурсивная теория гегемонии Э. Лакло и Ш. Муфф опирается на постструктуралистскую концепцию знака. «Теория гегемонии базируется на идее деконструкции – невозможности разрешения политических споров в

¹ Bhabha H. K. *The Location of Culture*. London: Routledge, 1994.

² Royle N. (eds.) *Deconstructions*. London: Palgrave, 2000.

³ Дьяков А.В. *Философия постструктурализма во Франции*. Нью-Йорк: Северный Крест, 2008.

⁴ Royle N. *What is Deconstruction?* // Royle N. (eds.) *Deconstructions*. London: Palgrave, 2000. URL: https://doi.org/10.1007/978-1-137-06095-2_1 (accessed: 12.10.24).

⁵ Thomassen L. *Deconstruction after Derrida* // *Ethics & Global Politics*. 2009. Vol. 2. № 4. P. 383-388.

рамках связей элементов структуры»¹. Использование концепции деконструкции применительно к анализу различных дискурсивных практик только расширяется, включая все более широкий спектр тем и дискурсов, таких как постколониализм, феминизм, технологии².

В теоретико-методологическом обосновании конструкта диссертационного исследования концепция деконструкции выполняет важную функцию соединения теории постколониального дискурса с политическими практиками, в том числе и практиками этнополитического сепаратизма. Обоснованность такого выбора подтверждается концепциями таких видных представителей постколониальной теории, как А. Мудимбе (будут рассмотрены в параграфе 2.1) и Р. Янга. У. Коннолли, анализируя концепцию деконструкции М. Фуко и Ж. Деррида в работах «Термины политического дискурса»³ и «Деконструкция и опыт: политика недеконструируемого»⁴, относит ее по сути к спорным концепциям. Данную характеристику автор диссертации учитывает при использовании концепта в качестве аналитического инструмента.

Предложенное Ж. Деррида в «Грамматологии»⁵ понятие деконструкции уточнялось им в нескольких интервью, что позволяет составить мнение о его понимании сфер практического приложения концепции. В интервью «Деконструкция действительности»⁶, отвечая на вопрос, существует ли обязанность как граждан и как философов разработать системную критику, того, что он называет артефактностью, сказал

¹ Макаренко В.П. Политический дискурс: между бессмыслицей и порочным кругом // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. №. 2. С. 76.

² Royle N. (eds) *Deconstructions*. London: Palgrave, 2000.

³ Connolly W. *The terms of political discourse*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1993.

⁴ Strathausen C., Connolly W.E. *Deconstruction and Experience: The Politics of the Undeconstructable*. In *A Leftist Ontology: Beyond Relativism and Identity Politics* University of Minnesota Press. 2009. P.125-146.

⁵ Derrida J. *Deconstruction in a nutshell: A conversation with Jacques Derrida, with a new introduction*. Fordham University Press, 2020.

⁶ Derrida J., Malet E., Vermeren P., Peretti C. and Sohm B. *Jacques Derrida: The Deconstruction of Actuality* // *Radical Philosophy*. 1994. № 68. P. 28-41.

следующее по вопросу национальности: «несмотря на ускоряющийся темп и растущую неоднозначность интернационализации – нации, регионы и провинции, или действительно «Запад», все еще имеют доминирование, которое переопределяет любую другую иерархию... Особенно важно помнить об этом сейчас, когда старые национализмы принимают новые формы и используют самые «продвинутые» медиатехнологии... И стоит отметить, что некоторые из них посчитали необходимым поставить под сомнение критику этноцентризма, или (упрощая) деконструкцию европоцентризма». ¹ В интервью, которое Ж. Деррида дал незадолго до ухода из жизни, он назвал деконструкцию «жестом недоверия по отношению к любому европоцентризму»². Деконструкция, по его мысли, – сугубо европейский продукт, отношение Европы к самой себе как опыт «радикальной инаковости».

Выбирая деконструкцию как методологию конкретного исследования, необходимо ответить на вопрос о том, что именно подлежит деконструкции. Л.Б. Алаев в монографии «Проблематика истории Востока», достаточно критично высказываясь о самой теории, утверждает: «Раскритиковав ориентализм, Саид не предложил ничего взамен... Он выступает против стереотипов, утвердившихся в Европе, относительно «восточных людей», но не утверждает, что «восточные люди» ничем не отличаются от “западных”»³. Задачей данного диссертационного исследования является деконструкция колониальных стереотипов в постколониальном дискурсе. Ориентализм Э. Саида в этом качестве не может быть использован, так как, по мнению Го, ориентализм сам является формой стереотипизации (Го).

Деконструкция дискурса. Постструктуралистское определение дискурса – «всё есть дискурс» (Ж. Деррида) находит применение в

¹ Derrida J., Malet E., Vermeren P., Peretti C. and Sohm B. Jacques Derrida: The Deconstruction of Actuality // *Radical Philosophy*. 1994. № 68. P. 28-41.

² Деррида Ж. «Наконец-то научиться жить» (последнее интервью) / пер. Н.С. Автономовой // *Вопросы философии*. 2005. № 4. С. 142.

³ Алаев Л.Б. *Проблематика истории Востока*. М., 2020. С. 33.

исследовании постколониальных практик как видов дискурса и как способа противостояния колонизаторам посредством деконструкции ориентированных на Запад стереотипов. Постструктурализм исследует вопросы о том, *как* действует власть и *через* какие каналы она действует в обществе¹. С. Гиканди в работе «Постструктурализм и постколониальный дискурс» выделяет две группы исследований постколониальных обществ: конкретные условия, в которых возник и функционировал колониализм, а также роль деколонизации как специфического нарратива освобождения². Дискурс в постструктуралистском понимании – способ противостояния колонизаторам посредством деконструкции западно-ориентированных концептов, специфический нарратив освобождения, считает С. Гиканди³.

Роберт Янг, один из видных представителей постколониальной теории, является и главным критиком в дискуссиях о роли в ней деконструкции. Р. Янг критикует тех представителей постколониальной теории, которые отвергают деконструкцию на основании ее предполагаемой «текстуалистской» предвзятости. В работе «Белые мифологии: написание истории и Запад» он утверждает, что «деконструкция подразумевает децентрализацию и деколонизацию европейской мысли»⁴. В работе «Деконструкция и постколониальное» он пишет, обращаясь к Ж. Деррида: «с самого начала вашей целью была, как бы мы сказали сегодня, западная глобализация... и европоцентризм западной культуры – не что иное, как самый оригинальный и мощный этноцентризм в процессе навязывания себя миру... Эта моя книга была направлена на то, чтобы перевести то, что до этого момента преимущественно считалось философскими или литературными стратегиями

¹ Wiebe S. M. 123: Poststructuralism // Encyclopedia of Critical Political Science. Cheltenham. UK: Edward Elgar Publishing. Retrieved 12 Apr 2024. URL: <https://doi.org/10.4337/9781800375918.ch123> (accessed: 5.02.2024).

² Gikandi S. Poststructuralism and postcolonial discourse // Lazarus N. ed. The Cambridge Companion to Postcolonial Literary Studies. Cambridge Companions to Literature. Cambridge University Press, 2004. P. 97-119.

³ Ibid.

⁴ Young R. J. C. White Mythologies: Writing History and the West. London: Routledge, 1990. P. 18.

деконструкции в более болезненные рамки колониальной и постколониальной истории. Как переписать историю, когда сама модель истории была настолько продуктом истории, которую я хотел переписать? Именно ваша проблема»¹.

Э. Пирен приводит более узкое определение деконструкции как перечитывания / переписывания постколониальных понятий бинарности, гибридности, амбивалентности². Ф. Назир связывает деконструкцию с теорией культуры и критикует понимание деконструкции как культурного феномена постмодернизма³. В изучении истории Африки деконструкция европейской колониальной интеллектуальной гегемонии реализуется посредством разработки альтернативных историографий, интерпретаций и источников⁴.

А. Мохиуддин в работе «Деконструкция колониальных концепций в современной социальной теории, литературе и письме», анализируя доминирующие западные нарративы об исламе, солидаризируется с распространенной точкой зрения о том, что «структура ориенталистского знания является неадекватной гегемонической системой, которая поддерживает традиционные антропологические подходы, включающие факты и стереотипы в одну и ту же субъективную сферу: сферу, которая в конце 1980-х годов приняла новую форму в контексте текстового плюрализма постмодернистской этнографии⁵.

Деконструкция в антропологической перспективе, как и все другие постколониальные деконструкции, противостоит эссенциализму. Очень емко суть деконструкции как метода анализа в постколониальной теории выразили

¹ Young R. J. C. Deconstruction and the Postcolonial // *Deconstructions: A user's guide*. 2000. P. 187-210. P. 189.

² Peeren E. Review of *Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory*. *French Studies: A Quarterly Review*. Vol. 63. № 1. 2009. P. 123-124.

³ Nazir F. Deconstructing «Deconstruction»: Postcolonial Theory, Postmodernism and Poststructuralism // *Tehseel*. 2019. № 4. P. 18.

⁴ Arowosegbe J. O. African universities and the challenge of postcolonial development // *Africa*. 2023. Vol. 93. № 5. P. 591-614.

⁵ Mohiuddin A. Deconstructing colonial conceptions in contemporary social theory, literature and writing // *Postcolonial Studies*. 2016. Vol. 19. № 2. P. 236.

М. Музаффар, М. Ахсан, А. Навид в работе «Почему «постколониализм» для колонизированных и «ренессанс» для колонизаторов? Сравнительный анализ деконструкции и постколониализма»: «Теория «деконструкции» применяется в контексте постколониализма, чтобы объяснить факт подчинения даже после деколонизации»¹.

Ряд важных тезисов, сформулированных Майклом Сиротински в работе «Деконструкция и постколониальное: на границах теории»², представляют наибольшую ценность для данного диссертационного исследования. М. Сиротински предложил концепцию деконструктивного постколониализма, тесно связанную с «реальными мирами» и рассматривающую постколониализм как практику³. В рамках деконструктивного постколониализма происходит противостояние колонизаторам посредством деконструкции концептов, ориентированных на Запад. Также постколониальная критика подвергает радикальной деконструкции универсальные принципы культурной компаративистики, сводя ее значение к сопоставлению «высокой западной теории» и незападной реальности⁴. М. Сиротински признает концептуальные противоречия «деконструктивного постколониализма»⁵, но настаивает на его методологической значимости.

М. Сиротински так описывает суть метода: «деконструкция как практика чтения может информировать наше критическое понимание именно

¹ Muzaffar M., Ahsan M., Naveed A. Why «Post-colonialism» for Colonized and «Renaissance» for Colonizers? A Comparative Analysis of Deconstruction and Postcolonialism // International Research Journal of Education and Innovation. 2022. Vol. 3. № 1. P. 326.

² Syrotinski M. Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory // Liverpool UP. 1 September 2007.

³ Ibid.

⁴ Подшибякина Т.А., Камара С. Постколониальный дискурс: теория, методология и практика применения (на примере этнополитического сепаратизма в Африке). Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 3. С. 38-49.

⁵ Syrotinski M. Deconstruction in Algeria (Derrida 'Himself'). Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory. Liverpool University Press, 2007. P. 11-25.

постколониальных контекстов»¹. Из особой практики чтения она превращается в перечитывание / переписывание². М. Сиротински исследует метод «перечитывания и переписывания» на примере франкоязычной Африки, прежде всего на примере концепции В. Я. Мудимбе о репрендре (*reprendre*). Он раскрывает политический характер деконструкции, связывая исследования практики перечитывания / переписывания с проблемами власти, утверждает, что именно деконструктивный постколониализм трансформируется в конкретные политические действия³. «Политическая эффективность деконструкции работает на двух уровнях: на одном уровне она предлагает средства для расшифровки различных символик присвоения..., а на другом уровне... она может открыть путь для стратегических политических вмешательств на фундаментальном, действительно основополагающем уровне»⁴.

Проведенный анализ теории постколониального дискурса позволил сделать вывод о том, что она сохраняет методологическую значимость для изучения современных процессов, посредством которых «Запад» конструировал колониальный «Восток» и продолжает влиять на общественное сознание в пост-колониальный период. Следует принимать во внимание, что ориентализм Э. Саида не предлагает альтернативу западным концептам и не содержит рекомендаций по деколонизации сознания, он сам является формой его стереотипизации. Определение конструктивных принципов постколониального концепта этнополитического сепаратизма возможно на основе теории постколониального дискурса посредством редуцирования ее ключевых понятий к понятиям репрезентации, идентичности, постколониальности, дискурса. Постструктуралистский

¹ Syrotinski M. Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory // Liverpool UP. 1 September 2007. P. 59.

² Ibid. P. 117.

³ Peeren E. Review of Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory. French Studies: A Quarterly Review. Vol. 63. № 1. 2009. P. 123-124.

⁴ Syrotinski M. Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory // Liverpool UP. 1 September 2007. P. 108.

концепт «деконструкции» как способ противостояния колонизаторам посредством деконструкции западно-ориентированных концептов.

1.2. Понятие «этнополитический сепаратизм» в семантическом поле концепта разделенных обществ.

Другим теоретико-методологическим основанием диссертационного исследования является теория разделенных обществ. Доводом в пользу выбора консоциативного подхода, к которому она относится, служит наличие признаков социального раскола в государствах пост-колониального периода на Африканском континенте. Консоциативный подход (Consociationalism) чаще всего соотносится с компаративистской, институциональной или конфликтологической парадигмой. Однако для реализации задач данного диссертационного исследования предполагается выйти за их пределы и использовать возможности достаточно редкого направления консоциативизма – дискурсивного.

Теория «разделенных обществ» (divided societies) С. Роккана, М. Липсета¹, А. Лейпхарта² давно используется и хорошо себя зарекомендовала для решения проблем многосоставных, или разделенных, обществ. Выбор данной теории в качестве теоретико-методологической основы исследования во многом был определен успешностью ее применения в политических практиках конструирования демократических режимов в мире, доказанной эффективностью в примирении острых конфликтных противоречий. Сам А. Лейпхарт, подводя итоги пятидесятилетней истории совершенствования

¹ Lipset S.-M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction. Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective, Lipset S.-M., Rokkan S. (eds.). New York: Free Press, 1967. P. 1-61.

² Lijphart A. Consociational democracy // World politics. 1969. Vol. 21. № 2. P. 207-225; Lijphart A. From the politics of accommodation to adversarial politics in the Netherlands: A reassessment // West European Politics. 1989. Vol.12. № 1. P. 139-153.

теории, констатирует ее значимость и подчеркивает вклад консоциативизма в политическую науку XXI века¹.

Важными для данного исследования представляются его указания на неисчерпанный потенциал и новые перспективные направления консоциативных исследований, касающиеся проблем изучения лидерства как условия успешного общественного управления в многосоставных обществах. Второе важное заключение автора теории, на которое стоит сослаться: в области консоциативного направления преобладают исследования, основанные на конкретных случаях, что связано с отсутствием накопленных данных количественных исследований². Несмотря на то что в научном сообществе растет внимание к возможностям количественных измерений социальных размежеваний, их анализ ведется преимущественно в парадигме политических конфликтов³. Эти доводы были учтены, и в эмпирической части исследования данные социологических опросов, имеющихся в распоряжении аналитической сети «Афробарометр» по кейсу государства Мали, использовались лишь для примера и описания отдельных случаев.

Особое внимание будет уделено возможностям использования теории для применения в практиках поддержания политической стабильности в странах Африки пост-колониального периода. Интересен тот факт, что стимулом создания эмпирической модели консоциативной демократии для самого А. Лейпхарта стала «теоретическая разработка проблем политической стабильности»⁴. Перспективным представляется также направление, рассматривающее консоциативизм как тип этнократии, в частности, по

¹ Bogaards M., Helms L., Lijphart A. The importance of consociationalism for twenty-first century politics and political science // *Swiss Political Science Review*. 2019. Vol. 25. № 4. P. 341-356.

² Там же.

³ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. 2021. № 5. С. 56-77.

⁴ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 40.

определению Б. Андерсона, «консоциативной «общей постконфликтной этнократии»¹. К новым сюжетам можно отнести и тему «консоциативизм и государство», дающую ключ к пониманию различия между консоциативным обществом и этнократией². Из перечисленных выше аспектов научных исследований консоциативизма для данного исследования наибольший интерес представляет направление, исследующее закономерности этнических расколов, одним из проявлений которых является этнополитический сепартизм.

В научном дискурсе сложилось два основных подхода к преодолению этнокультурной разнородности и урегулирования этнических конфликтов. Консоциативный подход прорабатывает конституционные гарантии межгруппового распределения власти (А. Лейпхарт³, Г. Лембрух⁴, Дж. Мак-Гарри⁵, Б. О'Лири⁶). Считается, что понятие *consociatio* (сообщество) впервые было использовано немецким политическим мыслителем И. Альтзуицем в книге «*Politica metodice digesta atque exemplis sacris et profanis illustrata*» (1603). В последующем оно легло в основу компаративного консоциативного подхода. Интегративный, центростремительный подход предусматривает создание сквозных интегративных институтов, умножение точек власти и стимулирование межгруппового сотрудничества (Д. Горовиц⁷,

¹ Anderson J. Ethnocracy: Exploring and Extending the Concept // *Cosmopolitan Civil Societies Journal*. 2016. № 3. P. 1-29.

² Bogaards M. Consociationalism and the State // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2024. Vol. 30. № 1. P. 46-64.

³ Lijphart A. Consociational democracy // *World politics*. 1969. Vol. 21. № 2. P. 207-225; Lijphart A. From the politics of accommodation to adversarial politics in the Netherlands: A reassessment // *West European Politics*. 1989. Vol. 12. № 1. P. 139-153.

⁴ Lehmbruch G. Consociational democracy in the international system // *European Journal of Political Research*. 1975. Vol. 3. № 4. P. 377-391.

⁵ McGarry J., O'Leary B. *The Northern Ireland Conflict: Consociational Engagements*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 2.

⁶ McEvoy J., O'Leary B. *Power Sharing in Deeply Divided Places*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2013. P. 1-64.

⁷ Horowitz D. L. *Ethnic groups in conflict*, updated edition with a new preface. Univ of California Press, 2000.

Б. Рейли¹, Дж. О'Флинн²). Предполагается сочетать два этих подхода в данном исследовании, руководствуясь тем, что в решении задачи прекращения сепаратистского конфликта и достижения стабильности в кризисный период обе стратегии могут сочетаться. Особый интерес с точки зрения поиска вариантов стабилизации вызывает методология исследования эволюции конфликтов в устойчивые институционализуемые размежевания, разработанная в рамках консоциативного подхода (А. Цукерман³, Я. Лустик⁴, Ч. Тилли⁵, Р. Даль⁶).

Концепция консоциальной (консоциативной), или общественной демократии А. Лейпхарта⁷, ставшая уже классической, показала свою эффективность при анализе проблем Африки пост-колониального периода⁸. Африка относится исследователями к группе стран с глубокими социальными расколами. Везде, где существует проблема формирования демократических институтов, возникают «глубоко разделенные общества»⁹. Под ними Э. Нордлингер, автор термина «разделенные общества», подразумевал «глубоко разделенные общества с открытыми (неавторитарными) режимами»¹⁰. Понятие «многосоставное общество»

¹ Reilly B. Electoral Systems and Conflict Management Comparing STV and AV Systems. National Centre for Development Studies – Canberra. Australian National University, 2000.

² O'Flynn I. Divided Societies and Deliberative democracy // British journal of Political Science. 2007. Vol. 37. № 4. P. 731-751.

³ Zuckerman A. Political cleavage: A conceptual and theoretical analysis // British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5. № 2. P. 231-248.

⁴ Lustick I. Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // World politics. 1979. Vol. 31. № 3. P. 325-344.

⁵ Tilly C. Big structures, large processes, huge comparison. 1984.

⁶ Dahl R. A. Democracy and its Critics. Yale university press, 2008.

⁷ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.

⁸ Артеев С.П. Разделенные общества в российском научном дискурсе // Власть. 2021. № 6. P. 123-129.

⁹ Guelke A. Politics in deeply divided societies. Polity, 2012.

¹⁰ Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. 2016. № 1. С. 15-33.

(plural society) включает в себя и понятие «глубоко разделенное общество», которое редко используется для демократических систем¹.

В своей концепции консоциативной демократии А. Лейпхарт определял разделенное общество как «общество, имеющее острые расколы по религиозным, идеологическим, лингвистическим, культурным, этническим и расовым осям и разделенное на отдельные субобщества со своими партиями, группами интересов и средствами коммуникации»². А. Лейпхарт употреблял и понятие «крайне плюральное» (completely plural), подразумевая общество, в котором: 1) легко идентифицировать сегменты; 2) известна точная численность каждого сегмента; 3) наблюдается полное совпадение между сегментарными границами и политической, экономической и социальной организацией; 4) партийная и сегментарная принадлежности совпадают, в силу чего выборы становятся переписью населения сегмента.

Концепция социальных расколов С. Роккана и М. Липсета, хотя и дает возможность объяснить их закономерности в постколониальном обществе, как инструмент политического анализа имеет некоторые ограничения применения в исследовании стран незападного типа. По мнению ряда авторов, «привязка социально-политических разделений к национально-территориальному сообществу стала сущностно оспариваемым подходом»³. Проблема применения концепта «разделенные общества» заключается также в нечеткости основных понятий, иногда означающих любое разделение: кливаж, кливидж (cleavage), «размежевание», «линии расколов / разломов», «разделение» (divides), а также «фрагментация», «сегментация» и другие формы разделений.

¹ Lijphart A. Consociational Theory: Problems and Prospects. A Reply. *Comparative Politics*. 1981. № 13 (3). P. 355-360.

² Lijphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Democracy in 36 Countries*. New Haven, L.: Yale Univ. Press, 1999. P. 32.

³ Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. 2021. № 5. С. 56-77.

Проблема стабилизации разделенных обществ может быть рассмотрена в нескольких аспектах. Понятие «консоциация» изначально использовалось для характеристики институционального устройства, способного обеспечить стабильность в разделенных обществах¹. А. Лейпхарт даже определял консоциативную демократию как «девиантный кейс стабильной, хотя и фрагментированной демократии»², понимая под этим не столько определенное институциональное устройство, сколько «осознанную совместную попытку элит стабилизировать систему»³. Концепция консоциации предлагает несколько механизмов стабилизации политического режима. А. Лейпхарт объяснял феномен стабильности политических систем при высокой фрагментированности общества сотрудничеством лидеров различных групп, поведением политических элит с целью преодоления противоречий. «Управление осуществляется элитарным картелем, призванным направить демократию с фрагментированной политической культурой на путь стабильной демократии»⁴. Элиты должны понимать угрозы политической фрагментации и стремиться не только сохранить демократию, но и укрепить ее стабильность⁵.

Политические институты являются основным механизмом достижения стабильности в консоциации. «Теория консоциационализма изначально служила объяснением политической стабильности в нескольких глубоко разделенных европейских демократиях. Она утверждала, что в этих странах дестабилизирующие эффекты субкультурной сегментации нейтрализуются на уровне элиты путем принятия немажоритарных механизмов разрешения конфликтов»⁶. Суть концепции в заключении соглашения о разделении

¹ Харитоновна О.Г. Теория и практика консоциационализма в ближневосточном контексте: новые грани старой проблемы // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 4. С. 61-80.

² Lijphart A. Consociational democracy // World politics. 1969. Vol. 21. № 2. P. 211.

³ Ibid. P. 213.

⁴ Ibid. P. 216.

⁵ Ibid.

⁶ Andeweg R. B. Consociational democracy // Annual Review of Political Science. 2000. Vol. 3. № 1. P. 509.

власти¹ на основе принципов пропорционального представительства, создания большой правящей коалиции из основных участников, принятия решений на основе консенсуса, обладания всех участников правом вето, распределения власти по вертикали. Таким образом, политический режим «строится на консенсусе, а не оппозиции, является включающим, а не исключаяющим, и имеет максимально возможное правящее большинство»².

Для диссертационного исследования представляет интерес рассмотрение возможностей консоциативизма в достижении стабильности посредством реализации политической стратегии «институционализации расколов», то есть их нормативного регулирования и создания функционирующих на постоянной основе площадок для взаимодействия или проведения переговоров. В условиях активных сепаратистских движений создание институтов «сообщественного управления» при отсутствии даже у участников конфликта таковой цели на обозримую перспективу является невозможным. А вот стабилизация, понимаемая как приостановка или замораживание конфликта на определенное время, может быть достигнута на каком-то этапе противостояния сепаратистов с политической властью.

В концепции консоциации описан такой вид расколов, который приводит к стабилизации конфликтной ситуации или достижению определенного баланса политической системы. Это так называемые сквозные расколы (*cross-cutting cleavages*), когда объединенные по определенному политическому критерию члены группы могут быть и членами другой группы по другому ключевому политическому критерию. Сквозные расколы (иногда их название переводится как «поперечные»)³ препятствуют социальному расколу сообществ. Гетерогенность компенсируется за счет

¹ Lijphart A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. Yale University Press, 1977.

² Lijphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Democracy in 36 Countries*. New Haven, L.: Yale Univ. Press, 1999. P. 33.

³ Lipset S. M., Stein R. *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments*. In *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*, eds. Lipset, Seymour Martin and Rokkan, Stein. New York: The Free Press, 1967. P. 1-64.

принадлежности членов группы одновременно к разным идентичностям – этническим, религиозным или социальным.

С. Липсет в своей статье «Расколы, партии и демократия»¹ так описал этот феномен на примере Индии. «То, что, по-видимому, стабилизирует Индию, – это основные сквозные расколы – каста, раса, этническая принадлежность, религия, экономический класс, язык, которые обеспечивают базовые структуры для долгосрочных конфликтных отношений, а также союзов. Они сохраняются даже после того, как партийная приверженность распадается². Сквозные расколы могут даже способствовать стабильности и устойчивости демократии³. С. Липсет писал: «Однако незападные примеры фиксируют множество конфликтных противостояний, появляющихся под воздействием кумулятивного эффекта разделений совпадающей направленности (*coinciding / reinforcing cleavages*), которые далеко не всегда компенсируются разнонаправленно пронизывающими общество разделениями (*cross-cutting cleavages*)»⁴. Этот феномен описан в классических работах по консоциативизму (С. Липсет⁵, С. Роккан⁶, А. Лейпхарт⁷).

Наибольшую популярность концепция сквозных расколов получила в 1970-е годы, что нашло отражение в ряде работ таких авторов, как Я. Бадж и

¹ Lipset S. M. *Cleavages, parties and democracy* / Karvonen L. & Kuhnle S. (eds.). *Party Systems and Voter Alignments Revisited* (1st ed.). Party systems and voter alignments revisited. London: Routledge, 2001. P. 8.

² Ibid. P. 8.

³ Lipset S. M. *Political Man: The Social Bases of Politics*. Garden City, NJ: Doubleday, 1960. P. 88-89.

⁴ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. 2021. № 5. С. 62.

⁵ Lipset S. M. *Political Man: The Social Basis of Politics*. Garden City N.Y.: Doubleday, 1960.

⁶ Rokkan S. *Geography, Religion and Social Class: Cross Cutting Cleavages across Norwegian Politics*. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives*. Ed. by Lipset S. M., Rokkan S. New York: Free Press, 1967. P. 379-386.

⁷ Lijphart A. *The politics of accommodation: Pluralism and democracy in the Netherlands*. Berkeley: Univ. of California press, 1968.

К. О'Лири¹, Р. Гудин², Г. Пауэлл³. В работе «Сквозные расколы и социальный конфликт» Р. Гудин аргументирует идею заметной роли сквозных расколов в смягчении социальных конфликтов, используя логику электоральной конкуренции. Там, где партии должны апеллировать к электорату с разными интересами, политики должны занимать умеренные позиции, ориентируясь на мнение среднего избирателя по линиям раскола в обществе, чтобы победить⁴.

Г. Робертсон и Г. Поп-Элечес в работе «Сквозные расколы и этнические конфликты: данные экспериментов по проведению опросов в Кыргызстане» высказали предположение о том, что одних только сквозных расколов недостаточно для создания сотрудничества и что многое зависит от деталей самой структуры раскола... степени, в которой сквозные расколы создают симметричные или взаимные отношения, и уровне, на котором расколы пересекаются⁵. Ключевым элементом в сквозных расколах является то, что они должны быть политически заметными, уточняет Познер⁶.

В настоящее время идея о том, что сквозные расколы (cross-cutting cleavages) могут способствовать межэтническому сотрудничеству, снова в тренде актуальности. Новизна подхода заключается в попытках исследовать

¹ Budge I., Cornelius O'L. Cross-Cutting Cleavages, Agreement and Compromise: An Assessment of Three Leading Hypotheses Against Scottish and Northern Irish Survey Responses // *Midwest Journal of Political Science*. 1971. Vol. 15. № 1 (Feb.). P. 1-30.

² Goodin R. E. Cross-Cutting Cleavages and Social Conflict // *British Journal of Political Science*, 1975. № 5 (4). P. 516-519.

³ Powell G. Bingham Jr. Political Cleavage Structure, Cross-Pressure Processes, and Partisanship: An Empirical Test of the Theory // *American Journal of Political Science*, 1976. № 20 (1). P. 1-23.

⁴ Goodin R. E. Cross-Cutting Cleavages and Social Conflict // *British Journal of Political Science*. 1975. Vol. 5. № 4. P. 516-519.

⁵ Robertson G., Pop-Eleches G. Cross-cutting Cleavages and Ethnic Conflict: Evidence from Survey Experiments in Kyrgyzstan // *APSA. Annual Meeting Paper*, 2011. P. 49.

⁶ Posner D. N. The political salience of cultural difference: Why Chewas and Tumbukas are allies in Zambia and adversaries in Malawi // *American political science review*. 2004. Vol. 98. № 4. P. 529-545.

расколы с привлечением эмпирических данных (Т. Даннинг и Л. Харрисон¹, Дж. Селуэй²).

Теория разделенных обществ изначально была предназначена для анализа европейских многонациональных государств, что необходимо учитывать, применяя ее методологию для анализа постколониальных процессов. На этапе становления национальных государств на Африканском континенте первостепенное значение имеют неформальные институты, позволяющие «договориться» о будущем институциональном устройстве вновь создаваемых государств. Постколониальный сепаратизм существует в разных формах, в том числе экстерриториальных, территориально разделенных, с разным пониманием этнополитической субъектности³. Поэтому следует уточнить ключевые понятия политизации этнических расколов в постколониальной проекции.

Понятие «сепаратизм» этимологически происходит от латинского слова *separatus* – «отдельный». В этом значении оно полностью соответствует понятию «раскол». Целью сепаратизма как политического движения является «установление или восстановление контроля над конкретной территорией»⁴. Территориальные требования могут касаться отделения от государства части его пространства (сецессия) и создания нового суверенного государства, а также получения автономии внутри государства⁵, установления контроля над территориями других государств (ирредентизм).

В диссертационном исследовании использована трактовка сепаратизма, предложенная Д. Горовицем в работе «Паттерны этнического сепаратизма».

¹ Dunning T., Harrison L. Cross-cutting cleavages and ethnic voting: An experimental study of cousinage in Mali // *American Political Science Review*. 2010. Vol. 104. № 1. P. 21-39.

² Selway J. S. The measurement of cross-cutting cleavages and other multidimensional cleavage structures // *Political Analysis*. 2011. № 1. Vol. 19. P. 48-65.

³ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. 2021. № 5. С. 56-77.

⁴ Dennis R. M. Separatism // *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. 2007.

⁵ Osterud O. Separatism // *The Encyclopedia of Political Thought*. 2014. P. 3397-3399.

Он считает сепаратистскими «движения за отдельную территориальную идентичность» независимо от того, требуют ли они отделения или стремятся лишь только к автономии от более крупной территориальной единицы. Им применяются термины «сецессия» и «разделение», а также «сепаратизм» повсюду как синонимы»¹. Д. Горовиц признает, что политику ни в коем случае нельзя легко свести к простому общему знаменателю этнических связей, даже в глубоко разделенных обществах. Этническая принадлежность влияет не только на семейную и социальную жизнь, но и на более формально организованную жизнь. Это относится к сфере как политической, так и экономической жизни (например, организация капитала и труда, партийные системы). Он также утверждает, что этнические группы тесно связаны родством таким образом, чтобы максимизировать эффективное использование политической структуры. Д. Горовиц показывает в своих исследованиях, как некоторые группы пользовались режимом большего благоприятствования со стороны колонизаторов, чем другие².

Как правило, в глубоко разделенных обществах политизацию этнокультурного разнообразия элитными группами интересов рассматривают как угрозу государственности³. Политизация значимых социальных размежеваний представляет собой, по определению И.С. Семененко, В.В. Лапкина, В.И. Пантина, их «интегрированные политико-институциональные проекции»⁴. Этнические и этнокультурные размежевания порождают политические эксцессы национализма и сепаратизма, конкуренцию за реализацию различных проектов национального строительства.

¹ Horowitz D. L. Patterns of ethnic separatism // Comparative Studies in Society and History. 1981. Vol. 23. № 2. P. 165-195.

² Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict; Donald Rothchild, Interethnic Conflict and Policy Analysis in Africa // Ethnic and Racial Studies. 1986. Vol. 9. № 1. P. 66-86.

³ O'Flynn I. Democratic Theory and Practice in Deeply Divided Societies // Representation. 2010. Vol. 46. № 3. P. 281-293.

⁴ Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. 2021. № 5. С. 66.

Для решения задач диссертационного исследования наибольший теоретический интерес представляет направление консоциативизма, которое исследует институты не только как инструменты демократизации и формирования разделения власти в многосоставных обществах, но и как способы разрешения конфликтов или «миротворчество». Другими словами, политизация этнических или конфессиональных конфликтов, проявлением которых является сепаратизм, может стать при определенных условиях инструментом формирования институтов, способствующих их разрешению. И.С. Семенов, В.В. Лапкин, В.И. Пантин, например, предложили такой способ для урегулирования конфликтности: перевод конфликта из плоскости столкновения идентичностей в плоскость противостояния интересов с перспективой институционализации процессов их согласования¹.

Понятие дискурса в контексте теории разделенных обществ имеет свои особенности, требующие рассмотрения и уточнения. Следует согласиться с мнением ряда авторов относительно освещения проблем социальных размежеваний в научном дискурсе, что имеющийся категориальный аппарат не вполне адекватен исследовательским задачам, возникающим ввиду многозначности и динамизма прогрессирующих разделений, а содержательное наполнение описывающих их концептов зачастую остается непроясненным². Это заключение вполне правомерно для проблем исследования этнических расколов пост-колониальной эпохи. Для более глубокого понимания роли неформальных постколониальных институтов предполагается выйти за рамки конфликтологической и институциональной парадигмы теории разделенных обществ и использовать методологию ее дискурсивного направления для анализа проблем политизации постколониальных этнополитических расколов.

¹ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 69-94.

² Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 56-77.

Этнополитический сепаратизм, как одно из проявлений разделенных обществ, может быть отнесен к типу этнических кливажей (расколов). Этнические, или этнокультурные, расколы принадлежат к числу феноменов, постоянно воспроизводящих групповое размежевание. Консоциативный подход, институциональный по своей сути, все-таки достаточно ограничен в области исследования неинституализированных процессов и явлений. Рассмотрение этнополитического сепаратизма как коммуникативного события позволит значительно расширить предметное поле за счет анализа дискурсивных практик доконфликтного, конфликтного и послеконфликтного урегулирования.

Российские ученые М.В. Ильин, основоположник российских исследований проблем разделенных обществ, а также И.В. Кудряшова, Е.Ю. Мелешкина, О.Г. Харитоновна, С.М. Хенкин¹ предложили неклассическую трактовку теории разделенных обществ, опирающуюся на неформальные институты и концепцию идентичности², противопоставив ее западной ориентации на формальные политические институты³. И.С. Семенов, В.И. Пантин, В.В. Лапкин разработали свою типологию политизации социальных размежеваний в социальных, культурных, политических областях и предложили методы исследования соответствующих практик⁴. Уникальность их методики заключается в расширении верифицируемых характеристик разделенного общества за счет качественных показателей публичной дискуссии вокруг проблем культурной и социально-политической поляризации. Дискурсивные аспекты расколов и преодоления их социальных

¹ Метаморфозы разделенных обществ: монография / И.В. Кудряшова, О.Г. Харитоновна, С.М. Хенкин [и др.]; под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. М.: МГИМО-Университет, 2020.

² Семенов И.С. Разделенные общества: концепты и социально-политические реалии // Политология. Новый лексикон. 2023. С. 235-247.

³ Артеев С.П. Разделенные общества в российском научном дискурсе // Власть. 2021. № 6. С. 123-129.

⁴ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 56-77.

последствий представлены в концепции диалога в многосоставных обществах С.П. Поцелуева и Дж. А. Тимкука.

Концепция разделенных обществ Роккана, Липсета, Лейпхарта с учетом новых направлений ее развития современными авторами позволяет сформулировать несколько ракурсов исследования дискурсов в рамках дискуссии в российской политической науке (М. Ильин)¹.

1. *Дискурс как форма диалога в многосоставных сообществах в процессе поликультурной коммуникации.* Коммуникация осуществляется как дискурсивно-символический обмен между разными политическим акторами. «Диалогические формы политической коммуникации в многосоставных обществах – это не только процесс передачи информации от конструирования новых смыслов, интерпретаций, а также новых дискурсивных формаций, норм и правил жизнедеятельности разных народов и культур»² (С.П. Поцелуев, Дж. А. Тимкук).

2. *Общественные дискурсы как ресурс межгруппового доверия в институциональной модели представительства интересов конфликтующих этнокультурных групп.* Социальное конструирование как более масштабный процесс может осуществляться посредством «формирования разнообразных общественных дискурсов и продвижения общечеловеческих ценностей»³ (И.В. Кудряшова).

3. *Дискурсы идентичности как ресурс общественного развития.* Дискурсы выполняют функцию конструирования идентичности и консолидации разделенных обществ в условиях культурного многообразия.

¹ Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 56-77.

² Поцелуев С. П., Тимкук Дж. А. Политический диалог в многосоставных обществах: монография / С.П. Поцелуев, Дж. А. Тимкук. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. С. 30.

³ Метаморфозы разделенных обществ: монография / И.В. Кудряшова, О.Г. Харитоновна, С.М. Хенкин и др.; под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. М.: МГИМО-Университет, 2020.

Однако они же могут быть направлены на ее «деконструкцию, девальвацию и дискредитацию»¹ (И.С. Семененко).

4. *Дискурсы как ресурс формирования постколониальных наций.* Механизмы и способы «сборки наций» опираются на коммуникативные (дискурсивные и нарративные) практики, вне которых трудно было бы представить формирование современных наций² (Д.М. Бондаренко).

5. *Дискурсы исторической и этнической памяти* могут представлять официальную позицию власти, а могут быть «народными» и отражать точку зрения различных этнических и социальных групп. «Альтернативные дискурсы памяти в состоянии настолько принципиально отличаться от официального дискурса, что следование им способно стать важным фактором радикализации общественных настроений»³ (Д.М. Бондаренко).

6. *Дискурсы как ресурс постконфликтного урегулирования* в многосоставных обществах. Дискурсы играют важную роль в практиках управления конфликтами в консociативной демократии в постколониальный период. Они являются также ресурсом социальной реабилитации участников конфликта⁴ (И.С. Семененко).

7. *Дискурсы как ресурс коммуникации* в системе неинституализированных отношений между политическими субъектами. Институциональный дизайн разделенных обществ должен включать неинституционализированные отношения и дискурсивные взаимодействия политических субъектов. Взаимодействие формальных и неформальных

¹ Семененко И.С. Разделенные общества: концепты и социально-политические реалии // Политология. Новый лексикон. 2023. С. 235-247.

² Бондаренко Д.М. Формирование постколониальных наций: теория и современные реалии // Африка: постколониальный дискурс. 2020. С. 30.

³ Там же. С. 29-31.

⁴ Семененко И.С. Разделенные общества: концепты и социально-политические реалии // Политология. Новый лексикон. 2023. С. 235-247.

институтов имеет первостепенное значение для переходных обществ¹ (И.В. Кудряшова).

8. *Дискурсы публичной дискуссии* вокруг проблем культурной и социально-политической поляризации являются важной характеристикой разделенного общества (Семененко, Лапкин, Пантин).

9. *Дискурсы стереотипизации* в контексте консоциативного подхода могут быть рассмотрены как «дискурсивный институт»² (С.П. Поцелуев). Стереотип – совокупность ценностей этнических групп, формирующих представления об идентичности и образы мира. Конструирование стереотипов является составной частью институционализации национальных государств и воспроизведения национальной идентичности.

Итак, теория разделенных обществ Роккана, Липсета, Лейпхарта в рамках дискурсивного направления позволяет исследовать несколько эмпирически наблюдаемых сфер дискурса: дискурс как форма диалога в процессе поликультурной коммуникации; общественные дискурсы как ресурс межгруппового доверия; дискурсы идентичности как ресурс общественного развития; дискурсы как ресурс формирования постколониальных наций; дискурсы как ресурс постконфликтного урегулирования в многосоставных обществах; дискурсы как элемент неинституализированных отношений между политическими субъектами; дискурсы публичной дискуссии по проблемам социальной поляризации; дискурсы как инструмент достижения институциональной стабильности.

Все перечисленные ракурсы дискурсов могут быть рассмотрены в контексте процесса политизации этнических расколов. Отличительным признаком пост-колониального периода является сохранение

¹ Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. 2016. № 1. С. 15-33.

² Поцелуев С.П. Стереотип как институциональный ресурс политики памяти: случай российского поколения Z // Журнал политических исследований. Т. 7. № 4. С. 62-71.

неоколониальных форм влияния бывших метрополий. Амбивалентность как характерная черта постколониальности будет находить выражение в двойственности и неоднозначности процесса политизации. С одной стороны, этнополитический сепаратизм как одно из проявлений раскола ведет к политической дестабилизации общества, с другой стороны, политизация раскола предполагает его институционализацию, то есть стабилизацию. Стабилизирующую роль в разделенных обществах играют так называемые сквозные расколы (cross-cutting cleavages).

Предикат «этнополитический» – другое верифицируемое свойство постколониальной формы сепаратизма требует не только концептуализации, но и выявления эмпирических характеристик и эффектов, обнаруживающих себя в результате реализации дискурсивных политических стратегий в политических практик. Целенаправленная политизация социальных размежеваний, как показывают исследования этой проблемы, имеет не только деструктивный характер, но может быть использована для институциональной стабилизации этнических конфликтов. Эти задачи будут решаться во втором и третьем параграфе второй главы диссертационного исследования.

Стереотип, рассмотренный как проекция колониального дискурса, позволит описать современные неоколониальные формы формирования общественного сознания. Этнические стереотипы в Европе создавались и риторически использовались для утверждения морального и культурного превосходства над другими¹ и являлись политической стратегией доминирования. В следующей главе конструирование колониальных стереотипов будет рассмотрено как сущностно оспариваемый политический концепт на примере современных постколониальных исследований Франции и как политическая стратегия французских властей, направленная на поддержание сепаратистских конфликтов в африканских странах.

¹ Вида К. Свои и чужие. Этнические стереотипы в средневековой Европе, 950-1250 гг. / пер. с англ. А. Инопиной. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024.

Конструирование или деконструкция этнических стереотипов, положенная в основу определенной политической стратегии, может как усиливать этнические расколы, так и помогать их преодолевать. Нами будет предложена трактовка стереотипа как дискурсивного института и соответствующее понимание метода деконструкции стереотипов.

1.3. Постколониальный этнополитический сепаратизм: концептуально-дискурсивный анализ.

В данном параграфе решается одна из ключевых задач диссертационного исследования – разработка постколониального концепта этнополитического сепаратизма. Для этого предполагается сравнить разные подходы к исследованию понятия сепаратизма, существующие в академическом дискурсе, и концептуализировать признаки его уникального типа – «постколониального этнополитического сепаратизма». В качестве теоретико-методологического инструмента исследования используется концептуально-дискурсивный анализ (Ф. Оппенгейм¹, У. Коннолли²), позволяющий дать описание предикатов «постколониальный» и «этнополитический» как основных признаков данного вида сепаратизма и элементов концептной структуры. Учитывая содержательную многозначность понятия, потребовалось установить определенные рамки концептуализации и рассмотреть его смыслы лишь в семантическом поле концепта разделенных обществ.

Для того, чтобы получить возможность применять теоретический конструкт постколониального этнополитического сепаратизма для исследования сепаратистских практик, требуется описать его функциональные возможности. Хелен Гейвин выделяет следующие функции концептов: классификацию, понимание, предсказание, рассуждение,

¹ Oppenheim F. Political Concepts. A Reconstruction. Oxford: Basil Blackwell, 1981.

² Connolly W. The terms of political discourse. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1993.

общение. Совместное использование понятий по ее мнению позволяет людям косвенно передавать впечатления¹. Постколониальный концепт этнополитического сепаратизма можно использовать как инструмент анализа перспектив развития политических процессов в разделенных обществах постколониального исторического периода развития африканских стран во всех названных значениях. Функционально признак политизации этнических расколов может быть рассмотрен как предиктор (прогнозный элемент), позволяющий строить проекцию в будущее и выявлять закономерности развития сепаратистских движений.

Понятие сепаратизма можно охарактеризовать как «зонтичное» для целой группы понятий, имеющих определенные отличительные признаки. Наиболее широкое определение, по которому достигнут консенсус, сформулировано следующим образом: «Сепаратизм (от латинского *separatus* – отдельный), идеология и основанные на ней политические движения, направленные на отделение части территории от существующего государства и ликвидацию его суверенитета над ней»².

В настоящее время в научном сообществе в основном ведутся дискуссии вокруг содержательного описания различных видов сепаратизма. Большинство публикаций посвящены соответствующим формам соответствующих практик. В контексте проблем данного исследования интерес представляют дискуссии по описанию политических аспектов этнополитического сепаратизма. Этнополитический сепаратизм в этом случае рассматривается как разновидность этнического сепаратизма, который определяется не только этническим составом субъектов, но и политическими признаками их деятельности.

Политические свойства этнического сепаратизма проявляются в стремлении к достижению власти на определенной территории, получении

¹ Гейвин Х. Когнитивная психология / пер. с англ. С. Комарова. М.: Питер, 2003. С. 136-137.

² Большая российская энциклопедия 2004-2017. Сепаратизм. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3656853?ysclid=mgxn60gmvb184550513 (дата обращения 27.10.2025).

гарантий политического суверенитета и формировании идеологий сепаратистских движений. Д. Горовиц называет сепаратизмом «обособление группы населения, главным образом на этнической или религиозной основе, выход этой группы и ее территории из-под юрисдикции более крупного государства, частью которого она является, с последующим образованием нового государства»¹. В.А. Тишков в своем определении ключевым свойством сепаратизма называет суверенитет: «Сепаратизм – это требование суверенитета и независимости для этнически обозначенной территории, и это требование направлено против государственной власти страны проживания»².

По мнению В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаяева, сепаратизм (от лат. *separatus* — отдельный) есть «политическая идеология и практика, направленные на отделение части страны от единого государства и обретение ею политической самостоятельности... Идеологической основой этнического сепаратизма. служит концепт нации-этнуса»³. А. В. Баранов определяет сепаратизм как «территориальное политическое движение, цель которого — отделить от государства часть его пространства и создать своё независимое государство»⁴.

Следует согласиться с мнением Р.М. Нуруллина, исследовавшего понятие сепаратизма и сецессии в политическом значении⁵, что «сложность трактовки этого явления вызвана не только многофакторностью самого сепаратизма, но и отсутствием установленных теоретико-методологических

¹ Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации: Материалы международной научно-практической конференции (Липки, сентябрь 1992 г.). М.: Наука, 1993. С. 145–164. С. 147.

² Тишков В.А. Моральность сепаратизма // Блог В.А. Тишкова. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n61_moralno.html# (дата обращения 27.10.2024).

³ Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / В.А. Тишков, Ю.П. Шабаяев. М.: Издательство Московского университета, 2019. с. 412.

⁴ Баранов А. В. Сепаратизм в современном мире: политико-территориальный аспект // Южно-российский журнал социальных наук. 2005. № 3. С. 107-23. С. 107.

⁵ Нуруллин РМ. Понятие сецессии в политической науке. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 1. С. 212-221.

подходов к изучению сепаратистских тенденций политической жизни»¹. При наличии обширной литературы по различным формам сепаратизма в политических практиках, мало работ монографического уровня по его концептуальному анализу, и нет публикаций по дискурсивному анализу данного феномена. Следует отметить как достаточно перспективные предпринимаемые попытки разработать «теорию сепаратизма», необходимую для определения наличия общих черт в объяснении причин возникновения сепаратистских движений и их истоков².

Данное исследование проведено с учетом двух теоретических подходов, предложенных Д. Горовицем. «Один из них заключается в том, чтобы выяснить, какие силы ответственны за общий подъём сепаратистских движений... Другой подход заключается в том, чтобы выяснить, что побуждает определённые территориально обособленные этнические группы пытаться покинуть государства... Первый вопрос требует общего объяснения совокупных тенденций; он направлен на сравнение настоящего с определённым периодом в прошлом. Второй требует объяснения, позволяющего различать различные категории случаев; он предполагает сравнение не во времени, а в пространстве»³. Постколониальность в темпоральном значении рассматривается автором диссертации и как исторический период, пришедший на смену колониальному, и как особое свойство явлений (в том числе этнополитического сепаратизма) в африканских странах, освободившихся от колониализма.

Самым распространенным теоретическим подходом к конструированию понятия сепаратизма и этнополитического сепаратизма является конфликтологическая парадигма (Р. Дарендорф, Г. Зиммель, Э. Гидденс, С. Хантингтон). Концептуальный анализ сепаратизма в

¹ Нуруллин Р. М. Парадигма конфликта как методологическая основа анализа этнополитического сепаратизма. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 1. с. 154.

² Kingsbury D. Separatism and the State. London : Routledge, 2021.

³ Horowitz D. L. Patterns of ethnic separatism // Comparative Studies in Society and History. 1981. Vol. 23. № 2. P. 165.

разделенных обществах в рамках этого подхода позволяют провести работы, написанные с использованием метода «доминантного размежевания», разработанного К. Марксом, позволяющего выявить новые кливажи, такие как противоречие между «космополитами» и «коммунитаристами»¹. Менее востребованным для определения дефиниции сепаратизма является системный подход², дающий возможность, однако, провести анализ сепаратизма с точки зрения «часть – целое», «центр – периферия». Отдельно следует выделить достаточно распространенное направление, использующее «синтетические» подходы, сочетающие возможности различных теорий.

И.Л. Прохоренко, анализируя основные методологические подходы к определению сепаратизма как сецессии, автономии, политической программы и как насильственного действия, выделила особое направление, сложившееся в политической науке. Сепаратизм в рамках изучения проблем развития «означает не только «отделение», но и «обособление», иными словами – культурную, языковую, экономическую, административно-политическую и иную дивергенцию в пространстве единого государства»³. По мнению И. Л. Прохоренко в современных исследованиях сепаратизма складывается направление, изучающее понятие сепаратизма с прилагательными, например, этнический, религиозный, региональный. «Конструирование семантического поля» понятия сепаратизма, поиск его разных смыслов позволяет избежать неопределенности при употреблении данного понятия.

Теоретико-методологические рамки исследования «постколониального» были рассмотрены в первом параграфе данной главы, далее на этой основе будет проведена концептуализация основных признаков постколониального этнополитического сепаратизма. Понятие

¹ Глухова А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (К проблеме теоретической идентификации) // Политическая наука. 2020. № 3. С. 14.

² Сталенная Л. С. Сепаратизм с точки зрения теории систем // Восточно-европейский научный журнал. 2016. №5. С. 73-78.

³ Прохоренко И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 11.

«постколониальный» и «этнополитический» в исследовании трактуются в философском значении как «предикат», то есть определенное свойство сепаратизма. Методологическим ориентиром для его разработки стало понятие «постколониальный» как дефиниция теорий постколониального дискурса, что позволило при формировании концепта выйти за хронологические рамки пост-колониального исторического этапа, понимаемого как «эпоха, следующая за колониализмом». Темпоральной особенностью понятия «постколониальный» в теориях постколониального дискурса является единое время и единое пространство, объединяющее эпохи колониализма и пост-колониализма. В постколониальной теории этот феномен описывается понятиями «амбивалентность», «гибридность», «третье пространство».

Постколониальную трактовку культурного пространства предложил Франц Фанон, один из первых мыслителей «пространственности культурной политики». Хоми Баба, развивая идеи Ф. Фанона, разработал концепцию гибридного «третьего пространства», где «всё происходит вместе» во «всеобъемлющей одновременности»¹, где колонизаторы и народы, находящиеся в колониальной зависимости от них, взаимодействуют в диалоге и демонстрируют некий гибрид культуры и идентичности. Х. Баба предложил также концепцию амбивалентности как инструмент исследования отношений между колонизаторами и колонизируемыми народами². Понятие амбивалентности используется в постколониальной теории для выражения неоднозначности, двойственности явлений или процессов. Другим проявлением амбивалентности является темпоральная двойственность опоры и на современность, и на историческое прошлое.

Понятие гибридности чаще применяется при исследовании политических практик для описания сочетания в социальной и политической реальности элементов колониализма и неоколониализма, колонизации и

¹ Fanon F., Gibson N. (ed.). *Living Fanon: global perspectives*. Springer, 2016.

² Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *Post-colonial studies: The key concepts*. London: Routledge, 2013. P. 37.

деколонизации, современности и традиции, ценностей восточной и западной цивилизации, официальных и народных дискурсов¹. Хоми Баба рассматривал в качестве производителей гибридности колониальные научные и политические дискурсы. Он утверждал, что универсальный колониальный дискурс порождает противоречия, которые «открывают путь переопределению коллективной принадлежности», «таким образом, постколониальное состояние характеризуется преодолением любой фиксированной и эссенциалистской идентичности»².

А. Мбембе указывает на сосуществование в постколонии универсальности и универсализма, коммунализма и сепаратизма. Он утверждает: «Постколониальные течения говорят в пользу космополитического и гибридного мира... Их объединяет интерес к историческому событию, которое было встречей разнородных миров – встречей, которая произошла в ходе работоторговли, колонизации, торговли, миграции и перемещений населения (включая принудительные), евангелизации, циркуляции форм и идей. Постколониальные течения подвергли сомнению то, что эта встреча, в ее многочисленных модальностях, произвела – долю переосмысления, корректировок и перекомпозиций, которые она потребовала от всех главных действующих лиц, игру амбивалентностей, миметизм и сопротивление, которые она сделала возможными»³.

А. Мбембе отмечает пространственную особенность и временную «запутанность» постколонии: «постколония создана не из одного «общественного пространства», а из нескольких, каждое из которых имеет

¹ Amabiamina F., Njoh Kome F. Les métamorphoses africaines et leurs langages: Une analyse de discours politiques, médiatiques et littéraires contemporains. 2021.

² Brahim M. A., Idir M. Études postcoloniales et sciences sociales: pistes d'analyse pour un croisement théorique et épistémologique. Revue Interventions économiques. Papers in Political Economy. 2020. № 64. URL: <http://journals.openedition.org/interventionseconomiques/11042> (accessed: 10.08.2024).

³ Confavreux J. Decolonial anxieties in a postcolonial world: an interview with Achille Mbembe // Postcolonial Studies. 2022. Vol. 25. № 1. P. 128-135.

свою логику»¹. «Постколония охватывает множественные периоды, состоящие из разрывов, разворотов, инерций, колебаний, которые накладываются друг на друга, взаимопроникают друг в друга, охватывают друг друга» (30, с. 14). П.-Ф. Фретюр в книге «Прошедшее несовершенное время: время и африканская деколонизация 1945-1960 годов» (*Past Imperfect*), опираясь на постколониальную методологию и концепцию темпоральности *Neuzeit* (*Нового времени*) Рейнхарта Козеллека, доказывает, что колониальные эксперты (путешественники, миссионеры, этнографы и др.) в принципе отрицали современность африканского времени, а собственную историчность рассматривали как прогрессивную, что привело колонистов к низведению африканцев до состояния безвременья².

Предикат «этнополитический» – другое верифицируемое свойство постколониальной формы сепаратизма, характеризующее его структуру и институциональные функции. Политизация этнических расколов находит выражение как в процессе институционального закрепления этнических расколов, так и в реализации дискурсивных стратегий в политических практиках³. Таким образом, политизация как процесс, подтверждая принцип амбивалентности, демонстрирует одновременно две возможности: одну к углублению расколов, другую к стабилизации конфликтной ситуации посредством их институционализации.

Выполнение функций концепта и их реализация зависят от констелляции определенных экзогенных и эндогенных факторов, которые будут рассмотрены далее. В общественном сознании этот методологический принцип выражается в отражении бинарности идентичности (этническая и гражданская), признании сохранения колониальных стереотипов, понимании закономерностей стратегий формирования и продвижения «западных»

¹ Mbembe A. *On the Postcolony*. University of California Press, 2001. P. 104.

² Bamba A. B. Pierre-Philippe Fraiture. *Past Imperfect: Time and African Decolonization 1945-1960*. Liverpool: Liverpool University Press, 2021.

³ O'Flynn I. *Democratic Theory and Practice in Deeply Divided Societies // Representation*. 2010. Vol. 46. № 3. P. 281-293.

неоколониальных идеологических концептов. В общественно-политических практиках гибридность воспроизводится посредством научных, публицистических и политических дискурсов, направленных на деконструкцию колониальных стереотипов и деколонизацию сознания.

Основным фактором, определяющим уровень радикализма сепаратистских движений и глубину этнических расколов, является степень их политизации. Инструментами политизации этнических расколов являются политизация этнокультурного многообразия, политизация идентичности, институциональное закрепление расколов, политическое вмешательство других стран. В политических практиках этнополитический сепаратизм институализируется в виде сецессий, автономизации, ирредентизма.

Сепаратизм чаще всего рассматривают как деструктивную практику «покушения» на суверенитет государства на его территориальную целостность. Целями сепаратистов может быть разный уровень территориальных претензий – автономия, сецессия или ирредентизм. «Со времен Второй мировой войны сепаратистские движения в Европе, Азии и Африке почти вчетверо увеличили число независимых государств в международной системе и увеличили число членов Организации Объединенных Наций с 51 при ее основании до 193 членов сегодня. По некоторым подсчетам, в настоящее время в мире существует более 70 сепаратистских движений»¹. На 90-е годы приходится постепенный рост этнополитических конфликтов на Африканском континенте, что совпадает с активным внедрением западных моделей демократии в политическую жизнь традиционного африканского общества. Примером служат активные

¹ Gupta D. Separatist movements. The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements. 27 September 2022. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9780470674871.wbespm388.pub2> (accessed: 27.10.2024).

сепаратистские движения в Мали, Нигере, где насчитывается 300-500 народов (этносов)¹.

Понятное желание государств сохранения суверенитета и территориальной целостности противоречит принципу равноправия и самоопределения народов, провозглашенному в «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» (принята резолюцией 2625 Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г.). В Декларации записано: «Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение»². В исследованиях по проблемам разделенных обществ такая форма защиты прав «группы от угнетения государством» получила название «правозащитных сецессий»³.

Отличительными особенностями постколониального этнополитического сепаратизма являются его встроенность в процесс формирования национальных государств и становления демократических режимов; внешнеполитическая поддержка сепаратистских движений; идеология родства; легитимация на основе нативизма и эссенциализма; этническая идентичность. Дискурсивными элементами постколониального этнополитического сепаратизма выступают репрезентация представлений о собственной (а не колониальной) истории, целях развития, ценностях, национальной культуре, стратегиях легитимации.

¹ Медведев Н.П., Камара С. Проблема сепаратистских тенденций в Африке: Национально-Освободительное Движение АЗАВАДА (МНЛА) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 1 (23). С. 17-24.

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения 20.06.2024)

³ Buchheit L. C. *Secession: The legitimacy of self-determination*. New Haven: Yale univ. press, 1978. P. 222.

На основе обобщения вышеизложенных теоретических подходов и методологических принципов были сформулированы основные положения постколониального концепта этнополитического сепаратизма в разделенных обществах¹. Постколониальный этнополитический сепаратизм является одним из видов сепаратизма, свойственным для стран, освободившихся от колониальной зависимости и с глубоко разделенными обществами. По мнению У. Коннолли, понятие «постколониальный» относится к категории «сущностно оспариваемых». С одной стороны, сепаратизм оценивается как деструктивный феномен, с другой стороны, постколониальный этнополитический сепаратизм является неотъемлемой частью процесса формирования национальных государств и становления демократических режимов.

Понятийная структура постколониального концепта этнополитического сепаратизма может быть представлена следующим образом. Понятие «постколониальный» является главным свойством, отличающим данную форму сепаратизма. Содержание данного понятия характеризуется двумя признаками «амбивалентности» и «гибридности», отражающими его сущность и концептную структуру. Темпоральной особенностью понятия «постколониальный» является единое время, а пространственной особенностью – единое «третье пространство», объединяющее эпохи колониализма и пост-колониализма. Предикат «этнополитический» позволяет включить «постколониальность» в более широкий понятийный контекст уже проработанных видов сепаратизма.

В политических практиках «амбивалентность» проявляется в легитимации действий сепаратистов на основе и идеологии модернизма, и идей нативизма и эссенциализма, родства. Поддержка сепаратистских движений может быть обусловлена как этнической, так и гражданской идентичностью. Сепаратизм может являться как результатом колониальных и

¹ Камара С. Постколониальный этнополитический сепаратизм: концептуально-дискурсивный анализ // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. С. 110-122.

неоколониальных проектов, так и подпитываться мифами доколониального периода истории освободившихся стран.

Методика применения концепта к анализу сепаратистских движений, предполагает выявление парных характеристик колониального / постколониального во всех его характеристиках пост-колониального исторического периода на примере разных кейсов. Таким образом, объединяя два теоретических подхода к анализу этнического сепаратизма, предложенные Д. Горовицем, можно анализировать и объяснять совокупные тенденции развития сепаратистских движений и во времени, и в пространстве.

Выявление сущностных черт и закономерностей развития постколониального общества при помощи предложенной концептуальной модели позволяет сформулировать некоторые управленческие принципы конструирования интеграции разделенных обществ. Стратегия институционализации этнополитических расколов может применяться в целях предотвращения проявлений сепаратизма. В случае если глубина противоречий и острота этнополитического конфликта не позволяет перейти на институциональный уровень его разрешения, достичь временной стабилизации можно через институционализацию самого этнополитического раскола, обеспечив площадки для свободного диалога конфликтующих сторон. Временно снять остроту противоречий поможет институционализация неформальных дискурсивных практик в рамках открытого диалога и коммуникации сотрудничества.

Выводы по главе I. Теории постколониального дискурса (ориентализма) и теории разделенных обществ С. Роккана – М. Липсета, А. Лейпхарта, как показал их критический анализ, не утратили своей значимости для исследования проблем постколониальности в многосоставных обществах. Теории позволили обосновать два базовых отличительных свойства данного вида сепаратизма – «постколониальный» и «этнополитический» (в контексте разделенных обществ) и предложить

авторский концепт постколониального этнополитического сепаратизма. Его основной принцип заключается в признании двойственной природы (амбивалентности) постколониальной формы этнополитического сепаратизма, имеющей признаки влияния колониализма и неоколониализма.

Во второй главе диссертации концепт будет использован в качестве инструмента исследования сепаратистских практик. Методика применения концепта к анализу сепаратистских движений и дискурсивных стратегических практик поможет установлению новых проявлений амбивалентности сепаратистских процессах. С ее помощью предполагается эксплицировать и описать такие характеристики, как презентация / репрезентация представлений об историческом прошлом, конструирование / деконструкция неоколониальных стереотипов, стабильность / нестабильность разделенных обществ.

ГЛАВА 2. ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО КОНЦЕПТА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО СЕПАРАТИЗМА К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕПАРАТИСТСКИХ ПРАКТИК

Во второй главе приведены результаты опыта применения концепта постколониального этнополитического сепаратизма к исследованию трех уровней проблем сепаратизма в африканских странах пост-колониального периода: идеологического, стратегического и институционального. В параграфе 2.1 проводится анализ современных теорий постколониальных исследований как идеологической основы внешнеполитических стратегий Франции. В параграфе 2.2 в стратегиях африканской политики Франции выявляются неоколониальные стереотипы, направленные на стабилизацию / дестабилизацию политических систем бывших колоний посредством сохранения сепаратистских движений. В параграфе 2.3. представлен опыт исследования дискурсивного механизма политизации этнических расколов как одной из причин этнополитического сепаратизма в Мали, а также роли диалога в преодолении этнополитического конфликта в рамках модели консоциативной демократии в разделенных обществах.

2.1. Деконструкция колониальных стереотипов в постколониальных дискурсивных практиках («Французская библиотека»).

В начале XXI в. в условиях нарастающей глобализации начался поиск новых альтернативных подходов к оценке постколониализма¹. В данной работе предполагается особое внимание уделить французскому, менее изученному направлению, оценить роль французских и франкоязычных африканских писателей, ученых и общественных деятелей в развитии

¹ Forsdick C., Murphy D. (ed.). Postcolonial Thought in the French Speaking World. Liverpool University Press, 2022.

постколониальных исследований. Вумби Йока (Валентин Ив) Мудимбе ввел понятие «колониальной библиотеки» для понимания артикуляции и способов передачи колониальных дискурсов в европоцентричных исследованиях. Постколониальная библиотека, ее преемница, – результат интеллектуальной деятельности выдающихся ученых Леопольда Седара Сенгора, Франца Фанона, Вумби Йока (Валентин Ив) Мудимбе, Кваме Нкрума, Квази Виреду, Али Мазруи, Альбера Мемми, Тойина Фалола, Абиолы Иреле, Саймона Гиканди, Кваме Энтони Аппиа, Ахилла Мбембе, Дамбисы Мойо¹. Прочтение произведений «Французской библиотеки» позволяет лучше понять особенности постколониальных исследований во Франции и оценить их влияние на современные идеологические концепты, определяющие характер отношений между Францией и ее бывшими африканскими колониями. Результаты анализа позволят дать оценку постколониальной политики Франции в регионе Сахель и Республике Мали в Африке, который выбран в качестве практического кейса.

Постколониальные исследования, начиная от начала крушения колониализма и до середины 80-х годов XX в., преимущественно проводились британцами. Отличительной чертой становления постколониальных исследований во Франции является их более поздняя институционализация по сравнению с британскими, ставшими к тому времени отдельной областью знаний. М. А. Маджумдар в книге «Постколониальность: французское измерение» констатирует значительные расхождения между англоязычным и франкоязычным подходами к постколониальному периоду². Несмотря на это отставание, ряд идей французского направления заняли доминирующее положение в дискуссиях по проблемам постколониализма, к таковым в первую очередь можно

¹ Гавристова Т.М. Африка: постколониальный дискурс // Африка: постколониальный дискурс: Тезисы докладов участников Всероссийской конференции 25-26 июня 2020 г. / отв. ред. Т.М. Гавристова [ЯрГУ им. П.Г. Демидова]; Н.Е. Хохолькова [ИАФР РАН]. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 41.

² Majumdar M. A. Postcoloniality: the French dimension. Berghahn Books, 2007.

отнести теорию «креолита». А. Мбембе, один из известнейших теоретиков постколониальных исследований, в своем интервью журналу *Esprit* в 2006 г. назвал причину того, что «постколониальная теория» почти не представлена во Франции: «Франция считает затруднительным не говорить исключительно о себе: современная французская мысль больше не способна говорить о Другом, тем более Другому; она предпочитает, в доброй старой колониальной традиции, говорить вместо Другого»¹.

Первый этап становления постколониальных исследований во Франции содержательно связан с идеями движения за деколонизацию. Франкофонные исследования, известные под названием «Французской библиотеки», получили развитие с 90-х годов XX века. Инициаторами дискуссий в обществе по проблемам колониализма стали франкоязычные писатели Франц Фанон, Эме Сезер, Альбер Мемми и Жан-Поль Сартр. Позднее известность приобрели Эдуар Глиссан, Лейла Себбар, Мариз Конде. Франца Фанона и Эме Сезера, более известных как идеологи деколонизации, относят к первой волне постколониальной мысли Франции². Для современных постколониальных исследований бывшей французской Африки не утратили своего значения идеи об «отверженности колониального интеллектуала» Ф. Фанона, концепции негритюда (самобытности негроидной расы) Э. Сезера и афроцентризма – социокультурной парадигмы о центральном положении Африки в мировой истории и культуре. В настоящее время на смену панафриканизму и негритюду приходит новая парадигма афрополитизма, который некоторыми именуется «космополитизмом с африканским лицом», или новой трансконтинентальной идентичностью. Цель интеллектуалов, которые называют себя в киберпространстве «поколение Африка», –

¹ Mbembe A. et al. What is postcolonial thinking? // *Esprit*. 2006. №. 12. P. 117-133.

² Go J. Postcolonial Thought and Social Theory. *Social Forces*. Vol. 98. Issue 4. June 2020. P. 1-3. URL: <https://doi.org/10.1093/sf/soaa004> (accessed: 02.08.2024).

развенчание стереотипов и мифа о том, что у Африки нет ни истории, ни культуры¹.

Франц Омар Фанон (1925-1961) – французский писатель, вдохновитель французских новых «левых» в движении за деколонизацию в «третьем мире», признан выдающимся теоретиком постколониальных исследований. Найджел К. Гибсон в работе «Живой Фанон: глобальные перспективы»², подводя итог влияния его идей на различные научные направления за 50-летний период после его ухода из жизни, раскрыл и перспективы их использования в будущем. Одной из таких уникальных и парадоксальных идей наследия Ф. Фанона является постколониальная трактовка культурного пространства, что позволяет называть его одним из первых мыслителей «пространственности культурной политики». Х. Баба, развивая идеи Ф. Фанона, предложил концепцию гибридного «третьего пространства», где «всё происходит вместе» во «всеобъемлющей одновременности»³.

Становление постколониальных исследований во Франции находилось под сильным влиянием французского постструктурализма. М. Сиротински утверждает, что к этому направлению причисляют любого французского теоретика, писавшего примерно с 1968 г., безусловно, Мишеля Фуко, Ролана Барта, Жака Деррида, Жюль Делеза, Феликса Гваттари, Элен Сиксу, Луи Альтюссера⁴. В авторитетном коллективном труде «Постколониальная мысль во франкоговорящем мире. Постколониализм в дисциплинах» названы 12 ключевых мыслителей направления постколониальных исследований: Эме Сезер, Мариз Конде, Жак Деррида, Ассия Джебар, Франц Фанон, Эдуар

¹ Гавристова Т.М. Афрополитизм: альтернатива космополитизму или трансформация идентичности? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. №. 2. С. 159-172.

² Fanon F., Gibson N. (ed.). *Living Fanon: global perspectives*. Springer, 2016.

³ Ibid.

⁴ Syrotinski M. *Postcolonialism and Deconstruction: The Francophone Connection* // Forsdick C., Murphy D. eds. *Postcolonial Thought in the French Speaking World. Postcolonialism across the Disciplines*. Liverpool University Press, 2009. P. 216-226.

Глиссан, Хо Ши Мин, Абделькебир Хатиби, Альбер Мемми, Вумби Йока (Валентин Ив) Мудимбе, Жан-Поль Сартр, Леопольд Седар Сенгор¹.

Второй этап постколониальных исследований во Франции ведет отсчет с начала XXI века. Отправной точкой называют 2006 год – дату проведения конференции, организованную Школой перспективных исследований в области социальных наук (франц. название EHES) под руководством Мари-Клод Смаутс². Дискуссия по проблемам постколониальных исследований продолжилась на страницах журналов *Hérodote*, *Labyrinthe* и *Mouvements*. В них оспаривалась сама необходимость движения научного сообщества в этом направлении, итоги дискуссий были обобщены в работах Жана-Лу Амселя³, Жана-Франсуа Баяр⁴, Ива Лакоста⁵, Нила Лазаруса⁶. Одно из объяснений французского постколониального поворота звучит так: «постколония» (определение, которое дал камерунский философ, политический теоретик и общественный деятель Ахилл Мбембе) пережила колониализм и увековечила его в обновленных формах.

М. А. Брахими и М. Идир одной из причин столь позднего появления научного направления постколониальных исследований во Франции считают прежде всего отсутствие теоретических пересечений у него с франкоязычной социологией. Можно даже сказать, что в основе взаимного непонимания и даже отрицания друг друга изначально лежал, с одной стороны, политический радикализм борцов за деколонизацию, а с другой – традиционный европоцентризм социальных наук. Однако парадигмальный раскол оказался еще глубже, чем казалось на первый взгляд. Дж. Го указывает на нерелевантность постколониальных исследований как

¹ Forcédisk S., Morphs D. (eds). *Postcolonial Through the French Speaking World. Postcolonialist Cross the Disciplines*. Liverpool University Press, 2009.

² Smouts M.-C. (dir.). *La Situation postcoloniale. Les “postcolonial studies” dans le débat français*. Paris: Presses de Sciences Po, 2007.

³ Amselle J.-L. *L’Occident décroché: enquêtes sur les carnavaux postcolonialismes*. Paris: Stock, 2008.

⁴ Bayart J.-F. *Les Postcolonial studies, un carnaval académique*. Paris: Karthala, 2010.

⁵ Lacoste Y. *La Question postcoloniale: une analyse géopolitique*. Paris: Fayard, 2010.

⁶ Lazarus N. *Penser le postcolonial: une introduction critique*. Paris: Éd. Amsterdam, 2006.

культурологического направления позитивизму социальной науки¹. «Эти основополагающие проблемы включают в себя 1) склонность к ориентализму (форма стереотипизации); 2) предрасположенность к «метроцентризму», или монолитную опору на вестернизированные контексты для теоретизирования; 3) склонность к аналитической бифуркации (т.е. раздел империи и колонии в теориях современности) и 4) склонность к подавлению разногласий и вкладов (т.е. деятельности) поработанных народов».

Н. Бансель, признавая критическое восприятие постколониальных исследований во Франции, все же выделил несколько обсуждаемых тем, находящихся в центре внимания французских авторов. С одной стороны, имеет место провозглашение «цивилизаторской миссии» Франции, с другой стороны, признается, что «приватизация универсального приводит к исключению колонизированного Другого из истории, власти. И все же следует признать, что постколониальные исследования во Франции вновь «открыли пространство взаимодействия» между бывшей метрополией и колониями² в рамках многих современных тем. О постколониальных проблемах отношений Франции и ее бывших колоний писали такие авторы, как Л. Крисман³, Ч. Форсдик, Д. Мерфи⁴. В публикациях Паскаля Бланшара, Николя Бансея, Сандрин Лемэр представлены различные аспекты постколониальной политики Франции. А. Буржо, В.Бодей, Г. Шозаль, Ф.-Ж. Фреланд, М. Раффре, Е. Клодо-Хавад, П. Бойле посвятили свои работы причинам возникновения этнических и этнополитических конфликтов в Африке.

¹ Go J. Postcolonial Thought and Social Theory // *Social Forces*. Vol. 98. Issue 4. June 2020. P. 1-3. URL: <https://doi.org/10.1093/sf/soaa004> (accessed: 02.08.2024).

² Bancel N. Que faire des postcolonial studies? Vertus et dérasons de l'accueil critique des postcolonial studies en France // *Vingtième siècle*. 2012. № 3. P. 129-147.

³ Chrisman L. Nationalism and postcolonial studies // Lazarus N. (ed). *The Cambridge Companion to Postcolonial Literary Studies*. Cambridge Companions to Literature. Cambridge University Press, 2004. P. 183-198.

⁴ Forsdick C., Murphy D. (ed.). *Postcolonial Thought in the French Speaking World*. Liverpool University Press, 2022.

⁵ Forsdick C., Murphy D. *Francophone postcolonial studies: a critical introduction*. London: Routledge, 2003.

Новыми теоретиками называют «франкоязычных писателей» африканского происхождения Альберта Мемми и Патриса Нгананга. В то время как для доминирующей постколониальной критической мысли колониализм не только не исчезает, но и постоянно изобретает себя заново в других (нео)колониальных формах, А. Мемми и П. Нгананг обновляют представление постколониальной реальности, показывая, что гегемония и подчинение больше не являются продуктом только «европоцентризма» и других «этноцентризмов», а возникают именно в результате политики идентичности, поощряющей инаковость и «различие» в сравнении с Другими. Надежды дальнейшего развития постколониальных исследований во Франции связывают с их объединением с социальной наукой в рамках новой постколониальной социальной науки. Джулиан Го в книге «Постколониальная мысль и социальная теория» призывает к «третьей волне» постколониальной мысли, «выходящей из социальной науки и преодолевающей узкие рамки дисциплинарных границ»¹.

Мохамед Амин Брахими и Мулуд Идир находят теоретическое и эпистемологическое пересечение постколониальных исследований и социальных наук в предметных областях идентичности, расизма, империализма и глобализации, универсализма. Авторы считают, что постколониальные исследования «держат нас в курсе распространенности колониального явления в культурной, академической и политической практике», «помогают лучше понять социальную реальность Юга, *несмотря* на любые европоцентристские предрассудки»². М. А. Брахими и М. Идир утверждают, что постколониальные исследования ставят под сомнение категории, используемые для ограничения подчиненного населения³.

¹ Go J. Postcolonial Thought and Social Theory // Social Forces. Vol. 98. Issue 4. June 2020. P. 1-3. URL: <https://doi.org/10.1093/sf/soaa004> (accessed: 02.08.2024).

² Brahim M. A., Idir M. Études postcoloniales et sciences sociales: pistes d'analyse pour un croisement théorique et épistémologique. Revue Interventions économiques. Papers in Political Economy. 2020. № 64. URL: <http://journals.openedition.org/interventionseconomiques/11042> (accessed: 10.08.2024).

³ Ibid.

Историк Ив Гунен, давая оценку постколониальным французским исследованиям, называет их инновационными для французского научного сообщества. Суть новаций – отказ от «линейного нарратива современности, в котором Европа всегда олицетворяет авангард по отношению к странам третьего мира»¹. Т. Стовалл считает, что в основе дебатов о постколониализме во Франции лежит дихотомия, концептуализируемая как французский универсализм (все граждане республики должны рассматриваться без учета различий, расы, религии) против англосаксонского мультикультурализма². Пьер-Филипп Фрейтюр в известной книге по проблемам культурной деколонизации «Прошедшее несовершенное время: время и африканская деколонизация 1945-1960 гг.»³, опираясь на постколониальную методологию, деконструирует сложные тексты и интертекстуальные диалоги между африканскими и французскими интеллектуалами в их стремлении разрушить колониализм и эпистемологии, которые способствовали его внедрению⁴.

Проблема идентичности в бывших колониях представляет собой одну из главных проблем, которая может связать социальные науки и постколониальные исследования, позволяющих учитывать влияние колониального феномена при построении разных категорий идентичности⁵. М. А. Фолл раскрывает свое понимание деколонизации социальных наук в Африке через деконструкцию основных теоретических моделей, понимаемую им как критическое отношение к общепринятым в мире

¹ Gounin Y. Que faire des postcolonial studies? // *Revue Internationale et stratégique*. 2008. № 3. P. 145-149.

² Stovall T. Diversity and Difference in Postcolonial France // Forsdick C., Murphy D. (eds.). *Postcolonial Thought in the French Speaking World. Postcolonialism across the Disciplines*. Liverpool University Press, 2009. P. 259-270.

³ Fraiture P. P. *Past Imperfect: Time and African Decolonization, 1945-1960*. Oxford University Press, 2021. Vol.74.

⁴ Ibid.

⁵ Brahimi M. A., Idir M. Études postcoloniales et sciences sociales: pistes d'analyse pour un croisement théorique et épistémologique // *Revue Interventions économiques. Papers in Political Economy*. 2020. № 64. URL: <http://journals.openedition.org/interventionseconomiques/11042> (accessed: 10.08.2024).

концепциям и парадигмам¹. По его мнению, большинство споров между историками, социологами, антропологами и политологами касаются преемственности и разрывов между колониализмом и постколониализмом в институтах, в социальных практиках, в ментальных структурах, культурных и воображаемых формах. «Таким образом, этот вопрос представляет собой радикальную критику, которая предлагает нам деконструировать наши структуры мышления и действий, чтобы избавить их от колониальной системы, на которой сегодня основаны расизм и дискриминация»².

Проблему постколониальной мысли Франции в африканских государствах, а также ее влияние на развитие и стабильность этих стран затрагивали также многие французские писатели и публицисты и африканские авторы, пишущие на французском языке. В этой когорте исследователей можно назвать многие известные имена: О. Афоаку, О. Укага, Б. Эшкрофт, Г. Гриффитс, Л. Крисман, Ш. М. Хардт, А. Негри, Ж.-М. Моура, И. Д. Тиам. В работе «Постколониальные интеллектуалы: новые парадигмы» предлагает «пересмотреть, деконструировать и переосмыслить категорию интеллектуала не как универсальную, индивидуалистическую и автономную, а как встроенную в коллективные дискурсивные практики и политические обязательства»³.

Деконструкция неоколониальных стереотипов является одной из самых сложных проблем для теоретического и эмпирического анализа «постколонии». Вумби Йока (Валентин Ив) Мудимбе называют «Эдвардом Саидом современной африканистики», первым постколониальным теоретиком в Африке и одним из основателей постколониальной теории в

¹ Fall M. A. Décoloniser les sciences sociales en Afrique // Journal des anthropologues. Association française des anthropologues. 2011. № 124-125. P. 313-330.

² Cohen J., Dorlin E., Nicolaïdis D., Rahal M. & Simon P. Dossier. Le tournant postcolonial à la française // Mouvements. 2007. № 51. P. 7-12. URL: <https://doi.org/10.3917/mouv.051.0007> (accessed: 15.06.2019).

³ Ponzanesi S. Postcolonial intellectuals: new paradigms // Postcolonial Studies. 2021. Vol. 24. № 4. P. 433-447.

целом¹. Свои концепции он изложил в известной работе «Изобретение Африки: гнозис, философия и порядок знания»², в которой дал описание теоретических и исторических истоков постколониализма и раскрыл причины сохранения проявлений колониализма. Идея Африки рассматривается им в рамках западных теорий постструктурализма и постмодернизма, также как у Саида рассматривается идея ориентализма. Это позволяет критикам, таким как Дж. Тембо³, Р. Гросфогель⁴, Али А. Мазруи⁵, утверждать, что это есть свидетельство сохранения западной эпистемической колониальности, а постструктуралистские теории недостаточно радикальны для проекта деколонизации. Общее в подходе Э. Саида и В. И. Мудимбе заключается в обращении к феномену Другого в западном сознании, то, что В. И. Мудимбе называет Инаковостью, описывая ее истоки и причины, показывая роль самих африканцев в ее создании.

В работе «Изобретение Африки» В. И. Мудимбе доказывает, что Идея Африки была сформирована как колонизаторами, так и африканскими интеллектуалами с использованием категорий и концептуальных систем западного колониального эпистемического порядка⁶. Он отмечает, что есть разница между африканскими знаниями, полученными на основе западных эпистемических порядков и африканскими знаниями, полученными из эпистемических порядков коренных народов Африки. В двух работах «Изобретение Африки»⁷ и «Идея Африки»¹ В. И. Мудимбе предпринимает

¹ Zeleza P.T. The Troubled Encounter between Postcolonialism and African History // Journal of the Canadian Historical Association // New Series. 2006. Vol. 17. № 2. P. 89-129. P. 99.

² Mudimbe V. Y. The Invention of Africa: Gnosis, Philosophy and the Order of Knowledge, Bloomington and Indianapolis. Indiana University Press, 1988.

³ Тембо Дж. Нужен ли африканским постколониальным теориям эпистемический деколонизальный поворот? // Постколониальные исследования. 2022. № 25 (1). С. 35-53.

⁴ Grosfoguel R. The epistemic decolonial turn: Beyond political-economy paradigms1 // Cultural Studies. 2007. № 21 (2-3). P. 211-223.

⁵ Ali A Mazrui. The Re-Invention of Africa: Edward Said, V. Y. Mudimbe and Beyond // Research in African Literatures. 2005. № 36 (3). P. 68-69.

⁶ Mudimbe V. Y. The Invention of Africa: Gnosis, Philosophy and the Order of Knowledge. Bloomington: Indiana University Press, 1988.

⁷ Ibid.

попытку деконструировать идею Африки, сформированную на основе концепций западной эпистемологии.

В. И. Мудимбе процесс деконструкции описывает посредством термина *reprendre*, означающего «перечитывание и переписывание» как идеи Африки, так и Запада. Изначально В. И. Мудимбе использовал термин *reprendre* по отношению к современному африканскому искусству, чтобы обозначить как акт возвращения к чему-то, что было прервано (буквально *reprendre*), так и оценку «инструментов», имеющихся в нашем распоряжении, но также и для обозначения третьего, промежуточного критического размышления *между* этими двумя значениями².

Г. Д. Ямб в работе «Декolonизация знаний в Африке: философская деконструкция постколониального события Мудимбе» утверждает, что деколонизация знания в творчестве В. И. Мудимбе – это философское исследование, которое разворачивается через триаду конструирования-деконструкции-реконструкции, опирающееся на три неразрывных, неразделимых и взаимозависимых вида деятельности, а именно колонизацию-деколонизацию-постколонизацию. Он видит в этом процесс диалога с другими философами «деконструкции», такими как Мишель Фуко, Жак Деррида, Теодор Адорно и Фабиан Эбусси Булага. Речь идет о «написании в процессе становления» постколониального события, которое принимает форму тематической и концептуальной цикличности, прерываемой «возобновлениями», «разрывами», «преемственностями», «разрывами» и «присвоениями», и чей телос (окончателность) представляет собой критическое и перспективное переосмысление новой философской структуры для Африки и в Африке³.

¹ Mudimbe V. Y. *The Idea of Africa*. Bloomington: Indiana University Press, 1994.

² Syrotinski M. «Reprendre: Mudimbe's Deconstructions». *Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory*. Liverpool University Press. 2007. P. 82-97. JSTOR, URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctt5vjk5s.9> (accessed: 25 Sept. 2024).

³ Yamb G. D. *Decolonizing Knowledge in Africa: Mudimbe's Philosophical Deconstruction of the Postcolonial Event // Africa Beyond Inventions: Essays in Honour of V.Y. Mudimbe*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 151-169.

Н. Лазарус в работе «Представительство и террор у В. И. Мудимбе» доказывает, что вопросы о репрезентации в постколониальных исследованиях у В. И. Мудимбе являются центральными: Кто говорит? О ком и для кого? Как, где и с какой целью? На каких языках? С помощью каких концепций и категорий? На основе какой проблематики и эпистемологических предположений? «Вообще говоря, вопрос репрезентации поднимался в трех основных темах в постколониальной науке: во-первых, относительно субалтернити и восстановления массового сознания; во-вторых, относительно критики европоцентризма и колониальной идеологии; в-третьих, (расширение и радикализация второй) относительно деконструкции «западного» ratio и его дискурсов и соответствующего производства того, что марокканский писатель Абделькебир Хатиби назвал «мыслью о различии»¹.

Прием деконструкции несет важную методологическую нагрузку в исследовании темы постколониального этносепаратизма, хотя непосредственно в большинстве случаев она не составляет предмет анализа теории постколониального дискурса. Исключение составляют некоторые сюжеты работ А. Мбембе «Рассказ Африки» и «О постколонии». А. Мбембе – один из самых известных представителей постколониальной теории, автор понятия «постколония». Именно его работы дают возможность соединить философскую мысль интеллектуалов и явления политической практики. Таким «мостиком» выступает понятие деконструкции.

«Понятие «постколония» обозначает общества, недавно вышедшие из опыта колонизации и насилия. «Это особая система знаков, особый способ изготовления симулякров или переформирования стереотипов»². А. Мбембе считает, что политическая сила постколониальной мысли заключается в ее вовлеченности в историческую социальную борьбу колонизированных обществ и в особенности в ее переосмыслении теоретической практики того,

¹ Lazarus N. Representation and Terror in V. Y. Mudimbe // Journal of African Cultural Studies. Vol. 17. № 1. 2005. P. 81-101. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/4141303> (accessed: 28 Sept. 2024).

² Mbembe A. On the Postcolony. University of California Press, 2001. P. 102.

что мы называем освободительными движениями (А. Мбембе). А. Мбембе в работе «О постколонии»¹ высказал несколько важных идей, которые позволили вписать тематику национально-освободительных движений в контекст постколониальной теории, в том числе в ее дискурсивное направление.

Во-первых, это указание на исчерпание модели «территориального государства». «Догмат о «неприкосновенности границы, унаследованные от колониализма, попираются – не в том смысле, неконтролируемых вспышек сепаратистской лихорадки, ведущих к необратимому и посредством манипулирования «коренной принадлежностью» и происхождением предков... но в том смысле, что существует давление идентичности, динамика автономии и дифференциации, различные формы этнорегионализма, миграционное давление, растущая значимость религии и ускоренное развитие наемничества»².

Мбембе критикует постколониальных теоретиков за то, что они не уделяют достаточно внимания жизненному, экзистенциальному опыту африканского субъекта и экономическим условиям, лежащим в основе различных символических и дискурсивных теорий, которые они могли бы использовать для анализа современной Африки. Он считает, что, если постколониальная теория хочет сохранить свою критическую остроту, необходимо срочно отреагировать на меняющиеся приоритеты современной геополитики, а также на сложность повседневной жизни в постколонии. Постколониальная теория много бы достигла, переосмыслив свои основополагающие вопросы³.

В постколонии А. Мбембе интересуют способы, которыми «государственная власть 1) создает посредством административных и бюрократических практик свой собственный мир значений – главный код,

¹ Mbembe A. On the Postcolony. University of California Press, 2001.

² Ibid. P. 86.

³ Syrotinski M. Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory. Liverpool UP, 2007.

который, становясь основным центральным кодом общества, в конечном итоге управляет, возможно, парадоксальным образом, логикой, лежащей в основе других значений в этом обществе; 2) попытки институционализировать этот мир смыслов как «социально-исторический мир» и сделать этот мир реальным, превратить его в часть общего смысла не только путем внедрения в умы «целевой аудитории», но путем его интеграции в сознание этого периода»¹. «Поэтому нам нужно посмотреть: как упорядочен мир значений, созданный таким образом, типы институтов, знаний, норм и практик, структурирующих этот новый 'здравый смысл'; свет, который дает использование визуальных образов и дискурса, бросает вызов природе господства и подчинения»².

А. Мбембе в книге «О постколонии» критикует дискурсы как африканцев, так и неафриканцев, которые формируются колониальными идеологиями, призывает обращаться к традициям. Конфаврё Ж. в работе «Деколониальные тревоги в постколониальном мире: интервью с Ашилле Мбембе» приводит мнение Мбембе о понятиях универсальности и универсализма, коммунализма или сепаратизма:

«Постколониальные течения говорят в пользу космополитического и гибридного мира... Все они выступали против любой формы эссенциализма. Мы не находим прославления партикуляризма, коммунализма или автохтонности ни у кого из них. Их объединяет интерес к историческому событию, которое было встречей разнородных миров – встречей, которая произошла в ходе работоторговли, колонизации, торговли, миграции и перемещений населения (включая принудительные), евангелизации, циркуляции форм и идей. Постколониальные течения подвергли сомнению то, что эта встреча, в ее многочисленных модальностях, произвела – долю переосмысления, корректировок и перекомпозиций, которые она потребовала

¹ Mbembe A. On the Postcolony. University of California Press, 2001. P. 103.

² Ibid.

от всех главных действующих лиц, игру амбивалентностей, миметизм и сопротивление, которые она сделала возможными»¹.

2.2. Трансформация постколониальных стратегий Франции («Франсафрик» – «Африк-Франс») в контексте проблем сепаратизма в Африке.

В постколониальной политике Франции в Африке в настоящее время произошла смена парадигм. Шарль де Голль известен как идейный вдохновитель неоколониальной политики Франции, которая получила название «Франс-Африк» (France-Afrique). «Изначально она конструировалась как латентный механизм осуществления французской неоколониальной стратегии»² и представляла собой комплекс неформальных связей между политическими, финансовыми, дипломатическими и военными деятелями Франции и африканских государств. Термин никогда не был закреплён в официальных документах и не признавался политической стратегией Франции. Впоследствии понятие получило негативную коннотацию и стало писаться в одно слово «Франсафрик» (Françafrique).

Аллено К. в работе «Франсафрика»: использование современного мифа во французской политической дискуссии (1994-2021 гг.)» представляет иную точку зрения: выражение Françafrique – это воинственный инструмент, придуманный президентом ассоциации «Выживание» (Survie) Франсуа-Ксавье Вершаве, чтобы заклеить эксцессы французской африканской политики³. Неправительственная Ассоциация «Выживание», объединившая более 3500 французских публицистов, историков, политологов, с целью контроля над всеми фактами и формами французского неоколониального

¹ Confavreux J. Decolonial anxieties in a postcolonial world: an interview with Achille Mbembe // *Postcolonial Studies*. 2022. Vol. 25. № 1. P. 128-135.

² Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей / отв. ред. Т.С. Денисова. М.: ИАФР РАН, 2023. С. 5.

³ Alleno K. La «Françafrique»: usages d'un mythe contemporain dans le débat politique français (1994-2021) // *Revue historique*. 2023. № 4. С. 603-631.

вмешательства в дела суверенных африканских стран и что ее члены выступают за перестройку внешней политики Франции.

После окончания холодной войны «деятельность «Франсафрик» во многом утратила системообразующий характер»¹, происходит быстрая деградация и распад военно-политической системы «Франсафрик»². Президент Э. Макрон в 2018 г. представил новую политическую стратегию «Амбисьон-Африк» (Ambition Afrique) и «Африк-Франс» (Afrique-France), главная особенность которой – «нейтральность» Франции³. В чем заключалась смена идеологической парадигмы? Основные компоненты африканской политики президента Э. Макрона⁴: опора на диаспору, молодежь, гражданское общество, применение мягкой силы, франкофония. Для объединения всех сообществ в мире, говорящих на французском языке, создано Университетское агентство Франкофонии и Международная организация Франкофонии. Африка действительно до сих пор остается самым франкоговорящим континентом, по прогнозам экспертов, эта ситуация будет сохраняться до 2060 года. В 2022 г. Э. Макрон, реализуя в африканской политике принцип «нейтральности» Франции, призвал к «диалогу со всеми» и к увеличению «каналов» этого диалога, а 28 февраля 2023 г. он представил свою африканскую программу.

Колониальные стереотипы нашли отражение в современной политике Франции во франкоязычных странах Африки. Дискурс-анализ заявлений французских лидеров показывает сохранение колониальных стереотипов или

¹ Сальников В.И. Межэтнические конфликты в странах «Франсафрик» – потестарное наследие или порождение неокOLONИализма? // Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик». Институт Европы РАН. М.: Весь мир, 2024. С. 30.

² Филиппов В.Р. Системный кризис «Франсафрик» // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 144-156.

³ Барсукова А.В. «Амбисьон-Африк» президента Макрона: возможности для нейтральности Франции в Африке // Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик». Институт Европы РАН. М.: Весь мир, 2024. С. 26.

⁴ От «Франс-Африк» до «Амбисьон-Африк»: возможности для нейтральности. 29 ноября 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-frans-afrik-do-ambison-afrik-vozmozhnosti-dlya-neytralnosti/> (дата обращения: 31.08.2024).

их неоколониальных вариантов. Президент Франции (2007-2012) Николя Саркози придерживался двойственной позиции в оценках колониального прошлого Франции. Осуждая политику Франсафрик, он в ряде речей подчеркивал положительные последствия французского колониализма в африканских странах и выражал желание иметь такое видение истории, которое французский народ мог бы праздновать, а не такое, за которое он был бы обязан раскаиваться¹. Одним из самых распространенных и прочно укоренившимся в общественном сознании является стереотип европейских стран как создателей демократии в бывших колониях².

Для данного исследования важен стереотип Франции как гаранта стабильности в постколониальной Африке. По мнению Дж. Газели³, стратегия французского военного вмешательства в дела Мали с 2013 г. по настоящее время, изложенная в Докладе Национальной ассамблеи Франции 2013 г. о военном вмешательстве в Мали, поддерживалась стереотипом о «слабости государства Мали как корня всех проблем». Французскими властями активно использовался миф о том, что стабильность политической власти в Мали может обеспечить только военно-политическая помощь Франции. Результатом стало установление зависимости Мали от своих иностранных союзников, но франко-малийские отношения стали резко ухудшаться в течение 2019-2020 годов. Власти Франции выражали обеспокоенность нарастанием кризиса, что нашло отражение в публичных комментариях президента Франции Э. Макрона в январе 2020 года: «Я вижу

¹ Forsdick C., Murphy D. Introduction: Situating Francophone Postcolonial Thought // Forsdick C., Murphy D., eds. *Postcolonial Thought in the French Speaking World. Postcolonialism across the Disciplines*. Liverpool University Press, 2009. P. 259-270.

² Chesnel R. M. De la démocratie en Françafrique. Une histoire de l'impérialisme électora. Fanny Pigeaud et Ndong Samba Sylla. Paris: La Découverte, 2024 // *Revue internationale et stratégique*. 2024. Vol. 135. № 3. P. 217-218.

³ Gazeley J. The strong "weak state": French statebuilding and military rule in Mali // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2022. Vol.16. № 3. P. 269-286. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17502977.2022.2030627#abstract>. (accessed: 02.08.2024).

оппозиционные движения, группы, которые осуждают французское присутствие как неоколониальное, империалистическое» (France 24)¹.

Интересен процесс метаморфозы стереотипа стабильности в организации практики дестабилизации внутренней обстановки в Мали, нашедший отражение в дискурсивных стратегиях Франции по поддержке этнополитического сепаратизма.

Во Франции востоковедческий колониальный дискурс традиционно был направлен на обоснование утверждения о том, что европейское доминирование способствовало глубоким преобразованиям колоний. Постколониальный публичный, научный, литературный дискурс избегает таких открытых формулировок, отдавая должное независимости и субъектности бывших колоний. Однако влияние некогда могущественной метрополии осуществляется посредством иных инструментов, таких как навязывание французского языка и культуры, то есть лингвокультурного доминирования; экономического, финансового, военно-политического доминирования под видом «помощи в строительстве демократии», в странах Сахеля – Мали, Нигере и Буркина-Фасо. Эта дискурсивная стратегия в полной мере относится и к реализации политики поддержки этнополитического сепаратизма в этих странах, прежде всего в Мали.

Франция в 1957 г. предложила проект Объединенной организации регионов Сахары (франц. название OCRS), целью которого было установление экономического и социального контроля над сахарскими районами Французской Республики (территории нынешних Алжира, Судана, Нигера, Мали, Чада)². Хотя проект «Большой Сахары» прекратил свое действие в 1963 г., однако политика Франции в пост-колониальный период

¹ Gazeley J. The strong "weak state": French statebuilding and military rule in Mali // Journal of Intervention and Statebuilding. 2022. Vol.16. № 3. P. 269-286. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17502977.2022.2030627#abstract>. (accessed: 02.08.2024).

² Loi № 57-27 du 10 janvier 1957 Creant une Organisation commune des regions Sahariennes // LegiFrance official website. 2023. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000692685> (accessed 01.03.2023).

по фактической поддержке сепаратизма во многом определяется его установками¹. Этническая группа туарегов увидела в этом проекте возможность создания собственного государства, отделения от черно-африканских этнических групп, с целью перестать быть этническим меньшинством в Нигере, Мали и еще четырех странах Сахеля². Препятствием на пути реализации этого проекта стало решение учредительной конференции Организации африканского единства (ОАЕ) в Аддис-Абебе (май 1963 г.), утвердившее принцип нерушимости границ, унаследованных от колонизации, поскольку, если бы каждая страна претендовала на части территории, это привело бы к бесконечным конфликтам и войнам.

Проект Объединенной организации регионов Сахары запустил процесс роста сепаратистских движений в этом регионе среди стран, желающих строить государства-нации³. Туареги требовали независимости от колониальной французской власти еще в 1957 г., позднее, уже в пост-колониальный период, идею отделения они пытались реализовать в ходе нескольких вооруженных восстаний. Во Франции идея создания «туарегской нации», относящейся к белой расе, появилась гораздо раньше, еще во второй половине XIX в. (автор – французский путешественник по Северной Африке Анри Дувейриер во второй половине XX в., ему принадлежит первое научное исследование племен туарегов)⁴.

На этом примере видно, что колониальная политика Франции в странах Африки одним из «побочных» последствий в пост-колониальный период имела углубление размежевания между этническими сообществами в

¹ Boilley P., Bernus E., Clauzel J., Triaud J.-L. (dir.). *Nomades et commandants: administration et sociétés nomades dans l'ancienne A.O.F.* Paris: Karthala, 1993. P. 215-239.

² CRA. *Programme cadre de la résistance*, 1994. P. 4.

³ Hamani D. *Les enjeux stratégiques du Sahara à travers l'histoire*. Communication à la Journée de Réflexion de l'ANDDH et Alternative Espaces Citoyens sur le thème «conflit au nord Niger: analyse des enjeux stratégiques et impacts sur la cadre démocratique». Niamey, 11 août 2007.

⁴ Luiz J. M. *The Impact of Ethno-Linguistic Fractionalization on Cultural Measures: Dynamics, Endogeneity and Modernization // Journal of International Business Studies*. 2015. Vol. № 46 (9). P. 1080-1098. URL: <https://doi.org/10.1057/jibs.2015.6> (accessed: 03.01.2024).

результате политизации этнических конфликтов. В африканских странах сложилось мнение, что именно власти Франции стоят за всеми восстаниями туарегов начиная с 1963 года.

Эта идея возрождалась особенно в периоды перемен и ухудшения условий жизни между 1970 и 1980 гг., период, в течение которого Франция пыталась обвинить правительство Мали в организации исчезновения туарегов. И снова у истоков событий стояла Франция. В 1990-е годы, с одной стороны, произошло разногласие между жителями южной и северной части Мали, так как стало известно, что был заключен секретный договор Франции с туарегами. Данное событие было рассмотрено Малийским государством как заговор против него с целью создания суверенной территории для туарегов.

Положительная оценка роли Франции как вдохновителя реформ демократической политической модернизации, распространения (западной) культуры и французского языка тоже имеет своих сторонников в африканских государствах и обществах. Эта двойственность в полной мере относится к проблемам стабилизации / дестабилизации политической обстановки в африканских странах и определяется собственными политическими интересами Франции в ее бывших колониях. Для того чтобы гарантировать стабильность в зоне влияния туарегов в рамках проекта OCRS, Франция обещала им самостоятельность на территории их компактного проживания. Этнические размежевания в африканских сообществах многими европейскими странами используются как инструмент политических манипуляций и могут быть рассмотрены как реализация внешнего вмешательства в дела суверенных государств.

Утверждение о вмешательстве Франции во внутреннюю политику в Мали и поддержка сепаратистских движений подтверждается рядом фактов. В Париже в связи с вооруженным выступлением туарегов против правительственной армии Мали 4 апреля 2012 г. была разрешена демонстрация в поддержку Национально-освободительного движения Азавад

(франц. сокращенное название MNLA) перед зданием французской Национальной ассамблеи. Во Франции допускалась пропаганда идей движения, события в Мали 2012-2013 гг. именовались «революцией туарегского народа», туарегов называли «народ Азавад», раздавались призывы признать отделение территории «Азавад» («Малийского Азавад»). Всемирный конгресс Амазигов (франц. полное название СМА), базирующийся со штаб-квартирой в Париже, приветствовал независимость «Азавада», провозглашенную 6 апреля руководством Национально-освободительного движения Азавад после военного переворота в Мали. Поддержка сепаратистов обусловлена реализацией экономических интересов Франции по осуществлению контроля над природными ресурсами северной части Мали, прежде всего месторождениями урана.

В течение 2012 г. «бывший французский министр иностранных дел Ален Жюппе приветствовал первые победы туарегов над Республикой, заявив, что Мали потерпела поражение от бойцов MNLA. До сих пор Франция вместе с туарегами-сепаратистами контролировала северный регион Мали»¹, в частности регион Кидаль, что позволяло туарегским сепаратистам контролировать эти территории без участия администрации и армии страны в обмен на использование полезных ископаемых. Так можно было показать малийским властям, что единственный способ гарантировать территориальную целостность Мали и обеспечить безопасность – это привлечение Франции к переговорам с туарегами»².

Одновременно Франция выступает в роли посредника в урегулировании конфликта между правительством Мали и сепаратистами. Она добивалась принятия в 2012 г. Советом Безопасности ООН резолюции по созданию Международной миссии по поддержке Мали под эгидой Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС).

¹ Boilley P. Un complot français au Sahara? Politiques françaises et représentations maliennes // Mali-France: regards sur une histoire partagée. 2005. P. 161-182.

² Shourjya D., Baudais V. Les défis de la collecte de données dans les zones de conflit: une étude de cas dans la région du Liptako-Gourma // SIPRI. 2022. № 12 (53). P. 43-45.

Двойные стандарты политики Франции в регионе Сахель открыто проявились во время «Операции Сервал» французских вооруженных сил в Мали против восставших на севере страны туарегов и исламских террористических группировок в 2013 г., начатой по просьбе официальных властей Мали и с санкции Совета Безопасности ООН. Хотя высшим политическим руководством Франции в качестве цели провозглашалось восстановление территориальной целостности Мали, на самом деле после нескольких успешных боевых операций на земле и в воздухе против туарегов и радикальных исламистов было принято решение не вести военные действия против сепаратистов-туарегов в городе Кидаль (в обмен на выдачу французских заложников). Операция «Сервал» в Мали и операция «Бархан» рассматриваются как французская военная интервенция в Сахель. В 2015 г. Франция оказала влияние на решение правительства Мали подписать Алжирские договоренности (Соглашение о мире и примирении в Мали), фактически предоставившие автономию районам проживания туарегов и арабов.

Мали пережила серьезные политические потрясения в результате государственных переворотов в августе 2020 и мае 2021 годов. В 2020 г. малийские власти открыто обвинили Францию в оказании помощи сепаратистам и террористам и расторгли с ней военное соглашение. 15 августа 2022 г. последнее подразделение французской военной миссии покинуло Мали. После того как французский вооруженный контингент был размещен в Нигере, Франция продолжала тайно поддерживать сепаратистские группировки туарегов, снабжая их оружием. В сентябре 2023 г. Мали, Буркина-Фасо и Нигер объединились в Альянс государств Сахеля (франц. полное название AES) для лучшей координации действий в сфере безопасности, устойчивого развития и дипломатии.

С 2020 г. отношения Мали и Франции значительно ухудшились. Военное соглашение между двумя государствами было расторгнуто, и каждая из сторон отозвала своего посла. Новые малийские власти обвинили

Францию в оказании помощи сепаратистам и террористам против Малийского государства.

Французские вооруженные силы были вынуждены покинуть страну 15 августа 2022 года. Фактически многие малийцы полагают, что «внезапная» политизация последнего восстания туарегов и последующая Декларация независимости Азавада были вызваны давлением со стороны Франции, стремящейся создать автономную территорию, которой она может манипулировать по своему усмотрению.

Мали направила письмо в Совет Безопасности ООН, обвинив Францию в поддержке террористических группировок. Таким образом, можно утвердить гипотезу о том, что проблема дестабилизации Малийского и других государств в Сахеле (Буркина-Фасо и Нигер) связана с экспансивной политикой западных держав, особенно Франции, для получения, сохранения и укрепления своих национальных, геополитических и геостратегических интересов в регионе.

Французская постколониальная мысль осуществляется посредством нескольких политических инструментов, а именно: доминирование и навязывание французского языка и культуры через систему франкофонии, т.е. лингвокультурное доминирование; экономическое и финансовое господство посредством создания и навязывания колониальной валюты франка африканских колоний (CFA); военно-политическое доминирование посредством различного прямого вмешательства в политические дела этих государств, организации государственных переворотов «во имя демократии», как это было в Мали, Нигере и Буркина-Фасо.

В 2013 г. в целях борьбы против террористов Франция направила свои войска в Мали. Однако на поле боя было выяснилось, что французские военные стали сотрудничать с туарегскими сепаратистами, пытаясь внушить малийским властям и международному сообществу, что туареги не являются террористами и что необходимо с ними вести переговоры. Франция также помогла другим туарегским сепаратистским лидерам, которые ранее

покинули страну, скрыться в соседних странах (Мавритания, Алжир и Буркина-Фасо), вернуться в Мали и собраться на севере страны, заняв часть территории, отданной под контроль сепаратистов и террористов.

В период с 2013 до 2023 г. военного присутствия вооруженных сил Франции и миротворческих сил ООН в Мали ситуация с безопасностью не только не улучшилась, а только ухудшилась. Терроризм распространился с севера в центр страны. Это привело к восстанию народа против избранного на тот момент президента Ибрагима Бубакара Кейты и вынудило военных совершить государственный переворот против последнего в августе 2018 года. Новый президент переходной власти, полковник Ассими Гойта стал настоящим национальным героем. Президент Гойта, вместе с другими полковниками, в том числе министр обороны Садио Камара, решили прекратить военное сотрудничество не только с Францией, но и с ООН и ЕС. Новые власти страны решили сотрудничать в военном плане с Россией. Военное сотрудничество с Россией позволило Мали вооружиться необходимой военной техникой и вернуть себе всю национальную территорию.

В соответствии с задачами диссертационного исследования был проведен опрос экспертов по проблеме «Проявления неокOLONиализма в политике Франции в отношении Мали и стран Сахеля после провозглашения ими независимости» (ПРИЛОЖЕНИЕ А). Опрос проходил с 20 декабря 2024 по 20 января 2025 года. В основном все участники являются преподавателями университетов Мали, а некоторые в настоящее время находятся в России и завершают свое обучение. Их профили весьма разнообразны. Это политологи, юристы, социологи, журналисты, экономисты и другие специалисты. Также присутствуют государственные служащие, представители СМИ и высокопоставленные лица из Мали.

Большинство опрошенных являются обладателями докторских степеней. Один из них – специальный советник президента (доктор юридических наук), губернатор региона Нйоро (кандидат политических наук,

генерал Амара Думбия), президент законодательной комиссии Национального переходного совета Мали (доктор юридических наук Сулейман Де), профессор факультета административных и политических наук Бамако Ибрагим Дама (кандидат политических наук ЮФУ), Кассоге Сегемо (кандидат экономических наук МГУ), Али Тункара, доктор социологических наук (Франция) и Умар Диалло, начальник штаба премьер-министра Чогеля Кокала Майги.

Обобщенный результат полученных ответов на поставленные вопросы можно представить следующим образом.

После обретения формальной независимости в 1960-х годах страны Сахеля, включая Мали, продолжали испытывать различные формы политического давления со стороны Франции. Доминирование Франции проявлялось в целом ряде социальных сфер: в области дипломатических и военных отношений, экономического сотрудничества, культурного взаимодействия и образовательной деятельности. Политическое вмешательство нашло выражение в навязывании определенных решений руководству страны и вмешательстве в процесс организации и проведения выборов. Французские лидеры могут проявлять неуважительное отношение к национальному патернализму.

Соглашения о сотрудничестве, подписанные между Францией и ее бывшими колониями после обретения ими свободы, способствовали формированию неоколониальной зависимости по нескольким причинам: сохранение военных обязательств, оказание влияния на политические решения суверенных стран, экономическая зависимость, подготовка национальных элит, контроль над природными ресурсами, политика *Françafrique*.

Французские военные базы, размещенные в странах Сахеля, сыграли решающую роль в поддержании отношений неоколониальной зависимости от Франции, хотя должны были лишь выступать гарантами обеспечения безопасности. Французское военное вмешательство осуществлялось в

основном под предлогом борьбы с терроризмом и сдерживания выступлений джихадистских группировок. Постоянное присутствие французских войск позволило Парижу оказывать прямое влияние на решения военных вопросов под предлогом обеспечения безопасности стран Сахеля. На самом деле они представляют собой инструмент установления зависимости и осуществления иностранного господства.

Французские военные операции «Сервал» (2013 г.) и «Бархан» (2014-2022 гг.) могут быть рассмотрены как проявление неокOLONиализма, поскольку они были направлены на защиту собственных интересов Франции в Мали уже в пост-колониальный период. Это вмешательство оказало влияние на сепаратистские движения. Роль Франции в поддержке этнополитического сепаратизма в Мали – сложная и деликатная тема, требующая детального анализа исторической, политической и социальной динамики в регионе.

Контртеррористический дискурс стал основным инструментом оправдания длительного французского военного присутствия в регионе Сахеля, особенно в Мали. Французское правительство представило это вмешательство как необходимость для защиты региональной стабильности и предотвращения распространения терроризма, который считается угрозой не только для Мали, но и для Европы. В политических дискурсах часто подчеркивается, что терроризм в Сахеле – это не изолированная проблема, а часть транснациональной сети, которая угрожает безопасности Европы. Это позволило оправдать длительное военное вмешательство под предлогом необходимости обеспечения безопасности границ и защиты французских и европейских интересов.

Такие внешнеполитические стратегии, как *France-Afrique* и *Ambition Afrique*, играют значительную роль в выстраивании отношений между Францией и Африкой. Франция часто представляет данные инициативы как взаимовыгодное партнерство. Однако эти риторические заявления не всегда соответствуют реальности. Возникает противоречие между желанием

наладить подлинное сотрудничество и стремлением сохранения Францией доминирующего положения.

Французские средства массовой информации и культурные организации играют важную роль в распространении дискурса, который можно воспринимать как благоприятный для продвижения французских интересов в странах Сахеля. СМИ способствуют формированию положительного образа Франции как партнера в сфере безопасности и экономики. Информационная политика может быть направлена как на поддержку, так и на дискредитацию политических режимов в зависимости от того, соответствуют они или не соответствуют интересам Франции.

Анализ роли таких институтов, как франкофония, требует критического подхода, помогающего установить, как институционализируются неокOLONиальные модели влияния. Франкофония и двусторонние культурные соглашения зачастую являются средствами французского неокOLONиального господства в Африке. Будучи важнейшим элементом культуры, французский язык является одной из форм культурной ассимиляции.

Сахель – регион, обладающий культурным и этническим разнообразием, и многие ученые и деятели культуры сыграли значительную роль в формировании этнической и гражданской идентичности, а также в борьбе с французским неокOLONиализмом. К ним можно причислить известных интеллектуалов и общественных деятелей: Амаду Ампате Ба, Амината Драмана Траоре, Сейду Бадиян Куяте, Джозеф Ки-Зербо, Шейх Анта Диоп, Модибо Кейта, Секу Туре, Кваме Нкрума и др.

Рост влияния других мировых игроков, таких как Россия, Китай и Турция, оказал значительное воздействие на изменение отношений между Францией и Мали. Россия предложила военное сотрудничество, что позволило Мали снизить зависимость от французской военной помощи. Китай вложил значительные средства в инфраструктуру Мали, что помогло республике укрепить экономическую самостоятельность.

Государственные перевороты в Мали в 2020 и 2021 гг. оказали существенное влияние на отношения между Мали и Францией, вызвав постепенное ухудшение двустороннего сотрудничества, особенно в сферах безопасности и развития. Перевороты также подстегнули рост националистических настроений в Мали, при этом часть населения стала выражать антифранцузские настроения. Мали в настоящее время стремится установить партнерские отношения с разными странами.

Государства Сахеля должны самостоятельно гарантировать свою безопасность и бороться за суверенное развитие, содействовать более активному участию гражданского общества и представителям местных сообществ в процессе принятия решений, чтобы гарантировать соответствие политики реальным потребностям населения. Требуется укрепление демократических институтов, обеспечивающих прозрачность принятия решений, подотчетность власти и верховенство закона.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Отличительной чертой становления постколониальных исследований во Франции является их более поздняя институционализация по сравнению с британскими исследованиями. Во Франции колониальный дискурс традиционно был направлен на провозглашение «цивилизаторской» миссии Франции, обоснование утверждения о том, что европейское доминирование оказало позитивное влияние на колонии, их экономическую модернизацию и политическую демократизацию.

Смена идеи африканской политики Шарля де Голля «Франс-Африк» (France-Afrique) на «Амбисьон-Африк» (Ambition Afrique) президента Франции Эммануэля Макрона, несмотря на провозглашенную «нейтральность», не остановила вмешательство Франции во внутреннюю политику ее бывших колоний. Отражение колониальных стереотипов в постколониальном дискурсе можно найти в стратегиях африканской внешней политики Франции в регионе Сахель.

Механизм дестабилизации поддержания этнополитического сепаратизма в Мали включает как институциональные, так и дискурсивные формы. Дискурс обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом поддерживается Францией посредством внедрения колониального стереотипа «слабости малийской государственности» и «Франция – гарант стабильности». Контртеррористический дискурс стал основным инструментом оправдания длительного французского военного присутствия в Мали. Внедрение неоколониальных стереотипов осуществляется также посредством лингвокультурного доминирования, навязывания французского языка и культуры. Политика Франции одним из последствий имела углубление расколов среди этнических сообществ в результате политизации этнических конфликтов.

2.3. Диалог как форма политического дискурса и способ урегулирования сепаратистских конфликтов в разделенных обществах: случай Мали.

Случай Республики Мали для проведения анализа был выбран по ряду оснований, позволяющих раскрыть причины и закономерности процесса политизации этнического сепаратизма пост-колониального периода и оценить стратегии постколониальных национальных элит по налаживанию межгруппового сотрудничества в разделенных обществах¹. Мали, по признанию многих исследователей, в настоящее время отличается от других африканских стран достаточно сформированными демократическими институтами. Опыт республики позволяет оценить перспективу построения консоциативной демократии, в рамках которой может быть найдена модель

¹Камера С. Постколониальный этнополитический сепаратизм в разделенных обществах (кейс Африки) // Вопросы национальных и федеративных отношений». 2024. Т. 14. № 7 (112). URL: [https:// etnopolitolog.ru/ index.php/ ru/soderzhanie-vypuskov/7-112-2024](https://etnopolitolog.ru/index.php/ru/soderzhanie-vypuskov/7-112-2024). (дата обращения: 23.12.24).

«со-общественного управления» и тем самым кардинально решена проблема этнополитических расколов и их сепаратистских проявлений.

В мире насчитывают от 4500 до 5500 этнических групп, половина из которых проживает именно в Африке. Этнический состав Республики Мали превышает 30 крупных групп, каждая из которых имеет свои обычаи, традиции, культуру и язык. От южной до центральной части страны (включая пять первых регионов: Кай, Куликоро, Сикассо, Сегу и Мопти) живут в основном этнические группы бамбара, сонинке, хасонке, маленке, догоны, сенуфо. От центра страны до севера живут фульбе, сонгаи, мавры и туареги. В течение длительного периода считалось, что этническая принадлежность является одним из основных факторов сепаратизма в Африке.

Однако рост сепаратистских движений в Африке нельзя объяснить исключительно этническим разнообразием¹. Исследования истории формирования африканских этносов показывают, что «в доколониальный период этническая принадлежность уже была проблемой межэтнического взаимодействия»², а действия колонизаторов по налаживанию управления имели следствием рост конкуренции между группами на этнической основе³. Именно европейцы в период колонизации принесли в Африку идею расового превосходства, провели разделение групп по этническому критерию, спровоцировали экономическую конкуренцию между ними⁴. Так, политика французских колонизаторов во многом способствовала этническому расколу малийского народа на южан, принадлежащих к «черной расе», и северян – туарегов, относящихся к «белой расе»⁵. Одной из главных причин быстрого

¹ Lewis J. S. What drives support for separatism? Exposure to conflict and relative ethnic size in Biafra, Nigeria // *Nations and Nationalism*. 2023. Vol. 29. №. 4. P. 1228-1252.

² Amselle J-L., M'bokolo E. Au cœur de l'ethnie: ethnies, tribalisme et État en Afrique. La Découverte. Paris, 1985. P. 9.

³ Boilley P. Un complot français au Sahara? Politiques françaises et représentations maliennes // *Mali-France: regards sur une histoire partagée*. 2005. P. 161-182.

⁴ Boilley P. Un complot français au Sahara? Politiques françaises et représentations maliennes // *Mali-France: regards sur une histoire partagée*. 2005. P. 161-182.

⁵ Chandra K. What is Ethnic Identity and Does It Matter? // *Annual Review of Political Science*. 2006. Vol. 9. P. 397-424. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170715> (accessed: 03.25.2024).

роста этнических конфликтов на Африканском континенте в пост-колониальный период становится политизация этнических расколов¹.

Рассмотрим процесс политизации этнического сепаратизма на примере борьбы туарегов, одного из самых многочисленных этносов в государстве Мали. В регионе Кидаль государства Мали, например, они составляют 85% населения. Общая численность этноса, по разным оценкам, колеблется от 2,5 до 5 млн человек, большинство из них проживает на территории Нигера и Мали. Именно туареги являются основным источником экстремизма и сепаратизма для этих государств. Основным видом деятельности туарегов является скотоводство, они представляют собой кочевой народ берберов, которые живут в Сахаре, имеющих общий алфавит тифинат и язык тамашек².

На этом примере предполагается описать механизм политизации этнического сепаратизма на основе критерия диалога как неформального института, показать его роль в преодолении конфликта.

Отличительной чертой колониального этапа развития Африки является антиколониальная борьба этносов и этнических групп, которая и определяет суть процесса политизации этнических расколов в этот период. Туареги были одними из самых активных участников антиколониальной борьбы, что объясняется рядом причин, непосредственно связанных с деятельностью колонизаторов. Кочевой образ жизни туарегов не позволял колонизаторам наладить институциональный инструмент контроля – введение колониальной администрации на северных территориях. Как следствие, для управления племенами кочевников французы использовали инструмент разжигания межэтнических противоречий, стремились к экономическому контролю, ограничивая караванную торговлю, и применяли меры военного давления. Совокупность этих факторов привела к активному сопротивлению

¹ Камара С. Постколониальный этнополитический сепаратизм: стратегии политической дестабилизации Сахеля (на материалах Туарегов и Фулани в Мали) // Журнал политических исследований. 2024. Т. 8. № 2. С. 17.

² Камара С. Особенности этнополитического сепаратизма в республике Мали и его влияние на политическую стабильность // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 4 (39). С. 314-321.

колонизаторам, вылившемуся в ряд восстаний. Туареги выступали против любого иностранного влияния, отказывались от любой формы подчинения. Французская колониальная политика была направлена на формирование образа туарегов как «вечных мятежников».

На колониальном этапе развития зарождаются идейные символы, вокруг которых будет происходить консолидация сил сопротивления колонизаторам и которые в пост-колониальную эпоху будут положены в основу политического освободительного дискурса повстанцев. В случае Мали предводители туарегов начали объединять племенные сообщества вокруг нового символа – «государство Азавад» и «народ Азавад»¹, или туарегский народ. «Азавад – это слово тамашекского происхождения, которое буквально означает «территория отгонного животноводства», или «земля отгонного животноводства».

Распад колониальной системы вывел на новый уровень проблему этнического противостояния. На этом историческом этапе появляется новая форма проявления этнических расколов – этнополитический сепаратизм. Можно выделить несколько этапов политизации этнического раскола в Мали, каждый из которых имел свои отличительные признаки, завершался восстанием и символизировал переход на более высокий уровень противостояния. Этапы эскалации сепаратистского конфликта представлены восстаниями туарегов в 1961-1964, 1990-1995, 2006-2009, 2012, 2020-2021, 2023 годах. Периоды между восстаниями показательны с точки зрения изменения стратегий участников конфликта.

Пост-колониальный этап развития африканского общества имеет свои особенности политизации этнических расколов, связанные с формированием

¹ Dans une logique identique à celle des textes du FPLA (Front populaire pour la libération de l'Azawad), la notion de peuple sert ici à réfuter le statut de minorité, même si les autres composantes sont regroupées sous la dénomination de «Communauté historique de l'Azawad».

национального государства и демократического политического режима¹. Случай Мали может служить наглядным примером процесса политической институционализации этнического раскола в связи с формированием региональных национально-освободительных движений². Политизация и институционализация этнического раскола в данном примере непосредственно связаны. Политизация раскола, безусловно, способствует эскалации конфликта, но, поскольку она выражается в формировании политических институтов, это открывает новые возможности стабилизации за счет появления организационных структур и нормативных договоренностей участников конфликта.

Стратегия институционализации этнического раскола рассматривается официальными властями как временная мера, направленная на решение проблемы стабилизации политической системы в условиях конфликта или скрытого нарастания противоречий. Это проявляется в том, что властями Мали разрешаются независимые органы управления на подконтрольных сепаратистам территориях, управляющие ими «де факто». В определенном смысле сепаратистам тоже выгодна такая стабилизация конфликтной ситуации как промежуточный результат. Политизация сепаратистских движений проявлялась и в создании организаций, координирующих борьбу повстанцев и ставящих целью обретение политической независимости в виде автономии или отделения. Диалог как вид дискурса выполняет роль неформального политического института.

Первый этап политической институционализации сепаратизма (1961-1964). Сразу после обретения Мали независимости в 1960 г. этнический раскол между населением южной и северной части страны³, сложившийся

¹ Камара С. Проблемы становления нации в африканских государствах (на примере Республики Мали) // Вопросы политологии. 2018. № 12 (40). С. 1157-1163.

² Amini A. R., Camara S., Manopov M.M., Njeebullah S. A. The development of the political system in Afghanistan: current perspective in the context of national consensus-building // Web of Science Canadian Journal of Politics and Law. 2019. Vol. 12. № 1. P. 1-10.

³ Boilley P. Les Touaregs Kel Adagh: dépendances et révoltes: du Soudan français au Mali contemporain. Karthala Editions, 1999.

еще в доколониальный период, стал углубляться. Причинами назревания конфликтной ситуации, предваряющей все восстания и отдельные вооруженные выступления, многие считают прежде всего социально-экономические. Более точным понятием, отражающим суть причин этнического раскола в Мали и зарождение проявлений сепаратизма на северных территориях государства, является понятие конфликта «культур жизнеобеспечения» разных групп населения, предложенное А. Буржо¹. «Земледельцы» в доколониальную эпоху веками сосуществовали с «воинственными кочевниками-скотоводами», однако периодическое ухудшение экономического состояния страны выливалось в открытые межэтнические конфликты².

Проявлением политизации этнического раскола на этом этапе становится формирование национально-освободительных движений. Недовольство туарегов экономическим неравенством северных и южных частей Мали, нехваткой ресурсов, игнорирование правительством их экономических и социальных проблем заставило лидеров туарегов искать политические способы консолидации. С момента обретения независимости в 1960 г. в Мали начало формироваться туарегское движение за обретение независимости от республики.

Политизация этнического раскола была связана как на этом, так и на последующих этапах также с управленческими реформами руководителей государства Мали. Так, одной из причин восстания туарегов 1962-1964 гг. стали «левацкие эксперименты» первого президента Мали Модибо Кейта (1960-1968). М. Кейта был приверженцем идеологий и panaфриканизма, и марксизма. Опираясь на идеи Л. Сенгора, вместе с Кваме Нкрума и Секу Туре, идеологами антиколониализма, создавал Союз западноафриканских

¹ Bourgeot A. Les sociétés touarigues. Nomadisme, identité, résistance. Paris: Karthala, 1995. P. 140, 149.

² Камара С. Терроризм и межэтнические конфликты в центре Мали как последствия туарегского сепаратизма // PolitBook – Цифровизация политического пространства. 2019. № 4. С. 149-161.

государств. В то же время, руководствуясь марксистскими идеями, проводил огосударствление экономики страны, планировал обобществление стад и земель туарегов и ликвидацию феодальной эксплуатации. Социалистические преобразования разрушали традиционные отношения кочевых племен. Диалог на этом этапе между конфликтующими сторонами отсутствует.

Второй этап политической институционализации сепаратизма (1990-1995). На этом этапе основным политическим фактором становится фактор демократизации политического режима Мали. Во время правления Мусы Траоре, второго президента Мали (1968-1991), социально-экономическое положение в стране еще более ухудшилось. Политические преобразования, направленные на превращение кочевников в земледельцев, усугублялись засухой 1968-1974 гг., разрушали традиционный образ жизни туарегов. В Мали вооруженное восстание 1990 г. началось с нападения на здание правительства в Гао. Институционализировать отношения между конфликтующими сторонами могло бы соглашение, подписанное 6 января 1991 г. в городе Таманрассет. Нормативно фиксировалась возможность занимать ответственные посты в государстве туарегами, признавалась их культурная автономия и необходимость сохранения традиций, выделялись дотации на развитие северных территорий¹.

Однако Таманрассетское соглашение не смогло наладить постоянный диалог между туарегами и правительством Мали. Амаду Тумани Туре, осуществивший военный переворот и свергнувший М. Траоре в марте 1991 г., не поддержал идеи соглашения. Надежды на продолжение работы над Таманрассетским соглашением были связаны с работой специальной комиссии, созданной в рамках Национальной конференции, собранной в августе 1991 г. для обсуждения текста новой конституции страны. Однако конфликт это не остановило. Вместе с этим появились надежды на

¹ Bernus E. Etre Touareg // *Politique Africaine: La Revue*. Karthala Publishing Press, 1992. Janvier. URL: <http://www.politique-africaine.com/numeros/pdf/047023.pdf> (accessed: 10.02.2018).

демократическую перспективу решения туарегского вопроса и налаживание диалога с сепаратистами. Расчет делался как на институциональные формы, так и использование возможностей неформальных институтов. Результатом переговоров стало принятие Национального пакта на конференции, которая состоялась с 29 июля по 12 августа 1991 года.

Политика руководителей Мали на этом этапе была направлена на обеспечение налаживания диалога. Амаду Тумани Туре при посредничестве Алжира организовал переговорный процесс на постоянной основе с ноября 1991 г., позволивший сблизить позиции сторон. В состав участников включались представители не только правительства и сепаратистских движений, но и организаций гражданского общества. Вооруженные силы сепаратистов консолидировались в Объединение движений и фронтов Азавада (MFUA – United Movements and Fronts of Azawad), давшее согласие на сохранение целостности Республики Мали. Переговоры шли регулярно с декабря 1991 по март 1992 года.

11 апреля 1992 г. в Бамако был подписан Национальный пакт между Объединением движений и фронтов Азавада (MFUA) и правительством Мали¹. В документе в статье 7 было официально упомянуто название движения – «Азавад», под которым подразумевался ряд районов севера Мали. Населению давалось право иметь свои местные, региональные и межрегиональные выборные органы. Повстанческое движение раскололось еще до переговоров на Народное движение Азавада (фр. MPA) и Народный фронт освобождения Азавада (фр. FPLA).

Обобщая итоги диалога, можно утверждать, что институционализация раскола проводилась по нескольким основаниям. Главное достижение заключалось в обещании реформ децентрализации – предоставления северным территориям особого статуса (но не автономии). Предполагалось создание местных и региональных советов с наделением их реальными

¹ Baque Ph. Nouvel enlèvement des espoirs de paix dans le conflit touareg au Mali // Le Monde Diplomatique. 1995. Avril. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/1995/04/BAQUE/1370> (accessed: 10.02.2018).

властными полномочиями, включение вооруженных формирований туарегов в малийскую армию, финансирование развития северных территорий, а также установление контроля за реализацией положений договора¹. Признаки демократизации процесса диалога проявлялись в том, что к переговорам привлекались представители неправительственных организаций гражданского общества. Альфа Умар Конаре, избранный в апреле 1992 г. президентом Мали, не предоставил туарегам доступа к управлению страной, однако начал выплачивать дотации, создал автономный регион Кидаль и обеспечил интеграцию туарегов в малийское общество.

Главной причиной возобновления сепаратистских выступлений туарегов стали, как и в каждом последующем случае, претензии к выполнению в полном объеме достигнутых путем диалога соглашений, таких как Национальный пакт². А. У. Конаре пришлось продолжить диалог в условиях, когда власти Мали практически не контролировали северные территории. В ноябре 1994 г. он не просто возобновил контакты с лидерами туарегов, а объявил о временном прекращении военных действий и отдал распоряжение региональным властям о привлечении к переговорному процессу для принятия стратегических решений представителей организаций гражданского общества и племенных сообществ.

В частности, решать проблемы мирного урегулирования пытались главы сельских общин кочевых племен. В 1994 г. было проведено несколько неформальных встреч лидеров оседлого и кочевого населения, попытавшихся наладить межплеменные отношения. Нарождающееся гражданское общество показало высокую степень ответственности и активно включилось в процесс урегулирования конфликта. Проводились также неофициальные встречи, создавались инициативные группы, налаживалось

¹ Камара С. Этнополитическая регионалистика: национальная автономия и сепаратизм // Наука сегодня. 2018. Коллективная монография. Вып. 11. С. 84-93.

² Интервью с Абдулахи Аттайубом, президентом туарегской ассоциации «Темуст», созданной во Франции в 1991 г. URL: <http://www.afrik.com/article12377.html> (дата обращения: 31.08.2007).

прямое взаимодействие между общинами, начался добровольный роспуск военизированных организаций. Итогом общих усилий стало подписание в 1995 г. мирного соглашения.

Демократическую перспективу борьбы за свои права постепенно осознают и лидеры сепаратистов. Свидетельством тому является создание полевыми командирами нескольких вооруженных группировок туарегов в Мали Альянса за демократию и изменения (АДИ). Ибрагим Аг Баханги, Хассан Фагага, Ияд Аг Гали выдвинули требования широкой автономии для туарегов и федерализации. Символом общенационального примирения стал «костер мира» в Тимбукту 27 марта 1996 г., где были уничтожены тысячи единиц оружия, собранного в ходе разоружения повстанцев. Мероприятие было организовано по инициативе А. У. Конаре при поддержке Народного фронта освобождения Азавада и ООН.

Третий этап политической институционализации сепаратизма (2006-2009). На этом этапе усиливается влияние религиозного фактора. Туарегский сепаратистский конфликт по сути не является этноконфессиональным, но на его политизацию религиозный фактор всегда оказывал очень сильное влияние, приводил к обострению конфликтной ситуации. 6 мая 2006 г. начался очередной туарегский конфликт¹, восстание возглавляли четыре лидера: Ияд Аг Гали, Амада Аг Биби, Ибрагим Аг Баханга и Хассан Фагага. Они захватили военную базу туарегского города Кидаля под уже традиционным лозунгом против маргинализации «туарегского народа» и отсталости севера Мали в сравнении с южными регионами. Диалог между конфликтующими сторонами вновь практически был приостановлен. Требования касались реализации в полном объеме ранее уже достигнутых мирных соглашений.

Четвертый этап политической институционализации сепаратизма (2012). На данном этапе политизация проявлялась в дальнейшей

¹ Tamboura A. Le conflit touareg et ses enjeux géopolitiques au Mali, Géopolitique d'une rébellion armée. Paris: L'Harmattan, 2016. P. 127-128.

институционализации национально-освободительного движения туарегов¹ и требования национального государства «Азавад». 16 октября 2011 г. после многих встреч и согласований между двумя туарегскими группами было создано Национальное движение за освобождение Азавада НДООА (фр.: MNLA. National Movement for the Liberation of Azawad) на основе слияния Национального движения Азавад (MNA) и Движения туарегов северного Мали (MTNM)². В Мали Национальное движение за освобождение Азавада приобрело известность после расправы над солдатами в лагере Агельхок в регионе Кидаль в январе 2012 года.

Радикализация деятельности организации нашла выражение в выдвижении требований независимости Азавада, провозглашенных Национальным движением за освобождение Азавада в 2012 г., ранее требование касалось только автономии района Кидаль³. 17 января 2012 г. повстанцы-туареги начали наступление на вооруженные силы Мали в Менаке и регионе Кидаль, к концу февраля под их контролем уже находилась вся северная часть страны и значительная часть центральных районов. Это было не просто возрождение скрытого конфликта, а новая форма претензий на власть⁴ с требованиями независимости от Мали. Вооруженное восстание Национального движения за освобождение Азавада распространилось на все северные регионы Мали вплоть до Дуэнцы.

Политические стратегии сепаратистов строились на дискурсах суверенитета, независимости, призывах «вывести народ Азавада из незаконной оккупации ее территории государством Мали, поскольку оно

¹ Медведев Н.П., Камара С. Проблема сепаратистских тенденций в Африке: Национально-Освободительное Движение АЗАВАДА (МНЛА) в Мали // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 1 (23). С. 17-24.

² Pour une présentation plus approfondie du MNLA: Dufour J. Mouvement national de libération de l'Azawad – Fiche documentaire. Note d'Analyse du GRIP. 2012. 22 mai. Bruxelles. URL: <http://www.grip.org/fr/node/92> (accessed: 13.06.2019)

³ Медведев Н.П., Камара С. Проблемы этносепаратизма в Африке: национально-освободительное движение Азавада (МНЛА) в Мали // Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение. 2019. С. 91-99.

⁴ Филиппов В.Р. Азавад – самопровозглашенное государство туарегов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 214-227.

является главным актором опасности в регионе на протяжении десятилетий»¹. Сепаратисты претендовали на 65% территории Мали.

На фоне успехов туарегов 21 марта 2012 г. капитан Амаду Саного объявил о захвате власти в Мали. В результате государственного переворота демократически избранный президент был свергнут, и в Мали начался острый политический кризис. Поводом послужило наступление туарегов, которые уже угрожали Бамако², а армия Мали отступала под давлением НДОО. После эвакуации малийских властей из Тимбукту, Кидаля и Гао генеральный секретарь НДОО Билал Аг Ашериф провозгласил в пятницу 6 апреля 2012 г. независимость Азавада в городе Аския, пользуясь политической нестабильностью в стране, НДОО захватывает весь север страны.

Дискурсивная легитимация сепаратизма в общественном сознании является одной из распространенных стратегий политической борьбы в случае отсутствия институционализированных форм диалога. Данные дискурсивные стратегии используются как для дестабилизации ситуации, так и для достижения относительной стабильности в условиях отсутствия переговорного процесса. Для реализации политической цели отделения от Мали, когда сепаратистам необходимо было мобилизовать все силы, стратегия сплочения сторонников строилась на основе дискурса «Единство – справедливость – свобода». Проблема заключалась в том, что «Азавад» был населен множеством общин с разными традициями, требованиями и образом жизни. Арабы, фулани, сонгай, светлокожие туареги, черные туареги – не все они разделяют видение независимости «Азавада». Следует отметить, что движение НДОО является светским.

Под председательством Билала Аг Ашерифа движение НДОО в июне 2012 г. создало «Переходный комитет государства Азавад» (СТЕА),

¹ Commission Électorale Nationale Indépendante du Mali (CENI). URL: <https://www.ceni-mali.org/> (accessed: 15.06.2019).

² Кусов В.Г. Правители Африки. XXI век. Ибрагим Бубакар Кейта. URL: https://africanrulers.ru/main/biographies/mali_keita (дата обращения: 03.02.2020).

состоящий из 28 членов. Международное сообщество категорически осудило провозглашение независимого государства сепаратистами. В ходе переговоров в декабре 2012 г. правительства Д. Траоре и руководителей Национального движения за освобождение Азавада было достигнуто соглашение о сохранении национального единства и территориальной целостности Мали. В июне 2013 г. подписано мирное соглашение о прекращении вооруженных действий. Оно предусматривало контроль повстанцами занятых ими земель и некоторую автономию в управлении на этих территориях.

Ибрагим Бубакар Кейта не торопился решать проблемы наиболее пострадавших от террористов жителей северной части Мали. Целый ряд стран предлагал посреднические услуги в преодолении конфликта, наиболее активными среди них были Алжир, Франция, Россия¹. В марте 2014 г. в ходе встречи заместителя Министра иностранных дел России М.Л. Богданова и Генерального секретаря Национального движения за освобождения Азавада Билала Аг Ашерифа была озвучена официальная позиция российского руководства по ситуации в Мали. Предлагалось проведение «инклюзивного внутривластного диалога» на основе положений Уагадугского соглашения от 18 июня 2013 года², включающего представителей всех этноконфессиональных групп.

Переговорный процесс с представителями северных территорий так и не был налажен, отсутствовали даже неформальные контакты с лидерами туарегов. В конечном итоге перемирие с туарегами было нарушено и конфликт разгорелся снова. Результатом стала радикализация туарегов-

¹ Камара С. Политика России по противодействию этнополитическому сепаратизму в Африке (на примере Мали) // Российская политика в условиях современной международно-политической напряженности: институты, тенденции, трансформации. Всероссийская научно-практическая конференция Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки ко Дню политолога в Донецком государственном университете. Донецк 12 сентября 2024.

² О встрече спецпредставителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку, заместителя Министра иностранных дел России М.Л. Богданова с Генеральным секретарем «Национального движения за освобождение Азавада» Билалем Аг Ашерифом. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1699265/ (accessed: 15.06.2024).

исламистов под эгидой группировки «Ансар ад-Дин» (филиал «Аль-Каиды в исламском Магрибе»). Ибрагим Бубакар Кейта категорически отказывался вести переговоры с туарегами: «никакой независимости, никакой автономии, но высокая степень децентрализации и регионализации»¹. Однако администрации И. Кейта все же пришлось заняться политическими переговорами в январе 2015 г., необходимыми для прекращения вооруженного противостояния.

Институционализация диалога начинается с подписания в мае 2015 года Алжирских соглашений, или Соглашений о мире и примирении в Мали, между правительством Республики Мали и лидерами сепаратистов в столице страны (Бамако)². Название Алжирских они получили после проведения подготовительного этапа переговоров в Алжире между руководителями Мали и Координационного движения Азавада (СМА). В процессе подписания в этот раз не принимали участия представители гражданского общества Мали, а были только представители президента Ибрахима Бубакара Кейта, алжирские власти и лидеры сепаратистского движения. В качестве посредников привлекались власти Алжира и Буркина-Фасо, Нигера, Мавритании, Чада, но не было попыток привлечь к решению этих сложных проблем гражданское общество и народных избранников (депутатов).

Статья 60 Соглашений нормативно закрепляла следующие положения: «Создание автономных и децентрализованных государственных служб на севере; Быстрое принятие конституционных, законодательных и нормативных текстов для обеспечения реализации положений Соглашения; Передача территориальным сообществам ресурсов, необходимых для их эффективного функционирования и осуществления своих полномочий; Меры по обеспечению местной собственности на новые демократические механизмы, согласованные в Соглашении, включая обновление

¹ Кусов В.Г. Правители Африки. XXI век. Ибрагим Бубакар Кейта. URL: https://africanrulers.ru/main/biographies/mali_keita/ (дата обращения: 03.02.2020).

² Филиппов В.Р. Туареги Мали: долгий путь к миру // Азия и Африка сегодня. 2012. № 7. С. 42-48.

избирательных списков, поощрение регистрации и голосования на местных выборах и поддержку создания новых институтов и процедур»¹.

Статья 5 содержала условия урегулирования конфликта и достижения субрегиональной стабильности. «Социально-политический аспект циклических кризисов на севере Мали должен быть рассмотрен на политическом уровне. В этой связи в промежуточный период должна состояться конференция по национальному примирению, чтобы предоставить возможность различным слоям малийской нации подробно обсудить глубинные причины конфликта. Обсуждаемые вопросы должны включать вопрос об Азаваде. Хартия мира, единства и национального примирения должна быть разработана на основе консенсуса в целях рассмотрения аспектов кризиса в Мали, связанных с коллективной памятью, идентичностью и историей, и укрепить ее национальное единство и территориальную целостность»².

В данной статье определялась «номинация» термина «Азавад». «Термин «Азавад» относится к социокультурной и символической реальности и коллективной памяти различных групп на севере Мали, которые являются частью национального сообщества. Общее понимание этого термина, которое также отражает человеческую реальность, должно сформировать основу необходимого консенсуса при полном уважении унитарного характера и территориальной целостности государства Мали»³.

Поскольку все политические стратегии сепаратистов строились на дискурсе независимости «Азавад», это имело важное значение для пропаганды независимого государства. Поправки в действующую конституцию должны были закрепить некоторые положения мирного соглашения 2015 года, но это вызвало сопротивление со стороны общества.

¹ Agreement for Peace and reconciliation in Mali Resulting from the Algiers Process. PA-X. Peace Agreement Access Tool (Translation © University of Edinburgh) URL: https://www.un.org/en/pdfs/EN-ML_150620_Accord-pour-la-paix-et-la-reconciliation-au-Mali_Issu-du-Processus-d'Alger.pdf. (accessed: 02.08.2024).

² Ibid.

³ Ibid.

Показательно, что наибольшее возмущение у малийцев вызывало признание права северных территорий называться общим туарегским именем «Азавад», это воспринималось как символ победы сепаратистов. В августе 2017 г. И. Кейта объявил об отказе от обсуждения проекта Конституции, признав, что проект реформы конституции расколол общество.

С 2015 г. количество террористических атак в Буркина-Фасо, Мали и Нигере росло из года в год¹. С 2016 г. на территории Мали сформировался новый тип межобщинных конфликтов, связанный с терроризмом, и важную роль в этом сыграли этнические ассоциации². В центральной части Мали активность проявляли ополченцы общин догонов и фулани. Вооруженные силы под командованием Теодора Сомборо начали изгнание целых общин фулани, что привело к гуманитарному кризису. Против фулани было введено эмбарго, запрещающее им доступ к рынкам или въезд в населенные пункты догонов. Ассоциации жертв фулани называют это «этнической чисткой», многие фулани, жившие в восточной половине региона Мопти, бежали из-за давления со стороны вооруженных групп³.

Для предотвращения радикализации группового сознания имеют значение и неинституционализированные формы взаимодействия государства и некоторых сообществ, восполняющие дефицит доверия к власти в условиях этнополитических конфликтов. К таким сообществам можно отнести этнические ополчения и «группы самообороны» в Мали, Нигере и Буркина-Фасо, увеличивающиеся численно в связи с ростом

¹ Buchanan-Clarke S., Nkomo S. Violent Extremism in Africa: Citizen Perspectives from the Sahel Epicenter and Periphery. Afrobarometer Dispatch Policy Paper 74. 7 Jul 2021. URL: <https://www.afrobarometer.org/publication/pp74-violent-extremism-africa-citizen-perspectives-sahel-epicenter-and-periphery/>

² Камара С. Взаимосвязь между этничностью, сепаратистским настроением и терроризмом в странах Сахеля: на примере Республики Мали // Вопросы политологии. 2019. Вып. 11. № 51. Т. 9. С. 2473-2479.

³ Камара С. Постколониальный этнополитический сепаратизм: стратегии политической дестабилизации Сахеля (на материалах Туарегов и Фулани в Мали) // Журнал политических исследований. 2024. Т. 8. № 2. С. 16-26.

сепаратистских движений¹. Созданные для защиты от насилия со стороны экстремистов, они, постепенно вооружаясь, сами стали источником вооруженных конфликтов и применения насилия.

Стокгольмский международный институт исследования проблем мира утверждает, что в центре Мали в трех регионах, которые являются ядром терроризма в стране, появились группы самообороны. В данных регионах они обеспечивают безопасность мирных граждан. Криминальные, религиозные и террористические организации практически заменили государство. Из-за отсутствия государства в этих частях страны эти группировки привлекают членов этнических и религиозных общин, которые сталкиваются с бедностью, безработицей, отсутствием продовольственной безопасности и физическими нападениями².

Пятый этап политической институционализации сепаратизма (2020-2021). Незавершенность диалога по разрешению принципиальных противоречий между сепаратистами и властями Мали привело к постепенному нарастанию нового конфликта в период с 2013 по 2019 год. 16 сентября 2019 г. премьер-министр Мали Бубу Сиссе объявил о возобновлении национального диалога по поводу новых институциональных и политических реформ и закона о национальном согласии³. Оппозиция бойкотировала эту попытку власти наладить диалог с гражданским обществом и выработать условия национального консенсуса. В составе правительства Мали, сформированного 5 мая 2019 г., была предусмотрена должность министра общественного диалога⁴.

¹ De Villepin X. la politique française en Afrique à l'aube du nouveau siècle // La revue internationale et stratégique. 2002. № 2. P. 11.

² Niang A. Le Boom des saisons dans l'espace sahélo-saharien, Proto-révolution, désintégrations et reconfigurations sociopolitiques // Afrique contemporaine. 2013. № 1 (245). P. 9.

³ European civil protection and humanitarian aid operations: Mali, European Commission. 2019. URL: https://ec.europa.eu/echo/where/africa/mali_en (accessed: 28.02.2024).

⁴ European Union. URL: https://european-union.europa.eu/index_en (accessed: 28.02.2024).

Лидеры НДООА между тем выдвигают новое требование создания государства федерального типа, которое объединило бы Азавад (Тимбукту, Кидаль и Гао) и южное государство, состоящее из других регионов Мали. Федерализм понимается как «территориально-политическое устройство суверенного государства, в котором территориальные образования имеют большую степень автономии и организацию, которая уважает принцип разделения властей на федеральном уровне»¹.

В августе 2020 г. на военной базе Кати начался мятеж, И. Кейта был арестован и 19 августа публично в телевизионном эфире заявил о своей отставке. 28 мая 2021 г. Конституционный суд Мали объявил полковника Ассими Гоиту временным президентом страны «до завершения переходных процессов». Ассими Гоита полностью отказался от помощи Франции, потребовал вывода из страны миротворческих подразделений MINUSMA². Как следствие север страны оказался полностью под контролем различных террористических групп, в том числе исламистских.

Шестой этап политической институционализации сепаратизма (2023). Высший, конституционный, этап открывает перспективы институционализации модели консоциативной демократии в Мали. В июне 2023 г. в Мали состоялся референдум по вопросу принятия Конституции. Появилась возможность реализовать модель со-общественного управления, институционально закрепив права различных социальных групп в доступе к власти. Этнические группы в Мали в настоящее время представлены следующим образом: бамбара 33,3%, фулани (пеуль) 13,3%, сараколе/сонинке/марка 9,8%, сенуфо/манианка 9,6 %, малинке 8,8%, догоны 8,7%, сонраи 5,9%, бобо 2,1%, туареги/белла 1,7%, другие малийцы 6%, из

¹ Камара С. Государственное устройство и политическая стабильность в Африке // Евразийский Союз: Вопросы международных отношений. 2018. Вып. 3. № 25. С. 30.

² Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017-2022 гг.). М.: Институт Африки РАН, 2023. С. 57-58.

стран – членов Экономического сообщества Западной Африки 0,4%, другие 0,3% (оценка 2018 г.)¹

Конституция Мали 2023 года² разрабатывалась в рамках политических реформ, инициированных переходным правительством после военных переворотов 2020 и 2021 годов. Процесс подготовки включал работу Конституционной комиссии, в состав которой вошли представители гражданского общества и туарегских общин и всенародное обсуждение Проекта Конституции, в том числе на онлайн-платформах. Текст Конституции был утвержден на всенародном референдуме, состоявшемся 18 июня 2023 года. Результаты голосования по основному вопросу одобрения новой Конституции были следующими: «За» – 96,91% (5 313 532 голоса), «Против» – 3,09% (169 348 голосов). Явка составила 38,23% (из 8 463 084 зарегистрированных избирателей). Голосование прошло в условиях вооруженного конфликта и политической нестабильности, а в ряде северных и центральных регионов из-за проблем с безопасностью голосование не проводилось³.

Анализ Конституции Мали 2023⁴ года с точки зрения учета интересов туарегов, включения их в политическую систему Мали позволяет сделать следующие выводы. Конституция Мали 2023 года направлена на укрепление национального единства и создание инклюзивного управления. В ее преамбуле отмечено, что суверенный народ Мали богат своим культурным, языковым и религиозным разнообразием; гордится своей тысячелетней историей и своими предками, является наследником великих империй и

¹ Mali: Africa. URL: https://factbook.github.io/ml#Ethnic_groups

² Constitution de la République du Mali du 22 juillet 2023. (Официальный сайт президентства Мали). URL: <https://koulouba.ml/la-presidence/histoire-symboles/les-textes-fondateurs/constitution-version-actuelle/> (accessed: 28.02.2024).

³ Commission Électorale Nationale Indépendante du Mali (CENI). URL: <https://www.ceni-mali.org/> (accessed: 15.06.2019).

⁴ Constitution de la République du Mali du 22 juillet 2023. (Официальный сайт президентства Мали). URL: <https://koulouba.ml/la-presidence/histoire-symboles/les-textes-fondateurs/constitution-version-actuelle/> (accessed: 28.02.2024).

королевств, построенных на эндогенных социокультурных ценностях, которые должны вдохновлять нынешнее и будущие поколения.

Однако критический анализ этого текста с точки зрения интересов туарегов, представляющих значительную часть населения на севере страны, позволяет понять, в какой степени он отвечает их чаяниям и вызовам, политической инклюзии. Обобщенно это можно соотнести со следующими принципами Конституции: признание культурного и идентичного разнообразия; децентрализация и местная автономия; политическое участие; включение условий Алжирских соглашений 2015 года; равный доступ к ресурсам.

1. Признание культурного и идентичного разнообразия. Конституция подчеркивает культурное и этническое разнообразие Мали, которое имеет важное значение для многосоставного общества. Первая статья говорит о том, что «все малийцы рождаются и остаются свободными и равными в правах и обязанностях. Любая дискриминация по признаку социального происхождения, региона, цвета кожи, языка, расы, этнической принадлежности, пола, религии или политических убеждений запрещена». Однако символического признания недостаточно, если оно не сопровождается конкретными мерами, гарантирующими эффективное участие таких групп, как туареги, в органах принятия решений. Хотя власти страны признают этноконфессиональное разнообразие и это можно рассматривать как шаг к большей инклюзивности, однако конкретные механизмы воплощения этого признания в действия (например, посредством введения квот в учреждениях или защиты местных языков и обычаев) не предложены. Статус французского языка был понижен с официального до рабочего, одновременно предоставляя статус официального языка 13 национальным языкам, включая бамбара, фула и сонгай.

2. Децентрализация и местная автономия. Одним из главных вопросов для туарегов всегда было управление территориями северного Мали. Децентрализация является важнейшим средством удовлетворения этих

стремлений и повышения местной автономии. Новая Конституция предусматривает децентрализацию политической системы, которая теоретически могла бы позволить северным общинам самостоятельно управлять своими делами. Однако степень этой децентрализации остается неясной. Туареги давно требуют большей автономии и конкретных гарантий ее реализации для северных регионов. Статья 41 новой конституции подтверждает, что «государство осуществляет свой суверенитет на всей территории страны. Государство не может уступить какую-либо часть национальной территории или отказаться от каких-либо суверенных прав, которые оно осуществляет над ней. Любое посягательство на целостность национальной территории является преступлением против государственной безопасности».

3. Политическое участие. Политическое представительство имеет решающее значение для обеспечения права голоса туарегов в национальных институтах. Конституция 2023 года поощряет участие всех социальных слоев в общественной жизни. Однако не существует конкретных положений, обеспечивающих пропорциональное или зарезервированное представительство туарегов в основных институтах, что могло бы ограничить их политическое влияние на принятие национальных решений.

4. Ссылки на Алжирские соглашения. Алжирские соглашения 2015 года, гарантирующие мир и обеспечивающие примирение, предусматривали автономию северных регионов и включение вооруженных группировок туарегов в политическую систему. Конституция 2023 года ссылается на международные обязательства, которые могут включать Алжирские соглашения, но она не подтверждает и не конкретизирует положения Алжирских соглашений, что можно рассматривать как шаг назад от этих предыдущих обязательств.

5. Равный доступ к ресурсам. Туареги часто жалуются на экономическую маргинализацию и отсутствие инвестиций в развитие своих регионов. Решает ли Конституция эту проблему? В тексте предлагается более

эффективное перераспределение национального богатства. Точные механизмы обеспечения справедливого доступа к природным ресурсам (особенно в богатых полезными ископаемыми районах севера) недостаточно детализированы. Однако 42 статья Конституции говорит о том, что «государство имеет суверенные права на богатства и природные ресурсы, расположенные на его территории. Эксплуатация этих природных богатств и ресурсов должна осуществляться с соблюдением правил охраны окружающей среды и в интересах нынешнего и будущих поколений»¹.

Закономерным результатом отсутствия в Конституции 2023 года даже умеренных уступок сепаратистам в части нормативного закрепления Алжирских соглашений 2015 года стало причиной возобновления в сентябре 2023 года их вооруженных выступлений против правительства Мали. Координацию действий возглавил «Фронт освобождения Азавада» (ФОА), созданный в декабре того же года с целью восстановить контроль над северными территориями. 25 января 2024 года в ходе начавшегося конфликта и после вывода миротворцев МИНУСМА Алжирские соглашения были расторгнуты правительством Мали.

Таким образом, можно выделить как негативную тенденцию, проявляющуюся в организационном оформлении сепаратистских организаций, так и положительную тенденцию, выражающуюся в институционализации взаимодействия этносов и их политических структур по мере формирования демократических режимов в постколониальных государствах.

На основе проведенного анализа постколониального этнополитического сепаратизма на примере Мали можно сформулировать некоторые общие особенности в африканских странах. Основной характерной чертой является включенность постколониального этнополитического сепаратизма в процесс формирования национальных

¹ Constitution de la République du Mali du 22 juillet 2023. (Официальный сайт президентства Мали). URL: <https://koulouba.ml/la-presidence/histoire-symboles/les-textes-fondateurs/constitution-version-actuelle/> (accessed: 28.02.2024).

государств и становления демократического режима. Активное внедрение западных моделей демократии в политическую жизнь традиционного африканского общества, неготовность принять демократию и как идеал, и как форму управления зачастую порождает гибридные режимы. На этот же период приходится постепенный рост этнополитических конфликтов на Африканском континенте. Внутренние причины коренятся в бедности, социальном расслоении, высоком уровне безработицы, коррупции и остроте этнических противоречий¹.

Основным фактором, повлиявшим на возникновение глубоких этнических расколов в африканских странах, является особый способ демаркации государственных границ. Войны за спорные территории с момента освобождения от колониализма становятся следствием непризнания справедливости разграничения территории бывших колоний, только 26% границ проведены по естественным рубежам, отчасти совпадающим с этническими. До сих пор сохраняется влияние эпохи колонизации в Африке, когда «не обязательно было соответствие между властью и пространством»². В результате множество этнических групп оказались разделенными на два и более государств, что затрудняет строительство наций и формирование национальной идентичности, но создает благоприятную почву для сепаратизма. Еще одним последствием колониализма является антиколониальная борьба с использованием национальной риторики³.

Требование экстерриториальности, определяющая характер и цели сепаратистов, во многом объясняется существованием кочевого населения. Свидетельством тому являются восстания туарегов в Нигере и Мали, конфликты в восточном Чаде и Дарфуре. Д.М. Бондаренко считает

¹ Медведев Н.П., Камара С. Проблема сепаратистских тенденций в Африке: Национально-Освободительное Движение АЗАВАДА (МНЛА) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 1 (23). С. 17-24.

² Sindjoun L. Sociologie des relations internationales africaines. Paris: Karthala, 2002. P. 57-58.

³ Robinson A. National versus Ethnic Identity in Africa: State, Group, and Individual Level Correlates of National Identification // Afrobarometer. Paper 112. 2009. 1.09. P. 9.

ирредентизм таким же явлением этнонационализма, как и сепаратизм. «В Африке это проявление этнонационализма представлено прежде всего политическим движением туарегов, ставящим цель создать собственное государство этого народа, не отделив населенные им земли от одного государства, а объединив в нем части территорий нескольких стран, прежде всего – Мали и Нигер»¹. Этнонационализм не обязательно связан с признанным государством, а может принимать форму суб- и надгосударственного движения².

Принцип внешнеполитической поддержки или, наоборот, осуждения является не менее важным фактором, оказывающим влияние на цели и идеологический характер сепаратистских движений. Выделяют три различные волны сепаратизма в пост-колониальный период: «гражданские сецессии – построение многоэтничных гражданских государств, признанных мировым сообществом (Катанга, Биафра, Гана, Нигерия, Мали); «долгая волна» – преднамеренное затягивание конфликта и отделение «де-факто»; «новая волна», выходящая «за грань отделения, сепаратизма и ирредентизма», определяется связями африканских государств с мировым сообществом³.

В пост-колониальный период процесс формирования национального государства является фундаментальной основой институционализации различных форм взаимодействия этносов и социальных групп, политических элит и контрэлит, определяющих в конечном итоге модель политического режима⁴. Особенность нового институционального дизайна определяет сочетание элементов традиционных (доколониальных) институтов и институтов государства модерна, который иногда именуется

¹ Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: ЯСК, 2022. С. 247.

² Thomas C. G., Falola T. *Secession and Separatist Conflicts in Postcolonial Africa*. Calgary: University of Calgary Press, 2020.

³ Thomas C. G., Falola T. *Secession and Separatist Conflicts in Postcolonial Africa*. Calgary: University of Calgary Press, 2020.

⁴ Камара С. Государственное устройство и политическая стабильность в Африке // Европейский союз. 2018. № 3 (25). С. 27-34.

«неотрадиционализмом», иногда локальным вариантом модернизации¹. Кассе Ныгусие использовал теорию неопатримониализма для объяснения дуалистического влияния бывших метрополий на постколониальные страны, заключающегося, с одной стороны, в ответственности за возникновение внутривластных конфликтов, с другой стороны, в создании государственных структур с частичным сохранением традиционных систем ценностей².

Так, перспективы формирования консоциативной модели демократии в Мали непосредственно связаны с процессом формирования национального государства и установлением республиканского строя и демократического режима управления обществом в африканских странах. Становление национального государства в Мали в пост-колониальный период проходило в процессе осуществления политической и экономической модернизации, но при сильном влиянии колониализма. В основу формирования политического режима Республики Мали была положена западная модель «демократизации». Вместе с тем в африканских странах сохранились традиции, имеющие исторически и культурно обусловленные уникальные черты политической организации. Существуют две аналитические модели, в определенном смысле отражающие противоположные оценки тенденций развития государственности в пост-колониальных странах. Первая представляет государство как универсальную модель, не имеющую национальной специфики³. Вторая модель рассматривает государство как социально и исторически обусловленную форму политической организации общества⁴, являющуюся результатом констелляции нескольких факторов,

¹ Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 134.

² Кассе Ныгусие В.М., Ивкина Н.В. Особенности политического развития Африки в постколониальный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 35.

³ Shils E. Political Development in the New State. La Haye, Mouton and Co, 1960; Rustow D. Transitions to Democracy // Comparative Politics. 1970. № 2 (3). P. 337-363.

⁴ Bendix R. Nation-building and Citizenship. New York: Willey, 1964; Tilly C. The Formation of National States in Western Europe. Princeton: Princeton University Press, 1975;

начиная от традиций и заканчивая ролью юристов и распространением римского права или войны¹.

Сочетание в постколониальном общественном сознании проявлений этнической и гражданской идентичности подтверждает принцип гибридности как признака постколониальности. Большинство африканских стран объединяет несколько этнических групп, что закладывает несоответствие между этнической и гражданской идентичностью. Стереотипным элементом идентичности этноса этого региона является традиционное отношение к насилию как способу решения проблем. Существует и примордиалистское объяснение «фабрикации» этнической идентичности колонизаторами. Принцип соблюдения в структуре государства двух моделей гражданства, антиномичных по своей сути – универсализма и мультикультурализма², также создает основу для «конфликта этнической и гражданской идентичности».

В общественном сознании постепенно происходит и процесс деконструкции колониальных / неоколониальных стереотипов как наследия господства колонизаторов, работающий на стабилизацию общества. Лидеры сепаратистов для легитимации своих действий и обоснования претензий на власть также используют прием конструирования новых стереотипов. Материалом служат исторические мифы, легенды о национальных героях, традиционные символы. Вместе с тем ими воспроизводятся и западные стереотипы, такие как идентичность, в постструктуралистской терминологии «Другой», «Иной». Данные социологических опросов, имеющих в распоряжении аналитической сети «Афробарометр» по кейсу государства Мали, не являются репрезентативными и будут использованы для описания отдельных случаев.

Badie B. Analyse comparative et sociologie historique // Revue internationale des sciences sociales. 1992. № 133. P. 363-372.

¹ Hintze O. The State in Historical Perspective; Bendix R. (eds.), State... op. cit. P. 154-169; Strayer J. Les origines médiévales de l'État moderne. Paris: Payot, 1979; Elias N. La dynamique de l'Occident. Paris: Calmann-Levy, 1975.

² Braud P. Sociologie politique. Paris, 2006. P. 84.

«Афробарометр» опубликовал данные 26 777 интервью, собранных в 18 странах во время опросов 8-го раунда в период с июля 2019 по апрель 2020 года¹. Опрос показал, что на самом деле 46% африканцев фактически одинаково относятся к обеим идентичностям. Вместе с тем 39% опрошенных утверждают, что их национальная идентичность для них важнее. Всего 15% выбирают свою этническую идентичность². Этнических партий, по данным «Афробарометра», достаточно мало, например, в 2006 г. их насчитывалось только 19,5%, но с 2003 г. они показали тенденцию к слабому росту³. А. Бэннон, Д. Познер, Э. Мигель, ссылаясь на данные опроса более чем 14 тыс. респондентов в девяти африканских странах, называют в качестве факторов этнической идентификации образование, занятость в нетрадиционных секторах и политическую конкуренцию⁴.

Бенн Эйферт, Эдвард Мигель, Дэниел Познер обобщили данные 22 опросов в 10 африканских странах более чем 33 тыс. респондентов, направленных на изучение политических источников этнической идентификации в Африке. Исследователи пришли к выводу, что «этническая идентичность в Африке не «в крови», а податлива и подвержена инструментальному манипулированию со стороны политиков». Они доказали, что сила этнической идентичности в Африке определяется политической конкуренцией и политической мобилизацией⁵. Дэниел Познер признает этнические группы историческими конструкциями. Аналогичным

¹ Logan C., Seydou A. and Katenda L. M. Ties that bind? Evidence of both unity and division in 18 African countries // Afrobarometer Dispatch. 2020. № 412. 15 December.

² Logan C., Seydou A., Katenda L. M. Ties that bind? Evidence of both unity and division in 18 African countries // Afrobarometer Dispatch. 2020. № 412. 15 December. P. 6.

³ Cheeseman N., Ford R. A. Ethnicity as a political cleavage. Institute for Democracy in South Africa (IDASA), 2007. P. 2, 13.

⁴ Bannon A., Posner D., Miguel E. WP44: Sources of Ethnic Identification in Africa // Afrobarometer. 2004. 2.09. URL: <https://www.afrobarometer.org/publication/wp44-sources-ethnic-identification-africa/> (accessed: 28.02.2024).

⁵ Eifert B., Miguel E., Posner D. WP89: Political Sources of Ethnic Identification in Africa // Afrobarometer. Paper 112. 2007. 6.12.

образом следует рассматривать структуру этнических расколов как наследие колониализма¹.

Следует внимательно отнестись исследованиям этого феномена, или «загадки», как сформулировали Т. Даннинг и Л. Харрисонс. В известной работе «Сквозные расколы и этническое голосование: экспериментальное исследование кузенства (cousinage) в Мали»² авторы высказали несколько важных замечаний антропологического свойства и представили данные проведенного эксперимента. В исследовании они опирались на концепцию «сквозных расколов» Липсета, Роккана, Даля (Lipset and Rokkan³; Dahl⁴), а также на выводы других ученых, доказывающих, что в многосоставных обществах степень влияния «сквозных расколов» на этническую идентичность зависит от критериев языка, расы, религии, политической значимости и возможности создавать политические коалиции.

Т. Даннинг и Л. Харрисонс утверждают, что сквозные расколы снижают конфликты и стабилизируют политику. Представленные экспериментальные результаты доказывают, что этническая принадлежность имеет малое политическое значение в Мали, стране этнически далеко не однородной, а партии не формируются по этническому признаку. Они объясняют этот феномен сквозными связями, обеспечиваемыми неформальным институтом, называемым кузенством⁵. Как этнические, так и кузенские союзы повышают доверие к политикам, однако ни одно измерение идентичности не становится доминирующим в качестве основы для выбора

¹ Posner D. N. The colonial origins of ethnic cleavages: The case of linguistic divisions in Zambia. *Comparative Politics*. 2003. P. 142.

² Dunning T., Harrison L. Cross-cutting cleavages and ethnic voting: An experimental study of cousinage in Mali // *American Political Science Review*. 2010. Vol. 104. № 1. P. 21-39

³ Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments. In *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*, eds. Lipset S. M. and Rokkan S. New York: The Free Press, 1967. P. 1-64.

⁴ Dahl R. A. *Dilemmas of Pluralist Democracy: Autonomy vs. Control*. New Haven, CT: Yale University Press, 1982.

избирателей из-за их сквозного характера¹. Феномен отсутствия трансформации значимости этнической принадлежности в формирование электоральных предпочтений объясняется тем, что кузенство представляет собой «сквозное измерение идентичности». Джаму (jamu)² – имена собственные, патронимы. Слово из языка бамана, на котором говорит бамбара – крупнейший народ Республики Мали; восходит к арабскому jama'a («собрание, сообщество»). Носители одинаковых джаму – «общности по джаму» – часто возводят себя к общему предку, почитают те же тотемы (например, тотем Кейта – бегемот)³.

К. Мюллер-Крепон К. и Н. Борман в работе «Совместное голосование представителей разных этнических групп в Африке: изучение электоральных разногласий с помощью модели регрессии совместного голосования», основываясь на данных опросах «Афробарометра», проведенных в 28 странах Африки, показали, что влияние соэтничности одинаково во всех институционально разнообразных странах и по крайней мере в пять раз больше, чем влияние других расколов. В частности, в Мали, как показывают данные 3-7-го раунда опросов «Афробарометра», выявлены слабые этнические модели голосования, что подтверждает выводы Т. Даннинга и Л. Харрисонса. Среди расколов идентичности общие родные языки, по-видимому, являются самым сильным и стабильным предиктором предпочтений совместного голосования⁴. По мнению Д. Кимемия, социальные расколы, политизируясь, оказывают отрицательное влияние на

¹ Dunning T., Harrison L. Cross-cutting cleavages and ethnic voting: An experimental study of cousinage in Mali // *American Political Science Review*. 2010. Т. 104. № 1. Р. 21.

² Слово из языка бамана, на котором говорит бамбара – крупнейший народ Республики Мали; восходит к арабскому jama'a («собрание, сообщество»).

³ Попов В.А. Социально-коммуникативные сети как фактор вторичного политогенеза в доколониальной Тропической Африке // *Политическая антропология традиционных и современных обществ*. 2012. С. 329-330.

⁴ Muller-Crepon C., Bormann N. Co-ethnics Co-vote in Africa: Studying Electoral Cleavages with a Co-Voting Regression Model. 2024. P. 29-30.

процесс демократизации в Африке как в колониальную, так и пост-колониальную эпоху¹.

Идеология родства как «сквозной раскол» (cross-cutting cleavages), компенсирующий этнополитические расколы, является важной антропологической характеристикой постколониального этнополитического сепаратизма в Мали. В африканских странах пост-колониального периода сложился особый тип сообществ, не закрытых, а пересекающихся с многими другими сообществами. Процесс политогенеза в догосударственных обществах, пока не имеющий консенсуса в оценке его предпосылок и содержания, связан с хорошо известным колониальным стереотипом «общество – это семья, а вождь – глава семьи». Однако и в современных постколониальных политических режимах он широко используется в концептах легитимации власти в многосоставных обществах.

Выводы по главе II. Способы легитимации идей сепаратизма его политическими лидерами подтверждают принцип амбивалентности, присущий постколониальному этнополитическому сепаратизму. Основой сепаратистских лозунгов, призванных объяснить претензии на обособление этноса вплоть до отделения и образования суверенных государств, является прежде всего апелляция к традициям, истории, сложившемуся веками укладу жизни. Однако в надежде на помощь мирового сообщества, во многом признавая институциональные возможности демократических режимов, построенных в результате модернизации политических систем африканских стран, в качестве аргументов зачастую используются и западные стереотипы. «Бурное развитие знаний о древних обществах требует пересмотра стереотипов и отказа от жестких конструкций»² при рассмотрении социальных систем периода «среднесложных обществ». Трактовка

¹ Kimemia D. Africa's Social Cleavages and Democratization: Colonial, Postcolonial and Multiparty Era. Lexington Books, 2015.

² Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет. 2012. С. 92.

стереотипа как дискурсивного института дает возможность уточнить роль стереотипа как элемента управления этнополитическими конфликтами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ теорий постколониальных исследований как предметной области политической науки показал их значимость и прогностический потенциал в исследовании этнополитического сепаратизма. Обоснована релевантность теории постколониального дискурса и теории социальных расколов задачам создания теоретико-методологического конструкта постколониального концепта этнополитического сепаратизма. Предложена дискурсивная типология этнополитических расколов, использованная для операционализации ключевых понятий разрабатываемого постколониального концепта. Доказана валидность метода дискурс-анализа, метода деконструкции колониальных и неоколониальных стереотипов в контексте проблем этнополитического сепаратизма. Продемонстрированы результаты их применения к анализу политических дискурсивных стратегий лидеров сепаратистов. Рассмотрены различные типы сепаратизма в политической проекции по критерию территориальных претензий: сецессия, автономия, ирредентизм. Проведен анализ различных политических практик институционализации взаимодействия государственных властей Республики Мали с лидерами сепаратистского движения туарегов.

Разработка постколониального концепта этнополитического сепаратизма, проведенная в соответствии с методологией теории постколониального дискурса, позволяет сформулировать несколько замечаний об ограниченности имеющихся теоретических возможностей исследования сепаратизма на уровне политической модели. На основе предложенной трактовки постколониального этнополитического сепаратизма был обоснован пересмотр подходов к этнополитическому сепаратизму как деструктивному явлению. Доказано, что политический этносепаратизм необходимо рассматривать как часть процесса постколониального нациестроительства. Ввиду специфики целей этнополитического сепаратизма

– обретения территориальной или экстерриториальной субъектности на этапе острого противостояния менее эффективными являются институциональные способы управления конфликтом. Поэтому особое значение приобретают дискурсивные стратегии политических субъектов на доконфликтной стадии противостояния и в период постконфликтного урегулирования.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что выводы и результаты, полученные в настоящем исследовании об этнополитическом сепаратизме и государственной стабильности, могут быть использованы в социологических и политологических описаниях сходных теоретических и практических проблем. Данное диссертационное исследование было призвано, опираясь на возможности теорий постколониальных исследований и разделенных обществ, развить идею о важнейшей роли политизации этнических расколов в эскалации сепаратизма и изменении мотивации лидеров сепаратистов. В настоящее время динамично меняется сам объект исследования – этнополитический сепаратизм. Предложенная постколониальная концепция этнополитического сепаратизма может быть использована в качестве аналитического инструмента для исследования перспектив достижения политического компромисса в диалоге с лидерами сепаратистских движений.

Модель консоциативной (сообщественной) демократии как институциональная структура должна быть дополнена коммуникативными структурными элементами, такими как дискурс, диалог, консенсус. В постколониальный период этнополитический сепаратизм является частью построения национальных / гражданских государств. Объективно он связан с попыткой реализации отдельными нациями права на отделение и создания самостоятельных государств (разрешенного ООН). Достижение целей сепаратистских движений напрямую зависит от политических возможностей и экономических ресурсов государства в разрешении этнополитических конфликтов. Дискурсивные формы коммуникации наиболее соответствуют доконфликтному взаимодействию и периоду постконфликтного

урегулирования. Сепаратизм в публичном дискурсе имеет положительную и отрицательную модальности, что напрямую отражается на состоянии стабильности / нестабильности политической системы.

Диссертантом доказана взаимосвязь между процессом демократизации и укреплением этносепаратистских настроений в Республике Мали. В диссертации предложены новые методы разрешения и урегулирования конфликтов, вызванных этнополитическим сепаратизмом, такие как политический консенсус или федерализация с использованием российского опыта. Изучены последствия политизации этнических размежеваний. Предложен концепт стратегических дискурсов постколониального этнополитического сепаратизма как теоретическое обоснование политической дестабилизации. Также предложен концепт конструирования общественных стратегических дискурсов как теоретическое обоснование интеграции разделенных обществ и урегулирования этносепаратистских конфликтов. На основе исследований постколониальных дискурсов предложена типология конкурирующих дискурсов конструирования расколов.

Сделан вывод о том, что в основе нестабильности африканских государств лежат как внутренние, так и внешние факторы, в том числе исторические, экономические, социальные и политические. Этнополитические и сепаратистские конфликты ведут к дестабилизации государства и экономическому застою страны. В этом случае стабильность постколониальных государств может обеспечить только решение тех политических, экономических, социальных проблем, которые приводят к деструктивному поведению лидеров сепаратистских движений.

Анализ пост-колониального периода развития африканских стран показал, что этнический фактор, исторически сложившееся многообразие этносов, не является определяющим и исключительным в возникновении социальных расколов в африканских странах. Именно политизация

этнических расколов определяет их глубину, уровень конфронтации и степень радикализма сепаратистских движений.

В политических практиках этот процесс институализируется в виде сецессий, автономизации, ирредентизма. Процесс политизации этнических расколов находит выражение в таких формах, как политизация формирования этнокультурного многообразия и идентичности, институциональное закрепление расколов, политическое вмешательство других стран, в дискурсивных стратегиях по легитимации претензий на власть или защите суверенитета.

Этнополитический сепаратизм как движение за реализацию права наций на самоопределение является частью процесса нациестроительства и отражением процесса демократизации в пост-колониальный период, направленного на защиту политических прав этнических групп. Постколониальный концепт этнополитического сепаратизма может быть использован для изучения сущностных черт и закономерностей конструирования интеграции разделенных обществ пост-колониального исторического периода в Африке и прогноза тенденций и направленности развития сепаратистских движений.

Перспективы дальнейшего исследования темы этнополитического сепаратизма связаны с развитием нескольких направлений. Дальнейшее изучение постколониального дискурса в литературном и научном творчестве африканских интеллектуалов. Конструирование в теории постколониальности проектов (идентификационных образцов, ценностей, идеалов) незападного Иного, альтернативных по отношению к эталонным образам и идеалам «цивилизованного Запада».

Исследование коммуникативных (дискурсивных, нарративных) практик в построении постколониальных наций и реализации в них стратегий политической стабилизации. Выявление специфики урегулирования экстерриториальных этносепаратистских конфликтов в разделенных обществах. Рассмотрение консоциации как способа объединения

разделенных обществ и построения над(национальной) идентичности в контексте процессов стабилизации. Исследование конкурирующих дискурсов раскола (сепаратизма) и консолидации в контекстах разделенных обществ. Предложение общей концептуальной схемы для осмысления постконфликтного урегулирования в разделенных обществах. Назрела необходимость разработки на междисциплинарном уровне новой политической теории деколонизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Официальные документы и источники

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения 20.06.2024).

Constitution de la République du Mali du 22 juillet 2023. (Официальный сайт президентства Мали). URL: <https://koulouba.ml/la-presidence/histoire-symboles/les-textes-fondateurs/constitution-version-actuelle/> (accessed: 28.02.2024).

Литература

Андреева Г.Н. Двойные стандарты в отношении современных государств к сецессии: правовой аспект // *Контур* глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 1. Т. 14. С. 6-22.

Африка перед лицом современных вызовов и угроз / отв. ред. С.Н. Волков, Т.Л. Дейч. М.: Институт Африки РАН, 2021. 238 с.

Африка в условиях формирования полицентричного мира / отв. ред. С.Н. Волков, Т.Л. Дейч, С.В. Ненашев. М.: ИАФР РАН, 2020. 360 с.

Африка: постколониальный дискурс: Тезисы докладов участников Всероссийской конференции 25-26 июня 2020 г. / отв. ред. Т.М. Гавристова [ЯрГУ им. П.Г. Демидова]; Н.Е. Хохолькова [ИАФР РАН]. Ярославль: Филигрань, 2020. 149 с.

Африка: постколониальный дискурс. Колл. монография. / отв. ред. Т.М. Гавристова, Н.Е. Хохолькова. М.: Институт Африки РАН, 2020. 248 с.

Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011. 144 с.

Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока. 2-е изд., испр. М.: Ленанд, 2020. 504 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Артеев С.П. Разделенные общества в российском научном дискурсе // Власть. 2021. № 6. С. 123-129.

Балезин А.С. Некоторые соображения о болевых точках современной отечественной исторической африканистики (приглашение к дискуссии) // Уральское востоковедение. Вып. 13. 2023. № 13. С. 6-11.

Баранов А. В. Сепаратизм в современном мире: политико-территориальный аспект // Южно-российский журнал социальных наук. 2005. № 3. С. 107-23.

Барсукова А.В. «Амбисьон-Африк» президента Макрона: возможности для нейтральности Франции в Африке // Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик» / Институт Европы РАН. М.: Институт Европы РАН, Весь Мир, 2024. 40 с.

Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: ЯСК, 2022. 400 с.

Бондаренко Д.М. Формирование постколониальных наций: теория и современные реалии // Африка: постколониальный дискурс: Тезисы докладов участников Всероссийской конференции. Ярославль. 25-26 июня 2020 года. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 29-31.

Вида К. Свои и чужие. Этнические стереотипы в средневековой Европе, 950-1250 гг. / пер. с англ. А. Инопиной. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. 396 с.

Гавристова Т.М. Африка: постколониальный дискурс // Африка: постколониальный дискурс: тезисы докладов участников Всероссийской конференции 25-26 июня 2020 г. / отв. ред. Т.М. Гавристова; Яросл. гос.

университет им. П.Г. Демидова; Н.Е. Хохолькова; ИАФР РАН. Ярославль: Филигрань, 2020. 149 с.

Гавристова Т.М. Африка: «постколониальная библиотека» // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 80-85.

Гавристова Т.М. Афрополитизм: альтернатива космополитизму или трансформация идентичности? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. № 2. С. 159-172.

Гавристова Т.М., Хохолькова Н.Е. Постколониальная эпистемология: африканские «регистры» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 688-699.

Гейвин Х. Когнитивная психология / пер. с англ. С. Комарова. М.: Питер, 2003. 268 с.

Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации: Материалы международной научно-практической конференции (Липки, сентябрь 1992 г.). М.: Наука, 1993. С. 145–164.

Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 280 с.

Глухова А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (К проблеме теоретической идентификации) // Политическая наука. 2020. № 3. С. 13–33.

Гринин Л.Е., Коротаяев А.В. Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2012. С. 92-123.

Деррида Ж. О грамματοлогии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 520 с.

Деррида Ж. «Наконец-то научиться жить» (последнее интервью) / пер. Н.С. Автономовой // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 130 - 144.

Дьяков А.В. Философия постструктурализма во Франции. Нью-Йорк: Северный Крест, 2008. 364 с.

Зукова А.И., Иванов В.Г., Казаринова Д.Б., Кутелева А.В., Ярославцева А.О. Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М., 2012. 238 с.

Ильин М.В., Остапенко Г.И. Размежевания и идентичности в меняющемся ландшафте мировой политики // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 46-65.

Интервью с Абдулахи Аттайубом, президентом туарегской ассоциации «Темуст», созданной во Франции в 1991 г. URL: <http://www.afrik.com/article12377.html> (дата обращения: 31.08.2007).

Камара С. Государственное устройство и политическая стабильность в Африке // Европейский союз. 2018. № 3 (25). С. 27-34.

Камара С. Особенности этнополитического сепаратизма в Республике Мали и его влияние на политическую стабильность // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 4 (39). С. 314-321.

Камара С. Постколониальный этнополитический сепаратизм: стратегии политической дестабилизации Сахеля (на материалах Туарегов и Фулани в Мали) // Журнал политических исследований. 2024. Т. 8. № 2. С. 16-26.

Камара С. Проблемы становления нации в африканских государствах (на примере Республики Мали) // Вопросы политологии. 2018. № 12 (40). С. 1157-1163.

Камара С., Медведев Н.П. и др. Этнополитическая регионалистика: национальная автономия и сепаратизм // Наука сегодня. 2018. Коллективная монография. Вып. 11. С. 84-93.

Камара С. Постколониальный этнополитический сепаратизм в разделенных обществах (кейс Африки) // Вопросы национальных и федеративных отношений». 2024. Т. 14. № 7 (112). URL: <https://etnopolitolog.ru/index.php/ru/soderzhanie-vypuskov/7-112-2024>. (дата обращения: 23.12.24).

Камара С. Постколониальный этнополитический сепаратизм: концептуально-дискурсивный анализ // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. С. 110-122.

Камара С. Терроризм и межэтнические конфликты в центре Мали как последствия туарегского сепаратизма // PolitBook – Цифровизация политического пространства. 2019. № 4. С. 149-161.

Кассае Ныгусие В.М., Ивкина Н.В. Особенности политического развития Африки в постколониальный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 22-38.

Кравинская Ю.Ю. О дискурсивных связях постколониального нарратива с постмодернизмом // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 232-237.

Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. 2016. № 1. С. 15-33.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.

Макаренко В.П. Политический дискурс: между бессмыслицей и порочным кругом // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 2. С. 72-95.

Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М.: Праксис, 2005. 368 с.

Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии. М.: Праксис, 2002. 416 с.

Медведев Н.П. Стабильность политической системы: теория и российская практика // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2007. № 4. С. 63-71.

Медведев Н.П. Политическая стабильность // Политические институты и процессы: сравнительные исследования. М., 2006. С. 14-28.

Медведев Н.П., Камара С. Проблема сепаратистских тенденций в Африке: Национально-освободительное движение АЗАВАДА (МНЛА) // Евразийский союз: Вопросы международных отношений. 2018. № 1 (23). С. 17-24.

Медведев Н.П., Камара С. Проблемы этносепаратизма в Африке: национально-освободительное движение Азавада (МНЛА) в Мали // Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение. 2019. С. 91-99.

Метаморфозы разделенных обществ: монография / И.В. Кудряшова, О.Г. Харитоновна, С.М. Хенкин и др.; под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра сравнительной политологии. М.: МГИМО-Университет, 2020. 284 с.

Мильто А.В. Постколониальный дискурс: термины, образы, сюжеты // Африка: постколониальный дискурс. М.: ИАФр. РАН, 2020. С. 35-49.

Митрахович С.П. Идея постколониальности и противоречия политики идентичности // Идея постколониальности в современных цивилизационных представлениях: материалы конференции. М.: Институт Африки РАН, 2021. 248 с.

Нуруллин Р. М. Парадигма конфликта как методологическая основа анализа этнополитического сепаратизма. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 1. С. 154-60.

Нуруллин РМ. Понятие сецессии в политической науке. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 1. С. 212-221.

Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Эдвард В. Саид / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.

От «Франс-Африк» до «Амбисьон-Африк»: возможности для нейтральности. 29 ноября 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and->

comments/analytics/ot-frans-afrik-do-ambison-afrik-vozmozhnosti-dlya-neytralnosti/ (дата обращения: 31.08.2024).

Подшибякина Т.А., Камара С. Постколониальный дискурс: теория, методология и практика применения (на примере этнополитического сепаратизма в Африке). Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 3. С. 38-49.

Пономаренко Л.В., Лаврова Е.В. Франкофония: исторический опыт и тенденции современного развития. М.: Институт Африки РАН, 2007. 152 с.

Попов В.А. Социально-коммуникативные сети как фактор вторичного политогенеза в доколониальной Тропической Африке. // Политическая антропология традиционных и современных обществ. 2012. С. 329-330.

Поцелуев С. П. Политические парадиалоги. Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2008. 392 с.

Поцелуев С.П. Стереотип как институциональный ресурс политики памяти: случай российского поколения Z // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 4. С. 62-71.

Поцелуев С.П., Тимкук Дж. А. Политический диалог в многосоставных обществах: монография / С.П. Поцелуев, Дж. А. Тимкук; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд. Южного федерального университета, 2021. 182 с.

Прохоренко И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 93 с.

Прохоренко И.Л. Идентичность в постколониальном дискурсе // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2023. С. 119-129.

Саид Э. Культура и империализм [Текст] / Эдвард Вади Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. - Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2012. 733 с.

Сальников В.И. Межэтнические конфликты в странах «Франсафрик» – потестарное наследие или порождение неокOLONиализма? // Африканский

вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик» / Институт Европы РАН. М.: Институт Европы РАН, Весь Мир, 2024. 40 с.

Семененко И.С. Разделенные общества: концепты и социально-политические реалии. Политология. Новый лексикон. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 235-247.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 56-77.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 69-94.

Сидорова Г.М. Россия и Африка: сотрудничество с перспективой // Африка: постколониальный дискурс: Тезисы докладов участников Всероссийской конференции. Ярославль. 25-26 июня 2020 года. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 101-103.

Сидорова О.Г. Понятийно-терминологическое поле постколониального дискурса // Текст в культурно-историческом контексте / Уральский государственный университет им. А.М. Горького; под ред. О.Г. Сидоровой, А.В. Маркина. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2005. С. 120-127.

Следзевский И.В., Неклесса А.И., Хайруллин Т.Р. Идея постколониальности в современных цивилизационных представлениях // История и современность. 2023. № 1 (47). С. 22-62.

Следзевский И.В. Цивилизационный транзит постколониальной Африки (постановка проблемы). Африка: международная интеграция и партнерство: Ежегодник-2022 = Africa: International Integration and Partnership: Yearbook-2022: Сборник статей / под ред. Н.С. Кирабаева, Л.В. Пономаренко, В.И. Белова, Е.А. Долгинова. М.: РУДН, 2022. 321 с.

Сталенная Л. С. Сепаратизм с точки зрения теории систем // Восточно-европейский научный журнал. 2016. № 5. С. 73-78.

Тембо Дж. Нужен ли африканским постколониальным теориям эпистемический деколониальный поворот? // Постколониальные исследования. 2022. № 25 (1). С. 35-53.

Тишков В.А. Моральность сепаратизма // Блог В.А. Тишкова. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n61_moralno.html# (дата обращения 27.10.2024).

Труды научной школы профессора Медведева Н.П. Этнополитическая регионалистика: национальная автономия и сепаратизм. Коллективная монография. М.: Наука сегодня, 2018. Вып. 11. 137 с.

Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей / отв. ред. Т.С. Денисова. М.: ИАФр РАН, 2023. 214 с.

Филиппов В.Р. Сепаратизм в Мали: дорога без начала и конца // Сепаратизм в Африке южнее Сахары / ред. Т.С. Денисова. М.: Институт Африки РАН, 2021. С. 59-91.

Филиппов В.Р. Азавад – самопровозглашенное государство туарегов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 214-227.

Филиппов В.Р. Системный кризис «Франсафрик» // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 144-156.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2016. 383 с.

Харитоновна О.Г. Теория и практика консоционализма в ближневосточном контексте: новые грани старой проблемы // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 4. С. 61-80.

Хохолькова Н.Е. Деколонизация сознания, культурный национализм, афроцентризм, афротриумфализм // Россия – Африка: от устной истории к постколониальному нарративу: Сборник материалов Всероссийской

конференции с международным участием 18-20 мая 2022 года. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 216-220.

Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев. М.: Издательство Московского университета, 2019. 416 с.

Ярославцева А.О. Политическая стабильность: современные параметры и коннотации // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М., 2012. С. 11-44.

б) на иностранных языках

на английском языке:

Agreement for Peace and reconciliation in Mali Resulting from the Algiers Process. PA-X. Peace Agreement Access Tool (Translation © University of Edinburgh) URL: https://www.un.org/en/pdfs/EN-ML_150620_Accord-pour-la-paix-et-la-reconciliation-au-Mali_Issu-du-Processus-d'Alger.pdf. (accessed: 02.08.2024).

Almond G., Powell B. Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston: Little, Brown, 1966. 348 p.

Amini A. R., Camara S., Manopov M.M., Njeebullah S. A. The development of the political system in Afghanistan: current perspective in the context of national consensus-building // Web of Science Canadian Journal of Politics and Law. 2019. Vol. 12. № 1. P. 1-10.

Andeweg R. B. Consociational democracy // Annual Review of Political Science. 2000. Vol. 3. № 1. P. 509-536.

Anderson J. Ethnocracy: Exploring and Extending the Concept // Cosmopolitan Civil Societies Journal 2016. Vol. 8. № 3. P. 1-29.

Arowosegbe J. O. African universities and the challenge of postcolonial development // Africa. 2023. Vol. 93. № 5. P. 591-614.

Ashcroft B. et al. The Post-Colonial Studies Reader. London: Routledge, 1995. 552 p.

Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. Post-colonial studies: The key concepts. London: Routledge, 2013. 368 p.

Attridge D. Deconstruction Today // Études anglaises. 2005. Vol. 58. № 1. P. 42-52.

Baque Ph. Nouvel enlèvement des espoirs de paix dans le conit touareg au Mali // Le Monde Diplomatique. 1995. Avril. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/1995/04/BAQUE/1370> (accessed: 10.02.2018).

Bamba A. B. P.-P. Fraiture. Past Imperfect: Time and African Decolonization 1945-1960. Liverpool: Liverpool University Press, 2021. 320 p.

Battles O. Sahel 2021: Communal Wars, Broken Ceasefires and Shifting Frontlines. 2021. 11 p.

Bendix R. Nation-building and Citizenship. New York: Wiley, 1964. 314 p.

Bourgeot A. Les sociétés touarègues. Nomadisme, identité et résistances, Paris: Karthala, 1995. 544 p.

Boilley P. Les Touaregs Kel Adagh: dépendances et révoltes: du Soudan français au Mali contemporain. Paris: Karthala, 1999. 644 p.

Boilley P. Un complot français au Sahara? Politiques françaises et représentations maliennes, Mali-France : regards sur une histoire partagée. Éditions Karthala, 2005. P. 161-182.

Badie B. Analyse comparative et sociologie historique // Revue internationale des sciences sociales. 1992. № 133. P. 363-372.

Bendix R. Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order. New York: Wiley, 1964. 314 p.

Bouwer B.A. Desert named Peace: The violence of France's Empire in the Algerian Sahara, 1844-1902. New York: Columbia University Press, 2009. 417 p.

Bhabha H. K. Nation and narration. London: Routledge, 2013. 345 p.

Bhabha H. K. The Location of Culture. London: Routledge, 1994. 285 p.

Bhandari N. B. Homi K. Bhabha's third space theory and cultural identity today: A critical review // Prithvi Academic Journal. 2022. P. 171-181.

Bogaards M., Helms L., Lijphart A. The importance of consociationalism for twenty-first century politics and political science // *Swiss Political Science Review*. 2019. Vol. 25. № 4. P. 341-356.

Bogaards M. Consociationalism and the State // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2024. Vol. 30. № 1. P. 46-64.

Buchanan-Clarke S., Nkomo S. Violent Extremism in Africa: Citizen Perspectives from the Sahel Epicenter and Periphery. *Afrobarometer Dispatch Policy*. Paper 74. 7 Jul 2021. URL: <https://www.afrobarometer.org/publication/pp74-violent-extremism-africa-citizen-perspectives-sahel-epicenter-and-periphery/> (accessed: 02.08.2024).

Buchheit L.C. *Secession: The legitimacy of self-determination*. New Haven: Yale university press, 1978. 260 p.

Budge I., Cornelius O'L. 1971. Cross-Cutting Cleavages, Agreement and Compromise: An Assessment of Three Leading Hypotheses Against Scottish and Northern Irish Survey Responses // *Midwest Journal of Political Science*. 1971. Vol. 15. № 1. (Feb.). P. 1-30.

Chandra K. What is Ethnic Identity and Does It Matter? // *Annual Review of Political Science*. 2006. Vol. 9. P. 397-424. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170715> (accessed: 03.25.2024).

Cheeseman N., Ford R. A. Ethnicity as a political cleavage. *Institute for Democracy in South Africa (IDASA)*. 2007. 37 p.

Chrisman L. Nationalism and postcolonial studies // Lazarus N. ed. *The Cambridge Companion to Postcolonial Literary Studies*. Cambridge Companions to Literature. Cambridge University Press, 2004. P. 183-198.

Confavreux J. Decolonial anxieties in a postcolonial world: an interview with Achille Mbembe // *Postcolonial Studies*. 2022. Vol. 25. № 1. P. 128-135.

Connolly W. *The terms of political discourse*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1993. 257 p.

Consociational Settlements in Deeply Divided Societies: The Liberal-Corporate Distinction // Democratization. 2014. Vol. 21. № 3. P. 501-518.

Dahl R. A. Democracy and its Critics. Yale university press, 2008. 397 p.

Dahl R. A. Dilemmas of Pluralist Democracy: Autonomy vs Control. New Haven, CT: Yale University Press, 1982. 229 p.

Dennis R. M. Separatism // The Blackwell Encyclopedia of Sociology. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2007. 5650 p.

Derrida J. As if I were Dead: an interview with Jacques Derrida // Applying: To Derrida (eds. Brannigan J., Robbins R. & Wolfreys J. London: Macmillan, 1996. P. 212-227.

Derrida J. Letter to a Japanese friend // A Derrida Reader (ed. P. Kamuf). New York: Harvester, 1991. P. 270-276.

Derrida J. Deconstruction in a nutshell: A conversation with Jacques Derrida, with a new introduction. Fordham University Press, 2020. 272 p.

Derrida J., Malet E., Vermeren P., Peretti C. and Sohm B. Jacques Derrida: The Deconstruction of Actuality // Radical Philosophy. 1994. № 68. P. 28-41.

Dunning T., Harrison L. Cross-cutting cleavages and ethnic voting: An experimental study of cousinage in Mali // American Political Science Review. 2010. Vol.104. № 1. P. 21-39.

Eifert B., Miguel E., Posner D. WP89: Political Sources of Ethnic Identification in Africa // Afrobarometer. Paper 112. 6.12.2007.

Elias N. La dynamique de l'Occident. Paris: Calmann-Levy, 1975. 328 p.

Erdmann G. The Cleavage Model, Ethnicity and Voter Alignment in Africa: Conceptual and Methodological Problems Revisited. December 1 2007. GIGA Working Paper № 63. 32 p.

Fanon F., Gibson N. (ed.). Living Fanon: global perspectives. Springer, 2016. 257 p.

Forsdick C., Murphy D. Francophone postcolonial studies: a critical introduction. London: Routledge, 2003. 320 p.

Forcedisk S., Morphis D. eds. *Postcolonial Through the French Speaking World. Postcolonialist Cross the Disciplines*. Liverpool University Press, 2009. 357 p.

Fraiture P. P. *Past Imperfect: Time and African Decolonization, 1945-1960*. Liverpool University Press, 2021. 328 p.

Gazeley J. The strong “weak state”: French statebuilding and military rule in Mali // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2022. Vol.16. № 3. P. 269 - 286. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17502977.2022.2030627#abstract>. (accessed: 02.08.2024).

Getachew A., Mantena K. Anticolonialism and the decolonization of political theory // *Critical Times*. 2021. № 3. Vol. 4. P. 359-388.

Gikandi S. Poststructuralism and postcolonial discourse / Lazarus N. (ed.). *The Cambridge Companion to Postcolonial Literary Studies*. Cambridge Companions to Literature. Cambridge University Press, 2004. P. 97-119.

Go J. Postcolonial Thought and Social Theory // *Social Forces*. Vol. 98. Issue 4 June 2020. P. 1-3. URL: <https://doi.org/10.1093/sf/soaa004> (accessed: 02.08.2024).

Goodin R. E. Cross-Cutting Cleavages and Social Conflict // *British Journal of Political Science*. 1975. № 5 (4). P. 516-519.

Grosfoguel R. The epistemic decolonial turn: Beyond political-economy paradigms1 // *Cultural Studies*. 2007. № 21 (2-3). P. 211-223.

Guelke A. *Politics in deeply divided societies*. Polity, 2012. 178 p.

Gupta D. Separatist movements. *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. 27 September 2022. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9780470674871.wbespm388.pub2> (accessed: 27.10.2024).

Hintze O. The State in Historical Perspective, in Bendix R. Eds., *State*. op. cit. P. 154-169.

Horowitz D. L. Ethnic groups in conflict, updated edition with a new preface. Univ. of California Press, 2000. 697 p.

Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict; Rothchild D. Interethnic Conflict and Policy Analysis in Africa. *Ethnic and Racial Studies*. 1986. № 1. Vol. 9. P. 66-86.

Horowitz D. L. Patterns of ethnic separatism // *Comparative Studies in Society and History*. 1981. Vol. 23. № 2. P. 165-195.

Kingsbury D. *Separatism and the State*. London : Routledge, 2021. 260 p.

Kimemia D. *Africa's Social Cleavages and Democratization: Colonial, Postcolonial, and Multiparty Era*. Lexington Books, 2015. 396 p.

Lazarus N. Representation and Terror in V.Y. Mudimbe // *Journal of African Cultural Studies*. 2005. Vol. 17. № 1. P. 81-101.

Lehmbruch G. Consociational democracy in the international system // *European Journal of Political Research*. 1975. Vol. 3. № 4. P. 377-391.

Lewis J. S. What drives support for separatism? Exposure to conflict and relative ethnic size in Biafra, Nigeria // *Nations and Nationalism*. 2023. Vol. 29. № 4. P. 1228-1252.

Lijphart A. Consociational democracy // *World politics*. 1969. Vol. 21. № 2. P. 207-225.

Lijphart A. From the politics of accommodation to adversarial politics in the Netherlands: A reassessment // *West European Politics*. 1989. Vol. 12. № 1. P. 139-153.

Lijphart A. *The politics of accommodation: Pluralism and democracy in the Netherlands*. Berkeley: Univ. of California press, 1968. 222 p.

Lijphart A. *Consociational Theory: Problems and Prospects. A Reply* // *Comparative Politics*. 1981. № 13 (3). P. 355-360.

Lijphart A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. Yale University Press, 1977. p. 248.

Lijphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Democracy in 36 Countries*. New Haven, L.: Yale university press, 1999. 351 p.

Lipset S. M. *Political Man: The Social Basis of Politics*. Garden City N.Y.: Doubleday, 1960. 432 p.

Lipset S.-M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: an Introduction*. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective* Lipset S.-M., Rokkan S. (eds.). New York: Free Press, 1967. P. 1-61.

Lipset S. M. *Cleavages, parties and democracy // Party systems and voter alignments revisited*. London: Routledge, 2001. 336 p.

Lipset S. M., Stein R. *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments*. In *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*, eds. Lipset, Seymour Martin and Rokkan, Stein. New York: The Free Press, 1967. P. 1-64.

Logan C., Seydou A., Katenda L. M. *Ties that bind? Evidence of both unity and division in 18 African countries // Afrobarometer Dispatch*. № 412. 15 December 2020. 28 p.

Longhofer W., Winchester D. (Eds.). *Social Theory Re-Wired: New Connections to Classical and Contemporary Perspectives* (3rd ed.). London: Routledge, 2023. 540 p.

Luiz J. M. *The Impact of Ethno-Linguistic Fractionalization on Cultural Measures: Dynamics, Endogeneity and Modernization // Journal of International Business Studies*. 2015. Vol. 46 (9). P. 1080-1098. URL: <https://doi.org/10.1057/jibs.2015.6> (accessed: 03.01.2024).

Lustick I. *Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // World politics*. 1979. Vol. 31. № 3. P. 325-344.

Mazrui Ali A. *The Re-Invention of Africa: Edward Said, V. Y. Mudimbe and Beyond // Research in African Literatures*. 2005. № 36 (3). P. 68-69.

Majumdar M. A. *Postcoloniality: the French dimension*. Berghahn Books, 2007. 338 p.

Mantena K. *Political Identity and Postcolonial Democracy. On the Subject of Citizenship / Pillay, Suren – London: Bloomsbury Publishing, 2023. 248 p.*

Mbembe A. *On the Postcolony*. University of California Press, 2001. 274 p.

Mbembe A. et al. What is postcolonial thinking? // *Esprit*. 2006. № 12. P. 117-133.

McEvoy J., O’Leary B. *Power Sharing in Deeply Divided Places*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2013. P. 1-64.

McGarry J., O’Leary B. *The Northern Ireland Conflict: Consociational Engagements*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 448 p.

Mohiuddin A. Deconstructing colonial conceptions in contemporary social theory, literature and writing // *Postcolonial Studies*. 2016. № 2. Vol. 19. P. 235-237.

Mudimbe V. Y. *The Idea of Africa*. Bloomington: Indiana University Press, 1994. 234 p.

Mudimbe V. Y. *The Invention of Africa: Gnosis, Philosophy and the Order of Knowledge*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1988. 241 p.

Muller-Crepon C., Bormann N. C. *Co-ethnics Co-vote in Africa: Studying Electoral Cleavages with a Co-Voting Regression Model*. Working paper, European University Institute, September 2024. P. 29-30.

Muzaffar M., Ahsan M., Naveed A. Why “Post-colonialism” for Colonized and “Renaissance” for Colonizers? A Comparative Analysis of Deconstruction and Postcolonialism // *International Research Journal of Education and Innovation*. 2022. № 1. Vol. 3. P. 326-335.

Nazir F. *Deconstructing «Deconstruction»: Postcolonial Theory, Postmodernism and Poststructuralism* // *Tehseel*. 2019. № 4. 230 p.

Neocosmos M. The domain of traditional society and its politics. In: *Thinking Freedom in Africa: Toward a Theory of Emancipatory Politics*. Wits University Press, 2016. P. 473-520.

Oppenheim F. *Political Concepts. A Reconstruction*. Oxford: Basil Blackwell, 1981. 227 p.

Osterud O. Separatism // *The Encyclopedia of Political Thought*. 2014. P. 3397-3399.

O'Flynn I. Divided Societies and Deliberative democracy // *British journal of Political Science*. 2007. Vol. 37. № 4. P. 731-751.

O'Flynn I. Democratic Theory and Practice in Deeply Divided Societies. *Representation*. 2010. № 3. Vol. 46. P. 281-293.

Parry B. Problems in Current Theories of Colonial Discourse // *Oxford Literary Review*. 1987. № 9. P. 27-58.

Peeren E. Review of Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory. *French Studies: A Quarterly Review*. 2009. Vol. 63. № 1. P. 123-124.

Ponzanesi S. Postcolonial intellectuals: new paradigms // *Postcolonial Studies*. 2021. № 4. Vol. 24. P. 433-447.

Posner D. N. The colonial origins of ethnic cleavages: The case of linguistic divisions in Zambia // *Comparative Politics*. 2003. Vol. 35. № 2. P. 127-146.

Posner D. N. The political salience of cultural difference: Why Chewas and Tumbukas are allies in Zambia and adversaries in Malawi // *American political science review*. 2004. Vol. 98. № 4. P.529-545.

Powell G., Bingham Jr. Political Cleavage Structure, Cross-Pressure Processes and Partisanship: An Empirical Test of the Theory // *American Journal of Political Science*. 1976. № 20 (1). P. 1-23.

Pye L. *Aspects of Political Development*. Boston: Little, Brown, 1966. 205 p.

Reilly B. *Electoral Systems and Conflict Management Comparing STV and AV Systems / National Centre for Development Studies – Canberra*. Australian National University, 2000. 76 p.

Robertson G., Pop-Eleches G. Cross-cutting Cleavages and Ethnic Conflict: Evidence from Survey Experiments in Kyrgyzstan (2011). *APSA 2011 Annual Meeting Paper*. 49 p.

Rokkan S. *Geography, Religion and Social Class: Cross Cutting Cleavages across Norwegian Politics. Party Systems and Voter Alignments: Cross-national*

Perspectives. Ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York: Free Press, 1967. P. 379-386.

Rooney C. Derrida and Said: Ships that Pass in the Night // Edward Said and the Literary, Social and Political World. London: Routledge, 2009. P. 60-76.

Royle N. (eds.) Deconstructions. London: Palgrave, 2000. 312 p.

Royle N. What is Deconstruction? // Royle N. (eds.) Deconstructions. London: Palgrave, 2000. 312 p.

Rustow D. Transitions to Democracy // Comparative Politics. 1970. № 2 (3). P. 337-363.

Said E. The World, the Text and the Critic. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. 327 p.

Selway J. S. The measurement of cross-cutting cleavages and other multidimensional cleavage structures // Political Analysis. 2011. Vol. 19. № 1. P. 48-65.

Shils E. Political Development in the New State. La Haye, Mouton and Co, 1960. 91 p.

Strayer J. Les origines médiévales de l'État moderne. Paris: Payot, 1979. 156 p.

Shourjya D., Baudais V. Les défis de la collecte de données dans les zones de conflit: une étude de cas dans la région du Liptako-Gourma // SIPRI. 2022. I. № 12 (53). P. 43-45.

Spivak G. C. Translator's preface // Of Grammatology (ed. J. Derrida). P. IX-IXXXVII. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, MD, 1976. 354 p.

Spivak G.C. A Critique of postcolonial reason: toward a history of the vanishing present. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. 448 p.

Spivak G. C. Deconstruction and Cultural Studies: Arguments for a Deconstructive Cultural Studies // Royle N. (eds) Deconstructions. London: Palgrave, 2000. P. 14-43.

Stovall T. Diversity and Difference in Postcolonial France // Forsdick C., Murphy D., eds. Postcolonial Thought in the French Speaking World.

Postcolonialism across the Disciplines. Liverpool University Press, 2009. P. 259-270.

Strathausen C., Connolly W.E. Deconstruction and Experience: The Politics of the Undeconstructable. In *A Leftist Ontology: Beyond Relativism and Identity Politics* University of Minnesota Press. 2009. P.125-146.

Syrotinski M. *Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory* // Liverpool UP. 1 September 2007. 288 p.

Syrotinski M. Deconstruction in Algeria (Derrida 'Himself'). *Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory*. Liverpool University Press, 2007. 288 p.

Syrotinski M. Introduction: a few liminal remarks. In *Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory*. Introduction. Liverpool University Press, 2007. 136 p.

Syrotinski M. «Reprendre: Mudimbe's Deconstructions». *Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory*. Liverpool University Press. 2007. P. 82-97. URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctt5vjk5s.9> (accessed: 25 Sept. 2024).

Syrotinski M. Postcolonialism and Deconstruction: The Francophone Connection // Forsdick C., Murphy D. eds. *Postcolonial Thought in the French Speaking World*. *Postcolonialism across the Disciplines*. Liverpool University Press, 2009. P. 216-226.

Thomas Ch., Falola T. *Secession and separatist conflicts in postcolonial Africa*. Calgary: University of Calgary Press, 2020. 344 p.

Thomas Ch. *Secession and separatism in Modern Africa* // *The Palgrave Handbook of African colonial and postcolonial history* / Shanguhya M., Falola T. (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2018. P. 729-757.

Thomassen L. *Deconstruction after Derrida* // *Ethics & Global Politics*. 2009. Vol. 2. № 4. P. 383-388.

Tilly C. *Big structures, large processes, huge comparisons*. New York: Russell Sage Foundation, 1984. 176 p.

Tilly C. (ed.). *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press, 1975. 711 p.

Wiebe S. M. 123: Poststructuralism // *Encyclopedia of Critical Political Science*. Cheltenham. UK: Edward Elgar Publishing. Retrieved 12 Apr 2024. URL: <https://doi.org/10.4337/9781800375918.ch123> (accessed: 5.02.2024).

Yamb G. D. *Decolonizing Knowledge in Africa: Mudimbe's Philosophical Deconstruction of the Postcolonial Event // Africa Beyond Inventions: Essays in Honour of V. Y. Mudimbe*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 151-169.

Young R. J. C. *White Mythologies: Writing History and the West*. London: Routledge, 1990. 232 p.

Young R. J. C. *Deconstruction and the Postcolonial // Deconstructions: A user's guide*, 2000. P. 187-210.

Zezeza P.T. *The Troubled Encounter between Postcolonialism and African History // Journal of the Canadian Historical Association // New Series*. 2006. Vol. 17. № 2. P. 89-129.

Zuckerman A. *Political cleavage: A conceptual and theoretical analysis // British Journal of Political Science*. 1975. Vol. 5. № 2. P. 231-248.

на французском языке:

Alleno K. *La «Françafrique»: usages d'un mythe contemporain dans le débat politique français (1994-2021) // Revue historique*. 2023. № 4. P. 603-631.

Amabiamina F., Njoh Kome F. *Les métamorphoses africaines et leurs langages: Une analyse de discours politiques, médiatiques et littéraires contemporains*. Collection Études Eurafricaines. Paris: L'Harmattan, 25 août 2021. 272 p.

Amselle J-L., M'bokolo E. *Au cœur de l'ethnie: ethnies, tribalisme et État en Afrique*. Paris: La Découverte, 1985. 227 p.

Bancel N. *Que faire des postcolonial studies? Vertus et déraisons de l'accueil critique des postcolonial studies en France // Vingtième siècle*. 2012. № 3. P. 129-147.

Bayart J.-F. *Les Postcolonial Studies: Un carnaval académique*. Paris: Karthala, 2010. 126 p.

Bernus E. *Etre Touareg // Politique Africaine: La Revue*. Karthala Publishing Press, 1992. Janvier. URL: <http://www.politique-africaine.com/numeros/pdf/047023.pdf> (accessed: 10.02.2018).

Boilley P., Bernus E., Clauzel J., Triaud J.-L. (dir.). *Nomades et commandants: administration et sociétés nomades dans l'ancienne A.O.F.* Paris: Karthala, 1993. P. 215-239.

Brahimi M. A., Idir M. *Études postcoloniales et sciences sociales: pistes d'analyse pour un croisement théorique et épistémologique // Revue Interventions économiques. Papers in Political Economy*. 2020. № 64. URL: <http://journals.openedition.org/interventionseconomiques/11042> (accessed: 10.08.2024).

Braud P. *Sociologie politique*. Paris, 2006. 687 p.

Chesnel R. M. *De la démocratie en Françafrique. Une histoire de l'impérialisme électoral // Fanny Pigeaud et Ndongo Samba Sylla*. Paris: La Découverte, 2024. 380 p. // *Revue internationale et stratégique*. 2024. Vol. 135. № 3. P. 217-218.

Cohen J., Dorlin E., Nicolaïdis D., Rahal M. & Simon P. Dossier. *Le tournant postcolonial à la française // Mouvements*. 2007. № 51. P. 7-12. URL: <https://doi.org/10.3917/mouv.051.0007>(accessed: 15.06.2019).

CRA, *Programme cadre de la résistance*. 1994. 30 p.

De Villepin X. *la politique française en Afrique à l'aube du nouveau siècle // La revue internationale et stratégique*. 2002. Vol. 2. P. 143-148.

Derrida J. *De la grammatologie*. Paris: Editions de Minuit, 1967. 448 p.

Fall M. A. *Décoloniser les sciences sociales en Afrique // Journal des anthropologues*. Association française des anthropologues. 2011. № 124-125. P. 313-330.

Foucault M. *Surveiller et punir. Naissance de la prison*. Éditions Gallimard, 1975. 318 p.

Gounin Yv. Que faire des postcolonial studies? // Revue internationale et stratégique. 2008. № 3. P. 145-149.

Hamani D. Les enjeux stratégiques du Sahara à travers l'histoire // Communication à la journée de réflexion de l'ANDDH et Alternative Espaces Citoyens. Niamey, 11 août 2007. 10 p.

Lazarus N. Penser le postcolonial: une introduction critique. Paris: Éd. Amsterdam, 2006. 443 p.

Lacoste Y. La Question postcoloniale: une analyse géopolitique. Paris: Fayard, 2010. 440 p.

Niang A. Le «Boom» des saisons dans l'espace sahélo-saharien, Proto-révolution, désintégrations et reconfigurations sociopolitiques // Afrique contemporaine. 2013. I. 1 (245). P. 53-69.

Sindjoun L. Sociologie des relations internationales africaines. Paris: Karthala, 2002. P. 243.

Smouts M.-C. (dir.) La Situation postcoloniale. Les "postcolonial studies" dans le débat français. Paris: Presses de Sciences Po, 2007. 451 p.

Tamboura A. Le conflit touareg et ses enjeux géopolitiques au Mali: Géopolitique d'une rébellion armée. Collection Études africaines. Paris: L'Harmattan, 22 juillet 2016. 252 p.

Материалы из интернет-ресурсов

Большая российская энциклопедия 2004-2017. Сепаратизм. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3656853?ysclid=mgxn60gmvb184550513 (дата обращения 27.10.2025).

Bannon A., Posner D., Miguel E. WP44: Sources of Ethnic Identification in Africa // Afrobarometer. 2004. 2.09. URL: <https://www.afrobarometer.org/publication/wp44-sources-ethnic-identification-africa/> (accessed: 28.02.2024).

European civil protection and humanitarian aid operations: Mali, European Commission. 2019. URL: https://ec.europa.eu/echo/where/africa/mali_en (accessed: 28.02.2024).

European Union. URL: https://european-union.europa.eu/index_en (дата обращения: 28.02.2024).

Robinson A. National versus Ethnic Identity in Africa: State, Group and Individual Level Correlates of National Identification // Afrobarometer. Paper 112. 1.09.2009. P. 9.

Communiqué № 1 du MNLA, 2011. 16 octobre. URL: www.mnlamov.net (accessed: 15.06.2019).

Commission Électorale Nationale Indépendante du Mali (CENI). URL: <https://www.ceni-mali.org/> (accessed: 15.06.2019).

Loi № 57-27 du 10 janvier 1957 Creant une Organisation commune des regions Sahariennes // LegiFrance official website. 2023. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000692685> (accessed 01.03.2023).

Pour une présentation plus approfondie du MNLA: Dufour J. Mouvement national de libération de l'Azawad – Fiche documentaire. Note d'Analyse du GRIP. 2012. 22 mai. Bruxelles. URL: <http://www.grip.org/fr/node/92> (accessed: 13.06.2019).

ОПРОС ЭКСПЕРТОВ
«ПРОЯВЛЕНИЯ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА В ПОЛИТИКЕ
ФРАНЦИИ В ОТНОШЕНИИ МАЛИ И СТРАН САХЕЛЯ ПОСЛЕ
ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ИМИ НЕЗАВИСИМОСТИ»

Автор: Камара Сиди соискатель Института философии и социально-политических наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет». 344006, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42.

Цель опроса. Данный опрос представляет собой важную часть для сбора и отработки информации в рамках нашей исследовательской работы. Его целью является получение оригинальных ответов и информации от специалистов, авторов, общественных и политических деятелей, обладающих обширным знанием обсуждаемой проблематики диссертационного исследования. Полученная информация необходима для понимания факторов, причин, детерминант наблюдаемых явлений.

Задачи опроса заключаются в том, чтобы не только ответить на заданные вопросы, но и дать свои оценки на каждую часть данной проблематики диссертации. Полученная информация будет способствовать охвату максимально возможных аспектов исследуемой проблематики диссертации.

Степень участия респондента в решении имеющейся проблемы. В зависимости от объема полученной информации и количества авторов данный опрос сможет помочь использовать научный «метод делфи» для анализа результатов и обоснования выводов.

Гарантия конфиденциальности полученных ответов. Автор опроса берет на себя обязанность и дает гарантию сохранить конфиденциальный характер полученных ответов.

Правила заполнения. Автор спросит участников высказывать собственное мнение, отвечая на вопросы.

Способы возврата анкетных данных. Если опрос состоится в форме интервью, ответы будут записываться автоматически. В случае заполнения анкеты в бумажной форме или электронном формате ответы присылаются на адрес электронной почты sidicamara1980@yahoo.fr или по WhatsApp на номера: +22***** или +15*****

Благодарность от автора. Я вас заранее благодарю за ваше участие в данном опросе и ценю вклад, который вы вносите в мое исследование.

Данные эксперта:

Страна:

Сфера интересов:

Область деятельности:

Вопросы анкеты

«Проявления неоколониализма в политике Франции в отношении Мали и стран Сахеля после провозглашения ими независимости»

1. Каковы были основные формы политического господства Франции над Мали и другими странами Сахеля после провозглашения ими независимости?
2. Каким образом соглашения о сотрудничестве, подписанные между Францией и ее бывшими колониями после обретения суверенитета, способствовали возникновению той или иной формы их политической зависимости?
3. Какую роль играют французские военные базы, расположенные в странах Сахеля, в поддержании зависимости этих государств от Франции?
4. В какой степени французские военные операции, такие как «Сервал» (2013 г.) и «Бархан» (2014-2022 гг.), можно рассматривать как форму проведения политики неоколониализма?

5. Какова роль Франции в поддержке этнополитического сепаратизма в Мали?
6. Как дискурс о борьбе с терроризмом использовался для оправдания длительного французского военного присутствия в регионе?
7. Как такие инициативы, как *Afrique-France* или *Ambition Afrique*, влияют на международное и национальное восприятие отношений между Францией как неокOLONиальных?
8. Какую роль играют французские средства массовой информации и культурные организации в распространении дискурса, благоприятного для французских интересов, в странах Сахеля?
9. Как можно проанализировать такие институты, как Франкофония или двусторонние культурные соглашения, с точки зрения роли в сохранении стереотипов колониализма?
10. Назовите имена деятелей науки и культуры стран Сахеля, внесших заметный вклад в формирование этнической и гражданской идентичности или в борьбу с проявлениями французского неокOLONиализма?
11. Как приход к власти других мировых игроков (России, Китая, Турции) повлиял на характер отношений между Францией и Мали?
12. Как недавние перевороты (в Мали в 2020 и 2021 гг.) повлияли на отношения между Мали и Францией?
13. По вашему мнению, какие решения могли бы положить конец дискурсивным практикам, воспринимаемым как неокOLONиальные, и в то же время способствовать достижению подлинного суверенитета государств Сахеля?